

XLIII г.

№ 39

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 29-го сентября 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 16.

Тайна.

Разсказъ Н. Олигера,

(Окончаніе).

VII.

Максимъ Петровичъ былъ грустенъ. На разспросы Аверкіева отвѣчалъ нехотя, но наконецъ сознался:

— Надпись-то... Помните?

— Какая надпись?

— Ну, на листъ бумаги... когда мы проводили сеансъ съ планшеткой... Оказывается — не еврейская. Я передалъ ее черезъ одного знакомаго профессору восточныхъ языковъ. Онъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ буквахъ дѣйствительно есть сходство, но въ общемъ ничего нельзя разобрать. Очевидно, написано на какомъ-нибудь неизвѣстномъ и, можетъ-быть, уже исчезнувшемъ нарѣчій.

— Откуда же вы сами могли постигнуть это нарѣчье, когда писали?

— Это вещь возможная и даже обыкновенная... Я думаю, не послать ли въ Берлинъ? Тамъ есть одинъ замѣчательный знатокъ семитическихъ языковъ и къ тому же теософъ, то есть до извѣстной степени сочувствующій.

— Въ печку бросьте вы вашу надпись, вотъ чтò. И не стыдно вамъ, взрослому человѣку?

Максимъ Петровичъ обиженно уткнулся но-

сомъ въ счетныя книги. Ему, какъ и Ульяновъ Мироновичъ, частенько приходилось теперь страдать благодаря раздражительности Аверкіева, но онъ по крайней мѣрѣ догадывался о причинахъ этой раздражительности. При разговорахъ, въ свободныя

минуты, старался избѣгать щекотливой темы, хотя это почему-то далеко не всегда удавалось. И часто Аверкіевъ первый подходилъ къ наболѣвшему вопросу.

Такъ и сегодня. Максимъ Петровичъ со своей семитической надписью далъ толчокъ мысли, и она сама покатила по привычному пути.

Руки машинально исполняли привычное дѣло, писали красивыя, аккуратныя цифры, пересчитывали кипы бланковъ и квитанцій, — а мысль уходила далеко за аляповато-нарядныя стѣны банковской залы.

Подбѣжалъ молодой чиновникъ, завитой и румяный — директорскій племянникъ, состоявшій при дядюшкѣ для разныхъ мелкихъ порученій и для законнаго предлога получать очень порядочное жалованье:

— Сергѣй Ильичъ, пожалуйста въ кабинетъ... Васъ хотятъ видѣть.

А. Баллэ. Шампанское.

Для доклада еще не время. Аверкиевъ поднялся нехотя, все еще занятый своими особыми, не банковскими мыслями. Директорскій племянникъ сѣменилъ впереди, даже распахнулъ предупредительно дверь кабинета.

Черезъ четверть часа Аверкиевъ вернулся къ своей конторкѣ взбешенный и злой. Максимъ Петровичъ посмотрѣлъ на него опасно и подобралъ ноги. Не рѣшался спрашивать, но Аверкиевъ разсказалъ самъ:

— Нагоняй получилъ... Форменный выговоръ, какъ какой-нибудь мальчишка... Вы понимаете?

— Мм-да!—промямлилъ Максимъ Петровичъ.—Непріятно.

— Увѣряетъ, будто бы я начинаю манкировать службой. Допустил, видите, неправильности въ отчетѣ, предназначенномъ для правленія... Чтѣ жъ такого? Только боги, говорятъ, не ошибаются, да и то сомнительно... И вообще выражено недовольство моимъ отдѣломъ. Очень мнѣ нужно ихъ недовольство... Это опять интриги какія-то. Подождите немного, еще попадете племяннику подъ начальство...

Аверкиевъ волновался и говорилъ громко, не стѣсняясь. Служащіе за сосѣдними конторками скромно опускали глаза, дѣлая видъ, что ничего не слышатъ. Всѣмъ было извѣстно, что есть добровольные наушники, которые переносятъ все услышанное въ директорскій кабинетъ.

Максимъ Петровичъ смолчалъ,—отчасти изъ робости, а отчасти и потому, что Аверкиевъ, казалось ему, былъ не совсѣмъ правъ: службой онъ за послѣднее время и въ самомъ дѣлѣ манкировалъ, былъ неаккуратенъ и какъ-будто лѣнивъ.

— Нехватаетъ еще, чтобы послѣ пятнадцати лѣтъ службы вышвырнули на улицу благодаря какому-нибудь молокоосу... Увидимъ, какъ это тутъ безъ меня будетъ все хорошо и правильно... Увидимъ!

Сердился преувеличенно, потому что самъ сознавалъ свою вину не хуже Максима Петровича. Непрошенное вторженіе постороннихъ, чуждыхъ банковской работѣ, мыслей не проходило даромъ. И опять-таки здѣсь этотъ злой геній — новая дѣвочка. Ради нея всѣ ненужныя мысли, всѣ волненія и обиды.

Не прогналъ этихъ думъ и директорскій выговоръ.

„Чѣмъ же это кончится?—тоскливо думалъ Аверкиевъ.—Вѣдь долженъ же когда-нибудь прійти и конецъ! Думалъ, что просто привыкну, а между тѣмъ никакой привычки... Все труднѣе и труднѣе съ каждымъ днемъ. И не знаю, чтѣ сдѣлать, чтобы было иначе“.

Такъ же холодно и разсудочно, какъ провѣрялъ прежде счетные балансы, провѣрялъ теперь свои отношенія къ окружающимъ людямъ, — какъ-будто производилъ инспекторскій смотръ всей своей жизни. Прежде всего — жена. Еще совсѣмъ недавно считалъ ее самымъ близкимъ, самымъ понятнымъ человѣкомъ, а теперь она отдалилась, какъ всѣ другіе, потому что всѣ связующія нити, казавшіяся такими прочными, оказались тонкой паутиной, распадающейся отъ одного прикосновенія.

И разъ уже такъ обстоитъ дѣло съ женой, то ясно, что еще дальше отошли и Максимъ Петровичъ и даже дочь Олюша, и тѣ остальные, съ кѣмъ только жизнь такъ или иначе ставила въ болѣе тѣсныя отношенія.

„Когда же конецъ?“

Неужели остаться такъ, совсѣмъ одинокимъ, среди этихъ загадочныхъ душъ, среди плохо сдѣланныхъ, но непроницаемыхъ масокъ? Утомленная мысль подсказывала, что еще все, пожалуй, могло бы войти въ свою колею, покатиться по прежнимъ, наѣзженнымъ рельсамъ. Для этого нужно только уничтожить перво-причину всей этой тоски и тревоги, разгадать ту, первую, загадку, отъ которой родились и всѣ другія. Сорвать наконецъ маску съ новой дѣвочки.

Пусть даже тамъ, подъ этой маской, ужасъ и гниль разложенія, пусть что-нибудь чудовищное, преступное. Но только — реальное, настоящее, истина, а не ложь, лицо, а не маска.

А можетъ-быть, послѣдствія настолько уже развились и осложнились, что и уничтоженіе первой причины не сможетъ ничего измѣнить?

„Конечно, не можетъ! Конечно, не измѣнить!“ — отчетливо подсказалъ въ самой глубинѣ сознания какой-то трезвый голосъ.

Аверкиевъ съ шумомъ захлопнулъ бухгалтерскую книгу:

„Глупости. Должно измѣнить“.

Когда послѣ закрытія операций расходились по домамъ, Максимъ Петровичъ почему-то долго и крѣпко жалъ руку Аверкиева, но смотрѣлъ не въ лицо своему сослуживцу, а куда-то въ сторону. До трамвайной остановки шли вмѣстѣ, и Максимъ Петровичъ послѣ долгихъ колебаній сказалъ несмѣло:

— А знаете, Сергѣй Ильичъ, мнѣ кажется, что у васъ много того... нервы разстроены. Вы не чувствуете?

— Не знаю, право... Можетъ быть, что и разстроены!—разсѣянно согласился Аверкиевъ.—А чтѣ?

— Полѣчьтесь бы вамъ... Хотите, я вамъ доктора порекомендую? Прекрасный докторъ, гомеопатъ. Не отравитъ по крайней мѣрѣ. Онъ меня самого, понимаете, года три тому назадъ въ двѣ недѣли вылѣчилъ отъ нервной экземы. Всѣ спеціалисты отступились, а онъ вылѣчилъ.

— Богъ съ ними, съ гомеопатами. Тутъ не въ докторѣ дѣло. Просто жизнь испортилась.

Максимъ Петровичъ искоса посмотрѣлъ на своего спутника и сказалъ еще осторожнѣе:

— Вы только не разсердитесь, дорогой мой, но мнѣ кажется теперь, что вы сдѣлали-таки большую ошибку. Очень большую ошибку...

— Чѣмъ же?

— Ну, вы сами знаете. Никогда ничего хорошаго не выходитъ изъ недостаточно обдуманыхъ поступковъ.

— Снявши голову, по волосамъ не плачутъ!—отрѣзалъ Аверкиевъ и прыгнулъ въ подходившій вагонъ.

Максимъ Петровичъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ вздохнулъ, укуталъ вязанымъ кашнѣ подбородокъ и пошелъ домой.

„Нехватало еще всякихъ непрошенныхъ совѣтовъ!—раздраженно думалъ Аверкиевъ, получая у кондуктора липкую отъ грязи мѣдную сдачу.—Жизнь у гомеопата не вылѣчишь. Это не желудокъ. Врача, пожалуй, нужно, — но не такого. Чтобы онъ пришелъ, все смель и разрушилъ, а затѣмъ все выстроилъ заново...“

Дома Аверкиеву долго не открывали входной двери, хотя онъ звонилъ, не переставая нажимать на кнопку. Наконецъ вспомнилъ, что въ карманѣ пальто есть запасный ключъ, съ трудомъ отыскалъ его среди старыхъ билетовъ и всякаго сора. Въ прихожей столкнулся лицомъ къ лицу съ Ульяной Мироновой.

Отъ жены пахло уксусомъ. Подъ глазами — синяки, на лбу — компрессъ, криво и наспѣхъ привязанный носовымъ платкомъ.

— Чтѣ, опять мигрень?

— Ахъ, нѣтъ, не то...

— Гдѣ же прислуга? Съ какой стати ты отпускаешь ее передъ самымъ обѣдомъ? Некому даже пальто повѣсить...

— Прислуга... Она, видишь... Ахъ, Боже мой...

Аверкиевъ, тянувшій къ крючку вѣшалки, уронилъ пальто на полъ и быстро обернулся. Въ голосѣ жены онъ почувствовалъ что-то, отъ чего сердце сжалось до боли и на мгновение почти перестало биться. Грубо схватилъ ее за руку:

— Ну, чтѣ еще? Случилось что-нибудь? Почему ты не говоришь толкомъ? — И, уже догадываясь, выговорилъ совсѣмъ не то, чтѣ само просилось на языкъ: — Съ Олюшей, да? Заболѣла?

— Нѣтъ, нѣтъ! Еще совсѣмъ недавно... Какой-нибудь часъ тому назадъ... Можетъ-быть, еще и нѣтъ ничего особеннаго... Я послала прислугу искать... и дворника... Я не знала, что ты сейчасъ придешь, а то телефонировала бы...—лепетала Ульяна Миронова и заплакала крупными, какъ горохъ, слезами.—Я же не виновата... Я никакъ не могла думать...

— Да возьми же себя въ руки наконецъ! — бѣшено зашипѣлъ Аверкиевъ, наступая на жену.

Та, испуганная, прижалась къ стѣнѣ и заплакала еще сильнѣе. Кое-какъ изъ сбивчивыхъ и запутанныхъ объясненій Аверкиевъ понялъ наконецъ, чтѣ случилось.

Новая дѣвочка нѣсколько разъ уже ходила въ сосѣднюю лавочку за мелкими покупками, когда нельзя было почему-нибудь послать прислугу. И всегда возвращалась въ-время. Лавочка совсѣмъ близко, за два дома, а улица тихая.

— Вотъ и сегодня... я вспомнила, что нѣтъ никакой закуски къ обѣду, а ты самъ же не любишь, когда нѣтъ закуски. Кухарка заправляла супъ, я и послала Катю... часъ тому назадъ... Ну, и ея нѣтъ до сихъ поръ...

Аверкіевъ крѣпко прижалъ ладонью то мѣсто груди, гдѣ билось сердце. До сихъ поръ ему совершенно не представлялась даже самая возможность подобнаго событія, и теперь онъ былъ совсѣмъ оглушенъ, сбивъ съ толку. Выругался:

— Дура... скотина... Сдѣлала свинство, а теперь ревешь! Безъ моего разрѣшенія... Чортъ знаетъ что такое...

Поднялъ съ полу пальто, торопливо надѣлъ его такъ, какъ было—въ рыжихъ пятнахъ отъ паркетной мастики. Не помнилъ, какъ сбѣжалъ по лѣстницѣ, какъ миновалъ два дома до лавки.

Охватило запахомъ кислой капусты, подгнившихъ кореньевъ, дешеваго сыру. Лавочникъ въ грязномъ фартукѣ и засаленныхъ кожаныхъ манжетахъ почтительно кланялся изъ-за прилавка.

— Скажите, была у васъ... часъ тому назадъ... или меньше... дѣвочка одна... дѣвочка въ бѣлой шубкѣ? была?

— Какъ же-съ! — радостно оскалилъ зубы приказчикъ, довольный тѣмъ, что развертывается какая-то занимательная исторія, въ которой онъ самъ является въ нѣкоторомъ родѣ дѣйствующимъ лицомъ. — Тутъ уже вашъ дворникъ справлялся... Очень даже приходила. Изволили взять королевскую сельдь за двѣ копейки и съ пятиалтыннаго три копейки сдачи получили. А потомъ и говорятъ, что, молъ, имъ еще въ одно мѣсто надо, такъ пусть покупочка пока здѣсь полежитъ, а онѣ послѣ зайдутъ. Вотъ она и лежитъ—покупочка.

Сунулъ подъ самый носъ Аверкіеву продолговатый свертокъ толстой бумаги, пропитавшійся рассоломъ.

— Селедки у насъ отличныя, прямого полученія. Изволите-съ собой взять?

— Нѣтъ, нѣтъ, послѣ! — отмахнулся Аверкіевъ, чувствуя, что туманъ въ головѣ сгущается все больше и больше. — А куда она прошла потомъ? Не ждалъ ее кто-нибудь на улицѣ?

— Извините-съ, не примѣтилъ. Тутъ какъ разъ генерала Короткаго поваръ зашелъ, бралъ каперсы и гвоздику для бѣлаго соуса. Я и не примѣтилъ, такъ что и не полагалъ, что есть какая-нибудь надобность. Кабы знатъ было, такъ я бы, конечно...

Нельзя было надѣяться добиться здѣсь чего-нибудь большаго. Аверкіевъ вернулся домой, но не сталъ подниматься по лѣстницѣ, а позвонилъ въ телефонъ, повѣшенный для общаго пользованія на нижней площадкѣ. Вызвалъ пансіонъ, гдѣ жилъ Максимъ Петровичъ. Голосъ нѣмки-хозяйки загнулъ въ трубку:

— Максима Петровича? Сейчасъ нельзя. Они обѣдаютъ.

— Нѣтъ ужъ, позовите, пожалуйста... Крайне важное, неотложное дѣло...

Долго, безконечно долго ждалъ у трубки, прислушиваясь къ шелканью и шипѣнью діафрагмы. Потомъ глухо, какъ изъ могилы, заговорилъ самъ Максимъ Петровичъ:

— Чѣмъ могу служить? Ахъ, это вы, Сергѣй Ильичъ?

— Да, да... Несчастье, голубчикъ мой, большое несчастье... Катя потерялась, ушла, или увели ее; не знаю. У меня голова кругомъ идетъ. Дорогой мой, поѣзжайте сейчасъ въ сыскное... Я туда ѣду. Вы мнѣ поможете... Хорошо?

— Давно ли? Можетъ-быть, просто пошла погулять? Вернется? — неувѣренно гнула трубка.

— Нѣтъ, должно-быть, не вернется. Я чувствую. Но все-таки надо сдѣлать все возможное... Я ничего не пожалѣю... Помогите мнѣ...

Бросилъ трубку, не дожидаясь отвѣта. Зналъ и такъ, что Максимъ Петровичъ пріѣдетъ, не оставитъ въ бѣдѣ.

Какъ на зло, ни одного извозчика на улицѣ. Словно съ самаго начала всѣ сговорились, чтобы помѣшать поискамъ. Разносчикъ на углу, торговавшій резиновыми набойками и шнурками для башмаковъ, принялъ, должно-быть, Аверкіева за пьянаго. Крикнулъ ему вслѣдъ:

— Эй, баринъ! Спину-то почисти... Увалялся...

У полицейскаго поста Аверкіевъ остановился:

— Слушайте, городской... Не проходила здѣсь часъ тому назадъ дѣвочка въ бѣлой шубкѣ? Вы не видѣли?

Городовой вытеръ обмерзшіе усы и равнодушно сплюнулъ:

— Мало ли тутъ народу ходитъ. Не упомнишь. Это если которые мазурики или позволяютъ себѣ безобразія, то мы обязаны примѣчать... А если кто идетъ тихо и мирно, то насъ не касательно.

— Но дѣвочка хорошенькая такая... замѣтная... И въ бѣлой шубкѣ...

— Не могу знать. Вы бы проходили себѣ, господинъ... По-напрасну беспокоитесь.

Въ сосѣдней улицѣ нанялъ-таки извозчика, — разбитую клячу. Когда сказалъ адресъ „въ сыскное!“ — извозчикъ опасливо поворотилъ къ сѣдоку завѣтрѣвшее, много разъ помороженное лицо. И сидѣлъ все время бокомъ, усердно нахлестывая клячу.

— Скорѣе, скорѣе! — торопилъ Аверкіевъ. — Я на чай прибавлю. Хорошо прибавлю.

Извозчикъ кивалъ головой:

— Какъ же, мы понимаемъ... Ежели такое дѣло...

— А ты почему знаешь—какое дѣло?

— Извѣстно, ежели въ сыскное... Мы понимаемъ...

— Скажи, пожалуйста, — задалъ Аверкіевъ вопросъ, начинавшій уже дѣлаться привычнымъ, какъ стереотипное привѣтствіе при встрѣчѣ: — скажи, пожалуйста, когда ты стоялъ безъ сѣдока, не случилось тебѣ увидѣть дѣвочку въ бѣлой шубкѣ? Небольшая дѣвочка, лѣтъ девяти... Хорошенькая такая...

— Въ бѣлой шубкѣ? А на головѣ что?

— Капоръ на головѣ. Тоже бѣлый. Знаешь, штука такая, въ родѣ чепчика.

— Лѣтъ девяти, говорите?

— Да, да.

— Нѣтъ, такой не видѣлъ. Нечего грѣха таить. Не видѣлъ.

Подкатили къ сыскному. По знакомымъ лѣстницамъ и переходамъ Аверкіевъ добрался до дежурной комнаты. Чиновникъ встрѣтилъ его съ обычной кислой улыбкой:

— Ахъ, опять вы... Здравствуйте... Пока еще ничего нѣтъ новаго.

Но наметавшимся взглядамъ сыщика уловилъ что-то неладное и любезно предложилъ стулъ. Аверкіевъ тяжело усѣлся, уже разбитый и утомленный едва начавшимися поисками.

— У васъ — ничего новаго, зато у меня есть. Дѣвочка исчезла.

Разсказалъ, стараясь быть краткимъ и въ то же время достаточно обстоятельнымъ, всю исторію исчезновенія. Чиновникъ слушалъ, наклонивъ голову на одну сторону, и что-то отмѣчалъ карандашикомъ на листкѣ блокнота. Задалъ нѣсколько совсѣмъ маловажныхъ вопросовъ, — больше для того только, чтобы доказать кліенту свое внимательное отношеніе. Потомъ оторвалъ исписанный листокъ блокнота и позвонилъ.

— Мы сейчасъ же примемъ всѣ мѣры. Хотя съ момента предполагаемаго исчезновенія прошло еще такъ мало времени, что можно надѣяться, что все разрѣшится простымъ недоразумѣніемъ. Дѣвочка могла пойти погулять, заблудиться наконецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы повѣрьте! — настаивалъ Аверкіевъ. — Всегда случается именно то, чего совсѣмъ не ожидаешь. Я совсѣмъ не ждалъ этого... побѣга, а теперь увѣренъ, что никакого недоразумѣнія тутъ нѣтъ.

— Возможно! — съ кривой улыбкой согласился чиновникъ. — Прежде всего намъ придется выяснитъ вопросъ: побѣгъ или похищеніе? Какого мнѣнія по этому вопросу вы сами?

— Какого же я могу быть мнѣнія? Я ничего не знаю и ничего не понимаю. Знаю только, что дѣвочка пришла неизвѣстно откуда, а теперь ушла неизвѣстно куда. Этого слишкомъ мало для догадокъ и предположеній.

Чиновникъ благосклонно согласился, что они оба дѣйствительно имѣютъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало твердо установленныхъ фактовъ.

— Но во всякомъ случаѣ будьте увѣрены...

Вошелъ неровной, шмыгающей походкой какой-то испитой человѣкъ въ потертомъ осеннемъ пальто, давно небритый и, повидимому, страдавшій жестокимъ похмельемъ. Поклонился чиновнику и вытянулся въ струнку, по-солдатски.

Чиновникъ передалъ ему исписанный листокъ:

— Вотъ, возьмите... Это по вашему отдѣлу.

Брезгливо поморщился, когда испитой человѣкъ приблизился, чтобы принять листокъ. Сыщикъ поклонился еще разъ и ушелъ, плотно притворивъ за собой дверь.

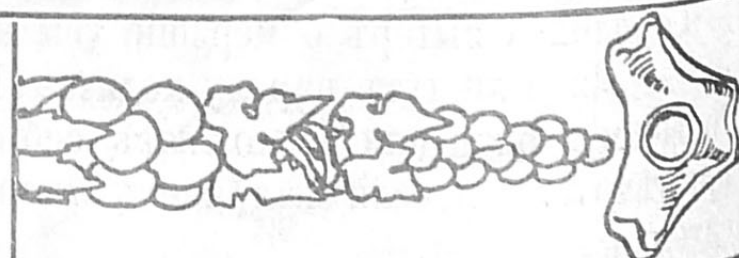
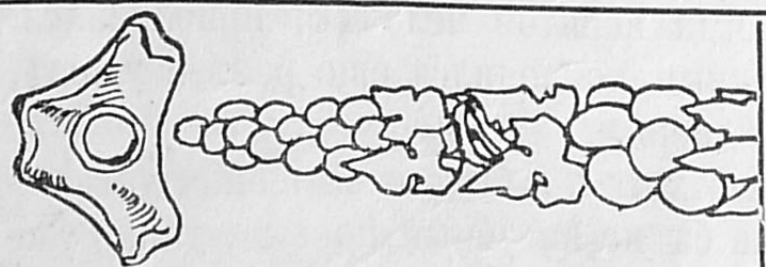
— Талантливый человѣкъ, хотя и губитъ себя пьянствомъ! — объяснилъ чиновникъ. — Если бы не пагубный порокъ, давно уже

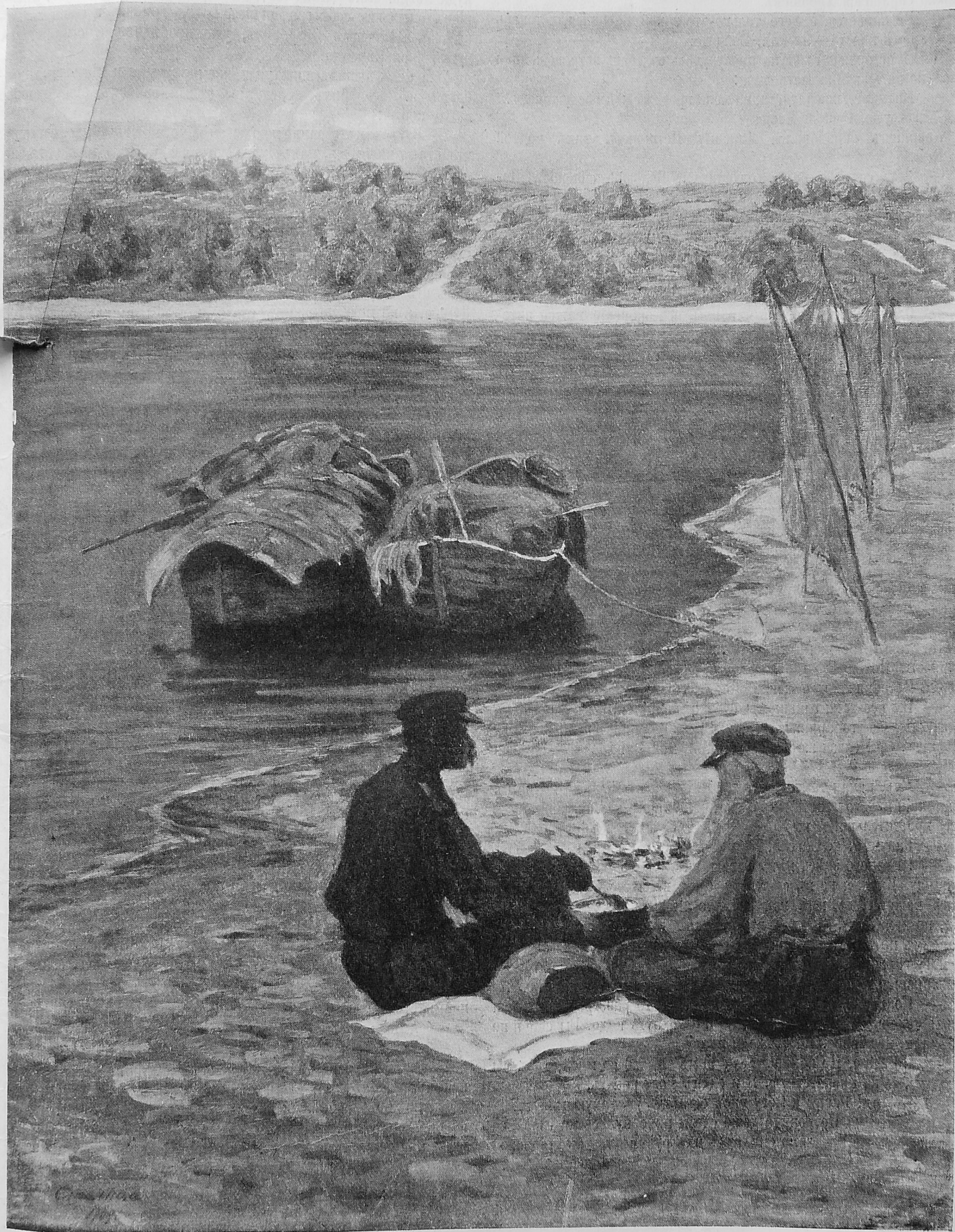
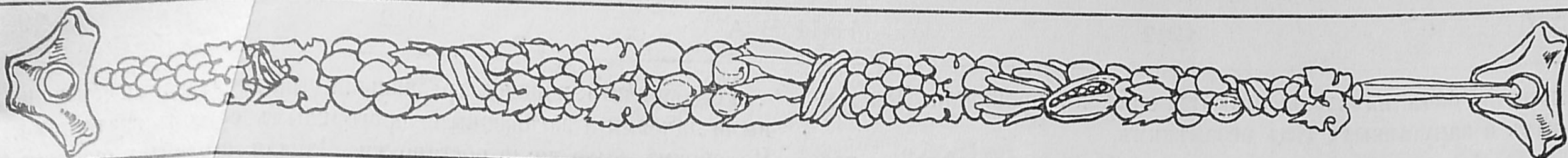

С.Плошинский.

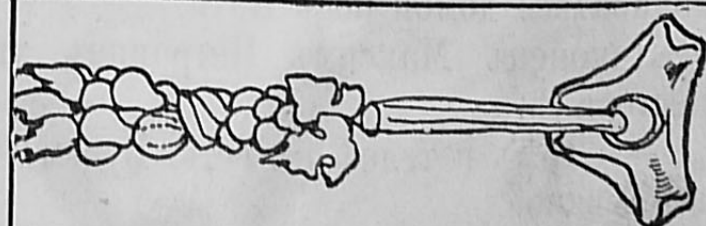
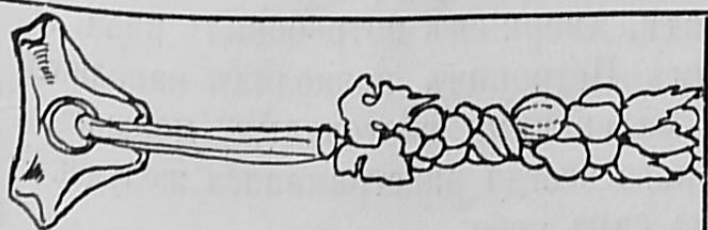
„Сіяла ночь, луной былъ полонъ садъ“.

(„Мелодія“ стих. А. Фета).

Е. Столица. Рѣка потемнѣла.

могъ бы быть начальникомъ отдѣленія въ провинціи. Для темныхъ и запутанныхъ дѣлъ незамѣнимъ.

— А если онъ опять напьется и заброситъ все дѣла? — тревожно спросилъ Аверкіевъ.

— Не напьется. У него только-что запой кончился, и теперь онъ, кромѣ квасу — ни-ни!.. Войдите.

Послѣ осторожнаго стука просунулась въ дверь встревоженная физиономія Максима Петровича:

— Извините, пожалуйста, но меня просилъ мой сослуживецъ... Вы здѣсь уже, Сергѣй Ильичъ?

Аверкіевъ обрадовался Максиму Петровичу, какъ родной матери:

— Вотъ спасибо вамъ, голубчикъ... Большое спасибо... Помогите мнѣ, ради Бога!

Чиновникъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на обоихъ:

— Развѣ вы думаете и лично заняться разслѣдованіемъ?

— А какъ же я могу иначе? — искренно удивился Аверкіевъ. — Я не знаю, какъ объяснить вамъ, но, видите, если я не найду дѣвочки... я даже представить себѣ не могу, что тогда будетъ.

— Однакоже, съ другой стороны, исчезновеніе вашей питомицы освобождаетъ васъ отъ нѣкоторыхъ обязательствъ, принятыхъ вами хотя и добровольно, но, можетъ-быть, нѣсколько тягостныхъ?

— Что вы мнѣ говорите о тягостномъ? Если дѣвочка исчезнетъ навсегда, такъ развѣ я узнаю когда-нибудь, откуда она пришла ко мнѣ и кто она такая? Вотъ вы думаете, можетъ-быть, что это простое любопытство, а на самомъ дѣлѣ... Нѣтъ, я не умѣю объяснить, не могу. Но вся моя жизнь здѣсь. Вы понимаете?

Чиновникъ сомнительно покачалъ головой и посмотрѣлъ на часы съ видомъ очень занятого человѣка, у котораго напрасно отнимаютъ драгоценное время. Максимъ Петровичъ сейчасъ же замѣтилъ это движеніе и заторопился. Онъ органически не выносилъ полицейскаго воздуха:

— Пойдемте, Сергѣй Ильичъ... Вѣроятно, все формальности уже выполнены?

На улицѣ Аверкіевъ вдругъ почувствовалъ приступъ острой дурноты. Потемнѣло въ глазахъ, и пришлось опереться на Максима Петровича, чтобы не упасть.

— Вы все-таки слишкомъ близко принимаете къ сердцу это несчастіе! — уговаривалъ совсѣмъ разстроившійся Максимъ Петровичъ. — Нельзя же такъ, дорогой мой... Вѣдь есть же еще надежда...

— Ахъ, какая тамъ надежда! Неужели и вы, даже вы не въ состояніи ничего понять? Ну, еще этому сыщику, живой машинѣ, — ему прощительно! А вы?

— Разумѣется, тяжело. Но все-таки...

— Никакого здѣсь нѣтъ „все-таки“... И слушайте: если я не разыщу Кати, я не въ состояніи буду вернуться туда, домой... Мнѣ кажется, да, мнѣ кажется, что я возненавижу ихъ всехъ. Да, возненавижу... Они — въ маскахъ. Вы тоже въ маскѣ, вы совсѣмъ не такой, какъ кажется, но вы — со мной. И съ вами я могу говорить, я васъ люблю даже.

Максимъ Петровичъ безпомощно топтался на одномъ мѣстѣ:

— Полноте... Какія тамъ маски? Просто разстроились вы, и вамъ теперь не по городу ходить, а отдохнуть надо. Вы еще и не обѣдали, навѣрное. Не обѣдали вѣдь?

— Не знаю. Не помню. Если вамъ тяжело со мной, такъ вы уходите. Я не препятствую. Я и одинъ могу исхвать.

— Что вы! Развѣ я могу васъ оставить въ такую минуту?

И у Максима Петровича даже слезы навернулись на глаза, но онъ сейчасъ же стыдливо смахнулъ ихъ рукавомъ и съ удвоенной энергіей принялся убѣждать сослуживца прежде всего поѣхать домой и пообѣдать.

— А потомъ и отправимся, со свѣжими силами. Весь городъ обещемъ.

Но Аверкіевъ упрямо стоялъ на своемъ и на за что не хотѣлъ показаться домой безъ Кати.

Наконецъ Максимъ Петровичъ уговорилъ его закусить въ ресторанѣ:

— Тамъ и телефонъ есть. Будемъ время отъ времени звонить въ сыскное.

Ресторанчикъ попался грязенькій, третьеразрядный, съ вшивыми лакеями и загаженными прогорклымъ соусомъ скатертями. Но обоимъ было не до обстановки. Заняли столикъ у окна, откуда можно было удобно слѣдить за уличнымъ движеніемъ. Аверкіевъ спросилъ себѣ графинчикъ водки, грибовъ и шницель повѣнски, а Максимъ Петровичъ, уже пообѣдавшій, ограничился бутылочкой Нарзана.

Аверкіевъ выпилъ подъ рядъ четыре рюмки и нѣсколько подбодрился. Заговорилъ, проглотивъ бѣлый грибокъ, отъ котораго пахло кожей:

— Вотъ вамъ странно и даже смѣшно, можетъ-быть. Смѣшно, что я такъ волнуюсь, какъ-будто потерялъ родную дочь или жену. А если сказать по правдѣ, то Катя для меня сейчасъ — больше, чѣмъ родная дочь или жена, потому что тѣ, въ сущности, не дали мнѣ ровно ничего, кромѣ чисто-плотскаго, животнаго, а Катя научила думать. Я вѣдь всю жизнь прожилъ такъ, не думая. И не одинъ я. Вы вотъ занимаетесь и философией, и оккультизмомъ, и Богъ знаетъ чѣмъ еще, а тоже никогда не думаете о томъ, о чемъ нужно думать... Только говорить я не научился, понимаете? Думаю, а не могу выразить словами, чтобы вышло болѣе или менѣе связно. Одно только: ничего нѣтъ простого и ничего нѣтъ такого, какъ оно кажется. А стало-быть, и вся эта жизнь — не настоящая. Должна быть еще и другая. Здѣсь же, на землѣ, во крови и плоти, но другая. И въ этой другой жизни все должно быть такимъ, каково оно есть на самомъ дѣлѣ. Тогда не будетъ ни тайнъ ни загадокъ, вы понимаете? Не будетъ такъ, что вотъ живой человѣкъ пришелъ откуда-то изъ бездны и опять вернулся въ ту же бездну. И не будетъ еще равнодушія и отупѣлой сырости вмѣсто любви, ненависти вмѣсто привязанности и, главное, лжи. Теперь все лжетъ. Лжетъ, когда говоритъ, и еще хуже лжетъ, когда молчитъ... Надо только хорошенько додуматься до этой жизни. И она будетъ.

— Ну, можетъ-быть, и такъ! — согласился Максимъ Петровичъ, который совсѣмъ не хотѣлъ спорить. — А при чемъ же дѣвочка?

Аверкіевъ брезгливо отбросилъ грязную салфетку, которую поднесъ-было къ губамъ:

— Значитъ — не поняли, ничего не поняли. Вѣдь говорю же вамъ, что эта дѣвочка — начало всего. Она, только она заставила... Выпейте тоже водки, Максимъ Петровичъ. Подкрѣпитесь.

— Не могу, право... Вы знаете, что я никогда не пью водки. Меня тошнитъ отъ нея.

— Ну, коньяку. Хотите коньяку?

— Выпью рюмку, если вамъ такъ хочется... Кушайте же. Вашъ шницель стынетъ.

— Должно-быть, гадость какая-то... Понимаете, у меня никакого вкуса во рту: какъ-будто жую бумагу...

Выпилъ еще рюмку, закусилъ кускомъ мяса, густо облѣпленнаго пригорѣвшими сухарями.

— Если такъ все пойдетъ и дальше — я пьяницей сдѣлаюсь. Не могу иначе: слишкомъ тяжело ужъ. Все время сверлитъ въ мозгу одно и то же: кто же она? Кто? Кто? Откуда? За чѣмъ судьба направила, замѣшала ее именно въ мою жизнь? И сейчасъ же другое: что носитъ подъ своей маской жена, вы, прислуга, даже Олоша? И того и другого — не разрѣшить. Вы понимаете: никогда не разрѣшить... Никогда!

— А можетъ-быть, найдется теперь дѣвочка, и все объяснится.

— Все? И маски?

Максимъ Петровичъ внимательно разсматривалъ собственные ногти. Не зналъ, какъ вести себя, и потому было особенно тяжело и больно. Тревожныя, несвязныя рѣчи Аверкіева были похожи на пьяный бредъ, но въ то же время глаза смотрѣли еще совсѣмъ трезво. Прежде Аверкіевъ пилъ рѣдко и неохотно, но могъ выпить очень много, не пьянѣя. И теперь тоже онъ совсѣмъ не былъ еще пьянъ.

„Лучше бы ужъ напился, что ли! — подумалъ Максимъ Петровичъ. — Тогда я увезъ бы его домой, и этимъ бы все кончилось. А теперь не знаю, что дѣлать. Не могу придумать“.

Едва притронувшись къ вѣдѣ, Аверкіевъ потребовалъ пива. И, чтобы поощрить его, Максимъ Петровичъ позволилъ наполнить свой стаканъ и тоже пилъ маленькими глоточками, морщась и откашливаясь. Отъ пива у него всегда разстраивался желудокъ. Максимъ Петровичъ утѣшалъ самъ себя:

„Ничего, ничего... Можетъ-быть, онъ опьянитъ. Приму боткинскихъ капель, когда вернусь домой, и только“.

Но Аверкиевъ пилъ и не пьянѣлъ, — только едѣлся молчаливъ и сумраченъ. Опустилъ голову на руки, опершись локтями въ грязную скатерть, и задумался. Чтобы развлечь его, Максимъ Петровичъ разговаривалъ о разныхъ мелочахъ, попробовалъ даже шутить и рассказалъ анекдотъ, недавно прочитанный въ юмористическомъ журналѣ. Когда натянута разсмѣялся, Аверкиевъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ, но ничего не сказалъ.

За ѣдой и питьемъ прошло часа полтора. Максимъ Петровичъ старался припомнить еще какой-нибудь наиболее интересный анекдотъ изъ своего скуднаго запаса, когда Аверкиевъ вдругъ поднялся, расшлепавъ стаканъ:

— Пойду къ телефону. Пора уже справиться.

Пока проходилъ черезъ залу, Максимъ Петровичъ провожалъ его внимательнымъ взглядомъ. Въ слегка сторбившейся и какъ-будто приплюснутой фигурѣ сослуживца замѣтилъ что-то новое. Было похоже, что Аверкиевъ постарѣлъ сразу лѣтъ на десять.

Машинально глотнулъ пива и, морщась, сплюнулъ:

„Фу, гадость... Конечно, нехорошо, нечестно было бы не прѣхать... И все-таки напрасно не сослался, на примѣръ, на болѣзнь“.

Неожиданно вернулся Аверкиевъ. Должно-быть, не успѣлъ еще дойти до телефонной будки — и уже вернулся.

— Слушайте, милый мой... Пойдемте вмѣстѣ! Не могу я одинъ: боюсь чего-то... Глупо, но боюсь.

Максимъ Петровичъ послушно всталъ, и Аверкиевъ объяснилъ ему дорогой, сконфуженно покашливая:

— Предчувствіе какое-то. Взглянулъ на телефонную будку и испугался, словно это — заряженная пушка. Я подойду, а она убѣетъ. Вы не сердитесь, голубчикъ. Должно-быть, у меня въ самомъ дѣлѣ нервы совсѣмъ развинтились. Я буду лѣчиться, обязательно буду.

Шкапъ съ телефоннымъ аппаратомъ былъ притиснутъ въ уголъ, у буфетной стойки. Какой-то человѣкъ купческаго склада велъ длинный дѣловыи разговоръ. Пришлось ждать. Аверкиевъ прислонился къ углу стойки и облизывалъ кончикомъ языка пересохшія губы. Максимъ Петровичъ чувствовалъ себя очень неловко въ непривычной обстановкѣ и не зналъ, куда дѣвать руки.

Купецъ наконецъ освободилъ будку, и его мѣсто занялъ Аверкиевъ. Не закрылъ двери и попросилъ Максима Петровича стать поближе:

— Не отходите, пожалуйста. Сейчас... сейчасъ узнаемъ.

— Не ту кнопку нажимаете! — предупредилъ Максимъ Петровичъ.

— Въ самомъ дѣлѣ... Чтò это я.

Кое-какъ соединился съ сыскнымъ:

— Господинъ дежурный? Здравствуйте... Говоритъ Аверкиевъ. Аверкиевъ, который по дѣлу о дѣвочкѣ. Чтò? Уже имѣете свѣдѣнія?

Максимъ Петровичъ теревитъ часовую цѣпочку и прислушивается къ слабому бульканью, которое доносится до его слуха изъ телефонной трубки. Пауза.

— Да, да, совершенно вѣрно. Въ бѣлой шубкѣ и въ бѣломъ капорѣ... Волосы? Волосы свѣтлые, слегка выются... Чтò?

Опять небольшая пауза, заполненная бульканьемъ трубки. Затѣмъ Максимъ Петровичъ видитъ, что Аверкиевъ подгибаетъ колѣни, какъ-будто хочетъ присѣсть, и трубка выскальзываетъ изъ ослабѣвшихъ пальцевъ.

— Богъ мой!

Максимъ Петровичъ заботливо поддерживаетъ сослуживца, усаживаетъ его на стулъ, но самъ тоже дрожитъ и едва владѣетъ собой. Расплескиваетъ воду изъ стакана, услужливо поданнаго буфетчикомъ.

— Кончено... Теперь уже никогда не узнаю. Убита она, Максимъ Петровичъ... Переѣхалъ трамвай. На-смерть. Въ бѣлой шубкѣ. Да. И свѣтлые волосы.

И вдругъ всакиваетъ, увлекаетъ куда-то Максима Петровича:

— Ёдемте... Ёдемте сейчасъ же... Можетъ-быть, ошибка... Какая-нибудь другая дѣвочка. Развѣ мало бѣлыхъ шубокъ? Она въ мертвецкой при участкѣ... Ёдемте!

У выхода нагналъ лакей:

— Получить пожалуйста, господинъ... Два рубля тридцать копеечекъ...

Максимъ Петровичъ вытащилъ изъ кармана кошелекъ и сунулъ лакею первую попавшуюся бумажку:

— Вотъ, возьмите... Сдачу оставьте. Некогда.

Какъ-будто никогда еще не попадалось такого медлительнаго извозчика. Не выдержали, пересѣли на другого, но тотъ повезъ еще тише. Аверкиевъ качался, какъ мертвецки-пьяный.

Вотъ наконецъ участокъ. Высокая, облупленная каланча, позеленѣвшія стекла въ окнахъ съ мелкими переплетами. Потертый городской, со связкой ключей за поясомъ вмѣсто оружія, ведетъ черезъ загаженный дворъ къ какому-то низенькому, расплывшемуся зданію съ крестомъ на крышѣ:

— Вотъ здѣсь. Пожалуйста.

Удушливо пахнетъ разлагающимся трупомъ, несмотря на холодъ. Толстый слой изморози покрываетъ стѣны, и свѣшивающаяся съ потолка паутина блеститъ пушистыми ледяными кристаллами. Свѣтъ скудно проникаетъ въ маленькое полукруглое окно, и вошедшіе сначала видятъ только темныя иконы на противоположной стѣнѣ, красное пламя лампы и двухъ тоненькихъ восковыхъ свѣчей, прилѣпленныхъ къ краю большого подсвѣчника.

Посреди комнаты — что-то въ родѣ помоста изъ толстыхъ некрашенныхъ досокъ. Доски почти сплошь покрыты пятнами, черными, какъ чернила. И на черномъ отчетливо выдѣляется снятая и небрежно брошенная шубка. Теперь она бѣлая только съ одной стороны. Другая половина — темная, почти какъ пятна на доскахъ — скоробилась мокрыми складками.

Рядомъ со снятой шубкой — дѣвочка.

Аверкиевъ до боли стискиваетъ руку своего спутника:

— Она!

Да, это она. Лицо почти не тронутó. Только на лбу, у виска, небольшая ссадина, покрытая уже запекшейся кровью. Глаза широко открыты и смотрятъ такъ, какъ смотрѣли у живой, — спокойно и неподвижно, но пропала куда-то ихъ бездонная глубина.

Максимъ Петровичъ снимаетъ шапку, и слезы бѣгутъ у него по лицу, частыя и крупныя. Сквозь разорванное, окрававленное платье видно дѣтское тѣло, такое нѣжное и матово-бѣлое, какъ слоновою кость. Максимъ Петровичъ представляетъ себѣ, какъ это тѣло терзали тяжелыя колеса, и у него темнѣетъ въ глазахъ. Онъ не замѣчаетъ, какъ Аверкиевъ опускается на колѣни и заглядываетъ въ спокойное мертвое лицо:

— Катя, Катюша...

Городовой сопитъ носомъ. Оправляетъ лампадку, и она вспыхиваетъ ярче. По мертвому лицу пробѣгаютъ тѣни. Но безкровныя губы плотно сомкнуты и хранятъ тайну.

Аверкиевъ ползаетъ на колѣняхъ, изнемогаетъ въ смертельной тоскѣ:

— Катя, кто же ты? Кто? Ну, скажи мнѣ... Скажи одно только слово... Теперь тебѣ уже все равно... Скажи... Зачѣмъ ты ушла отъ меня?

Тѣни бѣгутъ, но губы сомкнуты.

— Катя, зачѣмъ же ты разбила мою жизнь?

К О Н Е Ц Ъ.

П. Гурдо. Въ тысячномъ году по Р. Х.

На Двѣнадцатый годъ.

(Къ столѣтнему юбилею Отечественной войны).

1.

Бѣгутъ къ морямъ загадочныя волны,
Чтобъ слиться тамъ съ громадой темной водъ;
Идутъ года, измѣнчивостью полны,
И канетъ въ вѣчность вслѣдъ за годомъ годъ.

2.

Но минулъ вѣкъ; предстала взорамъ снова
Былыхъ временъ таинственная даль,
И память чтитъ святую тѣнь былого,
Прошедшихъ дней и доблесть и печаль.

3.

Раскрыта вновь любимая страница,
Гдѣ славный годъ начертанъ навсегда.
Волненье битвъ, героевъ бранныхъ лица
И подвиги терпѣнья и труда.

4.

Отъ слезъ людскихъ, отъ горькихъ слезъ и стона
Измучилась родимая земля,
И раздалися шаги Наполеона
На вышинѣ священнаго Кремля.

5.

Горитъ Москва; церквей пылаютъ главы,
Отдать Москву французамъ суждено...
— И все же, то—година русской славы,
Побѣдой намъ звучитъ «Бородино»!

6.

Не той, чей гласъ въ кровавой слышенъ тризнѣ,
Въ призывѣ трубъ и въ празднествѣ знаменъ,—
Побѣда та въ живой любви къ отчизнѣ,
Ея завѣтъ—одинъ для всѣхъ временъ.

7.

Она въ мечтѣ высокой и свободной,
Тамъ, гдѣ народъ съ душой богатыря
Въ одинъ порывъ сплотился благородный
Отъ мужика до гордаго царя.

8.

Хвала вамъ всѣмъ, сыны отчизны милой,
Что дружно честь Россіи сберегли;
Намъ подвигъ вашъ сіяетъ за могилой,
Чтобъ вѣчно имъ гордиться мы могли.

9.

Дарите намъ высокіе примѣры:
Что силенъ тотъ, кто терпитъ до конца;
Что силы нѣтъ безъ стойкой, твердой вѣры,
И безъ креста нѣтъ славнаго конца;

10.

Что духъ одинъ—непобѣдимъ и вѣченъ;
Что только имъ могучъ и святъ народъ...
Живи, печатью огненной отмѣченъ,
Въ сердцахъ хранимъ,—великій, грозный годъ!

Кн. Марія Трубецкая.

Экзамень.

Разсказъ С. Гусева-Оренбургскаго.

Перепечатка воспрещается.

Въ непогожую ночь, полную тьмы и стоновъ вѣтра, я шель съ ружьемъ за плечами вдоль опушки бора. Мѣстность была совершенно незнакома. Какое-то поле, одѣтое мглой, на которомъ мѣстами таинственно колыхалась рожь; глухо шумящая отъ порывовъ бури безконечная и черная стѣна бора... ни огонька во-кругъ ни звѣздъ на небѣ.

Заблудился!

Временами, останавливаясь, я прислушивался, не донесется ли до меня людской говоръ, собачій лай или по крайней мѣрѣ рокотаніе рѣвки, крутящейся въ песчаныхъ берегахъ. Ничего! Только стонъ вѣтра проносился надъ боромъ, да какая-то большая и тяжелая птица испуганно сорвалась съ дерева надъ моею головой и обдала меня дождемъ капель. Сырая, непроглядная тьма, одѣвавшая мѣръ, казалось, вздрагивала какъ что-то живое подъ воющими порывами вѣтра, а боръ наполнялся сотнями отголосковъ, словно въ глубинѣ его метались призраки, не находя мѣста и покоя. Къ довершенію всего я едва не упалъ въ оврагъ, на днѣ котораго что-то вздыхало и, казалось, протягивало невѣрные руки, чтобы схватить и увлечь въ таинственную глубь,—это тростники колебались во тьмѣ на берегу ручья. Уже я съ досадой сталъ помышлять, что мнѣ, измокшему и продрогшему, придется ждать зари подъ защитой овражнаго откоса, не имѣя даже спичекъ, чтобы развести огонь, какъ внезапно сквозь деревья я увидѣлъ багровые отблески пламени. Минуть черезъ пять я уже стоялъ передъ жарко-пылавшимъ костромъ, разведеннымъ подъ нависшими боками оврага, куда вѣтеръ почти не проникалъ: онъ бѣшено вылъ вверху, потрясая сосны, съ которыхъ шишки по временамъ падали въ пламя.

У самаго огня въ меланхолической позѣ, поджавъ ноги, сидѣлъ, куря и сплевывая въ огонь, человекъ, повидимому, еще молодой, но весьма давно не стриженный и не бритый, въ чемъ, какъ вскорѣ оказалось, онъ и нужды не имѣлъ. Голова его на-поминала копну почернѣвшаго сѣна, взъерошеннаго вѣтромъ, а борода и усы—свалявшуюся щетину. Онъ былъ почти нагъ, ибо

одежда его, состоявшая изъ стараго, потерявшаго цвѣтъ, подрясника, висѣла на вѣткахъ, сушась передъ огнемъ, а дырявые рыжіе сапоги почти были всунуты въ костеръ и слегка дымились, высыхая.

— Кого Богъ несетъ? — хрипло спросилъ онъ, хмуро взглянувъ на меня изъ-подъ густыхъ бровей.

— Да вотъ, — сказалъ я: — заблудился.

— Быва-а-еть...

Онъ сплюнулъ въ костеръ:

— Откуда и куда?

— Неподалеку отсюда, изъ имѣнія. А вы, повидимому, духовная особа?

— Какая тамъ особа... просто дьяконъ, да и дьяконъ-то заблудшій. Носить меня Велиарова сила вокругъ да около; вторую недѣлю домой, въ свою Ивановку, попасть не могу! А вы присаживайтесь... Можетъ, у васъ и благороднаго сорта табачецъ найдется? Отъ мужицкаго горлодера нутро рветъ...

— Есть запасъ, подѣлимся. И чаю, если хотите, смастеримъ.

— Чаю? Добро зѣло... А водка есть?

— Увы, отецъ дьяконъ... кабы знать...

— Жа-а-ль!

Вскорѣ чайникъ весело шипѣлъ надъ огнемъ, а я, удобно расположившись передъ привѣтливимъ пламенемъ, бесѣдовалъ съ дьякономъ.

— Вы откуда же, собственно, отецъ дьяконъ, въ лѣсу очутились?... съ богомолья, что ли, идете?

Блаженно затягиваясь папиромъ, дьяконъ испускалъ изъ себя облака и струи табачнаго дыма.

— Какое тамъ богомолье, — махнулъ онъ слегка рукой. — Къ владыкѣ на экзамень путешествовалъ.

— Экзамень? По какой части?

— На священника! Да, это, я вамъ скажу, такая исторія, что... взять бы меня за волосы...

— Почему же такъ строго?

— Слѣдуеть!

И дьяконъ, задумчиво смотря на огонь, принялся рассказывать. Образованіе я, изволите ли видѣть, не Богъ вѣсть какого: изъ второго класса духовнаго училища за малые успѣхи исключень и за „пристрастіе“, — такъ и въ документѣ сказано, — за пристрастіе... не къ наукамъ, конечно. Чтò дѣлать... возлюбихъ влагу сатанинскую... и съ хлѣбомъ и съ чаемъ! И много вслѣдствіе сего въ жизни претерпѣхъ. Билъ меня родитель жезломъ... а случалось и возжами. Покойница мать на хлѣбъ на воду сажала, а частенько и крапивою угощала. Какъ съ гуся вода! Ну и махнули рукой. Былъ я пѣвчимъ... голосъ потерялъ. Учителемъ былъ церковнымъ... въ мертвомъ видѣ все время. Пристроилъ меня наконецъ родитель дьячкомъ. Тутъ ужъ я и вовсе по сорокаградусному морю вплавъ пустился, безъ руля, безъ паруса. Очень умѣлъ я анекдоты рассказывать и исторіи разныя, а также на гармоніи, на скрипкѣ, на дудѣ такіе экивоки выводить, что ни одинъ пиръ безъ меня не обходился. Сегодня пиръ, завтра пиръ, а пировъ нѣтъ—въ одиночку жарю. Одно меня спасало—здоровьемъ Богъ не обидѣлъ: сколько ни пью, на двоихъ стою, ни разу на четыре не становился, а ужъ ежели до точки дойду... яко Лазарь четверодневень—недвижимъ. Обратилъ наконецъ на меня владыка око свое. Призвалъ отца, говоритъ:

— Жени! Въ дьякона посвящу... авось исправится!

Нашелъ мнѣ родитель дѣвицу... приятную, сдобную, сосѣдкаго дьякона дочь, глаза—какъ угліе, а свѣтокъ въ нихъ добрый, сама, какъ перина, прости ей Господи! И взяла она меня въ руки не жезломъ, не крапивою, а лаской своей. И не то, чтобы она мнѣ пить не давала, нѣтъ... сама угощала! Бывало встанешь это чуть свѣтокъ, а она ужъ на ногахъ, ватрушки стряпаетъ.

— Ставь-ка, — говоритъ: — скорѣе самоваръ, а я въ погребъ сбѣгаю.

Я ужъ смѣюсь:

— Зачѣмъ?

— Припасла я тебѣ тамъ...

— Надо ли?

— Какъ же не надо.

И тащить это съ холодку, со льду, своей бѣлой ручкой нальетъ, угощаетъ, какъ царевича. И за чаемъ, и за обѣдомъ, и съ прихода придешь, смотришь: тутъ онъ, тутъ онъ... графинчикъ этакій! Ужъ мнѣ и совѣстно...

— Хоть ты выпей со мной! Не откажется.

— И пью я такимъ манеромъ какъ-будто бы цѣлый день, а все трезвый и веселый... на гитарѣ ее забавляю, исторіи рассказываю. И отъ пировъ она меня мягкой ручкой отвела. Тутъ бы на пиръ итти, а она... за занавѣску:

— Милый, хорошій!

— Ну, сколько за занавѣской не сидѣть... дѣти пошли. Митечка, Володечка... Раечка да Лизочка... какъ ангелы послетали съ небеси... шесть штукъ! Сталъ я наисчастливейшій человекъ и ужъ самъ на себя дивиться пересталъ — природа во мнѣ другая открылась! На первыя крестины родитель свой жезлъ въ подарокъ мнѣ привезъ.

— Воспитывай, — говоритъ: — дѣтей, какъ я тебя воспитывалъ.

Подумалъ я разное, но сказалъ такъ:

— Спасибо, папаша. Жезлъ вашъ на стѣну повѣшу, но отнюдь дѣтей моихъ имъ не трону!

Насунился родитель:

— Аль, — говоритъ: — Иисуса сына Сирахова забылъ? Любяй сына своего наказуетъ... Чтò бы съ тобой безъ жезла моего было?

Подошелъ я къ дьяконицѣ, обнялъ ее, смѣюсь:

— Вотъ, — говорю: — мой жезлъ... да онъ, къ тому же, и произрастаетъ!

Такъ-то жили мы душа въ душу, пока духъ лукавый не смутилъ. Приходъ у насъ, надо вамъ сказать, большой, богатый, и священники хорошіе. Отецъ-то Герасимъ младшій, такъ даже, скажу вамъ, не совру, зѣло приятень! Принесутъ ему курицу за свадьбу, онъ сейчасъ рѣчь поведетъ:

— А ты, Кузьма тамъ, или Павелъ, и дьякону такую же поднеси, дабы не завидовалъ.

И подносятъ! Весьма даже подносятъ... и зерномъ и живностью!

Отецъ-то Панкратій, старшій священникъ... точно... немножко строговать. И горденекъ. Оно конечно... человекъ уже камилавку имѣетъ и въ нѣкоторомъ родѣ судія: духовнымъ слѣдователемъ третій годъ состоитъ. Съ виду важной такой, плоть солидная, чрево широкое... и чинопочитаніе уважаетъ: требуетъ, чтобы дьяконъ калоши подавалъ!

— Это, — говоритъ: — смиреніе развиваетъ, для младшихъ членовъ клира полезное, ибо они, аки бы послушники въ монастырѣ, игумену прислуживать должны и послухъ нести.

— Калоши подавай... да еще со смиреніемъ!

Дьяконъ вздохнулъ и заволокся дымомъ...

— И подаю! Подаю калоши... чтò подѣлаешь. И горько, а безъ этого нельзя... червь есмь! Ибо, какъ ни какъ, а о. Панкратій настоятель, и всѣ мы въ руцѣ его. Захочетъ—съ хлѣбомъ скушаетъ и даже водицей не запьетъ. Къ тому же, скажу вамъ, не совру, человекъ онъ остроумный и приходъ умѣетъ поставить такъ, что изъ всякой соломинки духовнымъ доходъ идетъ. Ужъ, кажется, вотъ, смотришь во всѣ глаза—ничего взять нельзя... а онъ возьметъ! Да и возьметъ-то такъ тонко, что диву даешься: не онъ беретъ, а ему даютъ, да еще упрашиваютъ! Оно медни

чтò вѣдь выдумалъ... ха-ха... дождевой сборъ! Вѣрно! Лѣтомъ доходу мало, онъ и выдумалъ.

— Вы, — говоритъ: — прихожане, въ земствѣ отъ пожаровъ страхуетесь, а у насъ отъ засухи застрахуйтесь! Заранѣе сборъ сдѣлайте и ни о чемъ не беспокойтесь, — какъ только дождь понадобится, мы ужъ вымолимъ.

И вѣдь вымолить, скажу вамъ, не совру, не то чтò дождь... грозу, съ громомъ, съ молніей! И всегда въ точку! Нарочито даже какую-то штуку купилъ въ родѣ часовъ, чтò погоду предсказываетъ, — нѣмецкая штука, названіе мудреное. Ха-ха... вотъ онъ какой, отецъ-то Панкратій... жить съ нимъ можно, какъ у Христа за пазухой.

Вотъ-съ!

И былъ у отца-то Панкратія сынъ, семинаристъ, — не сынъ... сынище... верзилице, великанище... вышибало номеръ первый. Ахтеръ-вахтеръ-кумъ Егоръ, шеринъ-еринъ-Христофоръ, — такъ я его прозвалъ. Румяный-прянишный... голосистый. А во-о-дкю жре-е-тъ... какъ губка... такъ и впитываетъ! И веселый человекъ, только веселье у него особенное: все норовить какъ бы чело-вѣка подъ насмѣшку подвести.

Вотъ и повадился онъ ко мнѣ.

Придетъ, подмигиваетъ:

— Выпить бы!

А дьяконица моя не возлюбила его.

Припрячетъ себѣ водку и будто слыхомъ не слышитъ подходы-то его, я же молчу: уважаю я ее. Ну, тары-бары, разговоры о томъ, о семъ, бывало, до полночи сидимъ. Чего, думаю себѣ, человекъ безъ толку передъ глазами торчитъ... и невдомекъ мнѣ! Только вотъ разъ и вижу: жметъ чего-то дьяконица, то вспыхнетъ, то нахмурится.

А мы въ карты играли, въ короли.

Вдругъ дьяконица-то и брякъ:

— Вы бы, Христофоръ Панкратычъ, ноги-то за окошко выставляли... очинно онѣ у васъ длинны!

Я смотрю во всѣ глаза.

А она опять:

— Несите-ка амуры-то свои въ другое мѣсто, я мужа люблю! Тотъ скраснѣлъ.

Молчимъ мы.

Встаю я изъ-за стола.

— Христофоръ, — говорю: — дѣло-то не ладно... шеринъ-еринъ ты этакой! Чего ты къ духовной персонѣ пристаешь? Али тебѣ женска пола по селу мало?

— Извините, — говоритъ: — отецъ дьяконъ... Бѣсъ!

— То-то бѣсъ! На бѣса крестъ есть... а на тебя што?

Засучилъ я рукава:

— Ну, ахтеръ-вахтеръ, пойдёмъ!

Онъ и глаза на меня:

— Куда?

— А тутъ, во дворъ... неподалеку. Коли моя возьметъ—и во дворъ не ходи! Коли твоя—оставайся все по-прежнему!

Вышли.

А дьяконица на крыльцѣ сѣла, посмѣивается.

Вотъ и напалъ я на него со всѣхъ сторонъ сразу. Шагаетъ онъ, какъ Вавилонская башня, все хочетъ меня кулачищемъ сверху прикрыть. А я не изъ таковскихъ. Только онъ изловчится, а я ужъ его въ спину барабаню. Только онъ повернется—а я ужъ ему сверху нахлобучку сдѣлалъ... быстрый я!

Пыль идетъ по двору, словно чучелу огородную выбиваю.

— Шеринъ-еринъ, — кричу: — держи-и-сь!

Разъярился онъ, пошелъ на меня чудовищемъ.

Претъ, какъ нечистая сила, глаза кровью налились, ручищами въ воздухъ гвозди вколачивать... Отступать мнѣ пришлось, и ужъ изъ носу кровь. Дьяконица кричитъ съ крыльца:

— Подъ ножку его, подъ ножку!

— Это не по правиламъ, — говорю.

А ужъ онъ меня подъ клѣтъ загоняетъ.

Дышитъ, какъ паровикъ, и вотъ-вотъ къ землѣ придавить. Вижу, дѣло плохо... какъ изловчусь, да промежъ ногъ у него и проскочилъ!

Онъ вспять!

А ужъ я за загривокъ, да къ землѣ его клоню.

— Поклонись, — говорю: — дьяконицѣ, проси у ней прощенья!

Сдѣлалъ я изъ него глаголь, да, признаться, и колѣнкой помочь... полетѣлъ онъ! Полетѣлъ, да и удержаться не можетъ,—вотъ, думаю, ворота головой прошибетъ.

— Падай, — кричу: — падай!

Онъ и впрямъ упалъ, какъ мѣшокъ съ овсомъ.

Всталъ въ землѣ, въ пыли, съ царяпинами, смѣется.

— Опять друзья? — говоритъ.

— Друзья! — кричу.

И ужъ забылъ, что хотѣлъ во дворъ не пускать, очень радость была большая отъ побѣды. Дьяконица даже намъ водочки выставила... веселая ходитъ. Признаться... вышили мы. И очень даже! Христофоръ-то въ плясъ пошелъ, шутки шутить, смѣется... а должно-быть, большое зло онъ противъ меня въ сердцѣ затаилъ. Собрала дьяконица чаекъ... сидимъ мы.

Онъ и говоритъ мнѣ:

— Что вы, отецъ дьяконъ, въ священники не проситесь?

Словно онъ по душѣ меня ударилъ этимъ словомъ.

— Вы-думашь!—говорю.

А онъ такъ хитро посмѣивается:

— Голосъ у васъ гремучій, плоть солидная, поступь важная, и къ тому же вы человѣкъ книжный: всю службу до тонкости понимаете. Можете вы обѣдно наизусть отслужить?

— Такъ отхватаю,—говорю:—что въ ушахъ затрепещитъ!

— А ноту знаете?

— Не только,—говорю:—ноту, а всё ключи понимаю. Въ архереискомъ хору когда-то состоялъ... и на гитарѣ по нотамъ играть учился у первѣющаго въ городѣ музыканта.

— Такъ вамъ, — кричитъ: — только катехизисъ по Макарію пройти, да и на экзаменъ къ владыкѣ!

— Допуститъ ли владыка?

— Какъ не допустить: онъ любитъ простецовъ. Вѣдь и апостолы изъ простыхъ рыбаковъ къ высокому-то званію призваны.

— То апостолы!—говорю.

— Все равно!

И сталъ онъ мнѣ расписывать да рассказывать, какъ гдѣ какой священникъ безъ образованія, сирѣчь изъ простецовъ, въ высокой санъ возведенъ. Егорьевскій батюшка—изъ башмачниковъ,—только тѣмъ и взялъ, что архереискій секретарь ему кумомъ приходится. А ужъ теперь и камилавку имѣетъ! Въ Марьевкѣ священникъ тоже изъ бывшихъ писарей. Нашелъ тропки утиныя, монетками посорилъ...

— Ага! Значитъ, и подмазать требуется?

— Да вѣдь худой курица, отецъ дьяконъ, и на базарѣ грошъ цѣна! Занозилъ онъ мою душу.

Впалъ я съ тѣхъ поръ въ задумчивость, ночи не сплю, думаю. Чѣмъ же, думаю, и въ самомъ дѣлѣ хуже я другихъ? Службу всякую зажмурясь отрезвоню и въ требникъ не загляну. Проповѣдь какую угодно расскажу насчетъ ли добродѣтели, или грѣхопаденія... все до тонкости объясню, какъ и что и куда относится. Да вѣдь и проповѣдей-то написано — тьма! Нашъ о. Панкратій всегда по книжкѣ читаетъ, да еще иной разъ строчку потеряетъ... ищетъ, ищетъ. Герасимъ развѣ иногда наизусть говоритъ... да такъ-то и я расскажу, даже чище! А доходы-то, думаю, брать ты мой дьяконъ, поповскіе-то... не тѣ-ѣ-ѣ! Дьякону одна третья часть идетъ, вотъ оно что, а попъ только мошну растопыривай: катится денежка, и конца ей нѣтъ. Да и пріятно самому хозяиномъ быть, что ни говорите. Ужъ о. Панкратію калоши тогда подавать... шалишь! Въ гости къ нему пріѣду и по чреву толстому рукой похлопаю: — какъ моль, отецъ, поживаешь? А чего онъ мнѣ тогда сдѣлаетъ? Пусть злится! Мнѣ что! Я такой же попъ... можетъ, еще благочиннымъ буду.

Размышляю я такъ-то, и нѣтъ мнѣ сна.

Да и во снѣ-то все мерещится, какъ прихожане во дворъ кто что тащить: кто хлѣба, кто живности, кто овцу на новоселье, а церковный староста обязательно корову, потому человѣкъ онъ зависимый, и могу я его къ медали представить.

Сталъ я съ дьяконицей совѣтоваться.

И она впала въ размышленіе... ужъ очень хочется ей меня попомъ видѣть, да только вѣрить боится.

Приходитъ Христофоръ, а я къ нему въ упоръ:

— Макарій есть?

— Есть,—смѣется.

— Трудно?

— Умному человѣку разъ прочитать.

— А еще какія науки требуются?

Сталъ онъ мнѣ перечислять, у меня глаза на лобъ полѣзли.

— Литургика, гомилетика, дидактика...

— Все равно,—кричу:—тащи!

Засѣлъ я за книгу, долбилъ, долбилъ, въ головѣ туманъ сталъ. Слова все какія-то, натошакъ не выговоришь, никогда и не слышалъ такихъ. Началъ я съ дьяконицей своей точно по-турецки разговаривать: пуцу, пуцу въ нее такими-то словами, чтобы, значить, лучше запомнить, передъ владыкой не сконфузиться, а она только глазами круглыми смотреть.

— Я бы,—говоритъ:—тебя не то что въ попы, въ протопопы посвятила, такой ты у меня умный!

А мнѣ и лестно.

Собрался я по осени. И Христофоръ со мной увязался. Выѣхали очень торжественно, дьяконица плакала и благословляла. Однакоже отошелъ я отъ дьяконицы, и напалъ на меня прежній стихъ... точно съ цѣпи сорвался. Пи-и-ли мы дорогой... скажу вамъ, не совру, другъ друга не узнавали, лики обоюднo, какъ въ туманѣ, мерещились. И то сказать, страшновато мнѣ было, оттого и впадалъ въ забвеніе. Однакоже, пріѣхавъ въ городъ, подтянулся я, пріодѣлся, медаль прицѣпилъ и отправился въ архереискій домъ. По пути на базаръ зашелъ. До базара простъ шелъ, съ базара нагруженъ доверху.

Встрѣтились духовные, смѣются.

— Али,—говорятъ:—дьяконъ, съ охоты идешь?

— Еще только,—говорю:—отправляюсь на охоту.

— На попу охотишься?

А одинъ знакомый священникъ посмѣялся такъ-то, потомъ со строгостью говорить:

— Ужъ очень ты, дьяконъ, въ открытую идешь; такое дѣло тайности требуетъ. Спряталъ бы...

— Подъ полу,—говорю:—не спрячешь, все равно видать, къ тому же дѣло живое: кричать начнетъ!

— Хоть иди сторонкой,—совѣтуетъ:—а придешь—въ темномъ мѣстѣ спрячь. А то на тебя тамъ и руками замахають!

Пошелъ я задворками, черезъ садъ прокрался, въ темный коридоръ, какъ воръ, проникъ.

Оттуда къ секретарю.

Старичокъ сѣденькій, борода длинная, какъ у угодника, самыя кости да кожа, смотритъ на меня и тихимъ гласомъ спрашиваетъ:

— Что вамъ, отецъ дьяконъ, угодно?

— Такъ и такъ,—говорю:—къ владыкѣ.

— По какимъ дѣламъ?

— Экзаменъ держать на попу желаю.

Глаза у него очень большіе сдѣлались.

— Да вы, отецъ дьяконъ, съ ума сошли,—говоритъ.—Тутъ у насъ студенты семинаріи годами въ псаломщикахъ служатъ.

— То,—говорю:—люди умудренные, а я простецъ.

— Такъ что же изъ того?

— А то,—говорю:—у меня для вашей милости въ коридорѣ два гуся припасено... изъ добраго къ вамъ расположенія. Скушно имъ тамъ въ темнотѣ-то, не возьмете ли на кухню?

— Это,—говоритъ:—дѣло двенадцатое... можно, можно.

Подобрѣлъ старичокъ-то, стулъ мнѣ пододвинулъ:

— Расскажите, какъ и что.

Сталъ я ему рассказывать, какія знанія имѣю и какіе предметы проходилъ, а онъ смотритъ испытующе, потомъ же тихимъ гласомъ вопрошаетъ:

— У васъ этихъ... предметовъ-то... только два и было?

Я думалъ, что онъ о наукѣ спрашиваетъ.

— Какихъ,—говорю:—предметовъ?

— Гусей-то?

— Нѣтъ,—говорю:—еще два припасено... на всякій случай.

— Вотъ это отлично. Ступайте-ка къ духовнику... очень онъ всякую птицу любить. Мы съ двухъ сторонъ на владыку-то! И устроимъ ваше дѣло. А ужъ съ остальнымъ сами справляйтесь... касательно экзамена-то.

— Съ этимъ-то справлюсь,—говорю.

Проводилъ онъ меня вѣжливымъ манеромъ до двери, а потомъ и въ коридоръ, а самъ все шумѣть не совѣтовалъ. Пошелъ я тихимъ ходомъ, коридорами подземными, на задній дворъ, во флигель къ духовнику. Иду, ногъ подъ собой не слышу, радуюсь: выгораеть мое дѣло! Даже гусей поглаживаю.

— Ахъ, вы,—говорю:—мой заступники!

Встрѣтилъ меня духовникъ ласково, поговорилъ что-то съ гусями, сейчасъ же каждому имя далъ, заперъ ихъ въ пустую комнату, меня въ зальцу пригласилъ. Рыжий онъ такой, кудрявый, даже глаза золотистые, а самъ маленький, суетливый. Выслушалъ онъ меня, заспѣшилъ, забѣгалъ, ряску надѣваетъ, бормочетъ скороговорочкой:

— Побѣгу, побѣгу сейчасъ, сейчасъ побѣгу!

Посмѣивается, помигиваетъ:

— Устроимъ, устроимъ... а вы въ пріемную пожалуйте.

И впереди меня бѣжитъ-бѣжитъ, семенитъ, далеко ушелъ, обернулся, сдѣлалъ руку трубой, шепчетъ во весь дворъ:

— А за гусей спаси-и-бо...

Вошелъ я въ пріемную, замѣшался среди духовныхъ, жду. А сердце во мнѣ колотитъ, какъ колоколь въ большой праздникъ... и страшно мнѣ и радостно! Косятся на меня духовные, подходятъ, спрашиваютъ:

— По суду, что ли?

Еще другіе подошли, и тѣ тоже:

— По суду, что ли?

Удивляюсь, и чего это имъ судъ дался, даже обозлился, однакоже духъ во мнѣ веселый, и шучу я:

— По суду,—говорю.

— А какое дѣло?

— Колоколь укралъ.

Они и глаза на меня:

— Да ты какого прихода?

— Вознесенскаго.

— Что за колоколь? Большой колоколь?

— Шестьсотъ пудовъ,—говорю.

Стоять они вокругъ, какъ соляные столбы,—не знаютъ, что и подумать.

— Доходы,—говорю:—малые... пришелъ я ночью, снялъ его и продалъ.

Такъ и прыгнули. И пошелъ кругомъ говоръ:

— Дьяконъ колоколь укралъ!

Вижу, сказалъ на свою голову.

Вдругъ слышу гласъ изъ двери:

— Дьяконъ Громобоевъ,—къ владыкѣ!

Пріосанился я, медаль поправилъ, вхожу. Иду такъ важно, выстуваю гордо, а колѣнки у меня дрожать, и сердце такъ и колотится, словно выскочить и убѣжать хочется. Никогда я у этого владыки не бывалъ, думаю: „какой-то онъ, какъ-то меня встрѣтитъ?“ Зала свѣтлая, просторная, полъ такой скользкой, что я чуть не упалъ, даже руками взмахнулъ. Вижу, вдали у двери владыка стоитъ: старенькій, суторбленный, личико маленькое, а лобъ высокий, будто у него на головѣ митра надѣта. И лицо доброе.

Чѣтки перебираетъ, улыбается.

— Что это, — говорит: — ты, отецъ дьяконъ, руками машешь?
Я въ ноги:
— На экзаменъ, владыка святой, прѣхалъ.
— Развѣ я тебя звалъ?
— Нѣтъ, владыка... я самъ...
— А зачѣмъ тебѣ экзаменъ?
— Во священники хочу!
— Давно ли, — говорит: — ты въ себѣ такое призваніе почувствовалъ?
— Всегда, — говорю: — владыка святой, во мнѣ такое желаніе было... только наука моя малая, не осмѣливался.
— А теперь съ чего же осмѣлѣлъ?
Что я на это скажу?
Молчу.
Вижу, качаетъ онъ головой, сурьезный сталъ.
— Не отъ своего, — говорит: — ума въ тебѣ хотѣніе явилось такое... Кто тебя научилъ? Развѣ можно безъ науки въ священники посвящаться? Откуда въ тебѣ продерзость такая, когда академики, мужи науки, мѣсяцами мѣсть дожидаются?
Такъ и сверлитъ меня глазами.
— Да и что, — говорит: — ты знаешь для столь великаго званія? Ну, вижу, экзаменъ начинается, пріободрился я, отвѣчаю:
— Все!
Опять онъ улыбается:
— Что же все-то?
— А что потребно! Книгу всякую прочитатъ могу и объяснить: что и куда относится. Всякую проповѣдь расскажу, — про нравственность и прочее...
— Ну, что же ты про нравственность сказать можешь? Скажи.
Чуть-было я въ затылкѣ не почесалъ.
— Нравственность, — говорю: — нравственность...
А изъ головы все вылетѣло.
И всѣ слова позабылъ, какими дьяконицу пугалъ.
Однакоже набралъ полную грудь воздуха и говорить началъ. И что говорилъ, не припомню... по-моему, хорошо! О Сатанѣ разсказалъ, какъ онъ къ Евѣ подобрался. И съ той поры грѣхъ пошелъ... а противъ грѣха нравственность, и безъ нея никакъ нельзя. Согрѣшилъ — и покайся! Тутъ же и текстъ ввернулъ: — овому же талантъ, овому же два!
— Вѣрно! — говоритъ владыка.
А самъ смѣется и вдругъ спрашиваетъ:
— Ты вино пьешь?
Сконфузился я, не утерпѣлъ, почесалъ въ затылкѣ.
— Грѣшенъ, — говорю: — владыка святой...
— И много?
— Не такъ, чтобы...
А самъ думаю: „ты бы меня по катехизису спросилъ, а это что за экзаменъ!“
Владыка же спрашиваетъ:
— Есть ли грѣхъ вкушать вино, или нѣтъ грѣха? Объясни мнѣ.
Говорю:
— Грѣхъ!
— Почему?
— Пьяницы не внидутъ въ царствіе небесное.
— Я тебя, — говоритъ владыка: — не про пьяницъ спрашиваю, а про вино.
Растерялся я, опять колѣни задрожали... — вотъ, думаю, задача. Да вспомнилъ текстъ.
— Грѣхъ! — говорю: — потому что и въ требникѣ велѣно на исповѣди спрашивать: — не упивался ли еси виномъ? Значить, грѣхъ...
Качаетъ владыка головой.
— А какое, — говорит: — чудо сотворилъ Христосъ на бракѣ въ Канѣ?
— Воду въ вино претворилъ.
— То-то и есть! И въ другомъ мѣстѣ сказано: „дадите сикера нищимъ и убогимъ“. А причастникамъ что въ теплоту подливаютъ? Оно же и мнихамъ разрѣшается, стомаха ради тѣлесна... Грѣхъ ли, выходитъ?
Поникъ я, молчу.
— Не пить его грѣхъ, — говоритъ владыка: — а упиваться безъ времени. А ты даже этого различить не можешь. А просишься въ священники. Ну, какой же ты священникъ? Чего ты можешь?..
Обидно мнѣ стало.
— Все, — говорю: — могу, владыка святой! Не хуже другихъ! Обѣдно наизусть изложу... всякіе молебны или отпѣтіе... все могу! И голосъ у меня есть... бастъ! Я по нотамъ пою. У меня, — говорю: — владыка, такой голосъ, что люди пугаются. Хоръ могу

устроить, одно веселіе! И съ мужикомъ я обходиться умѣю. Меня мужики любятъ, я все съ прибауткою!
— Съ какой прибауткою?
— А съ веселымъ словомъ! Я какъ начну щунять веселыми-то словами, такъ у меня каждый человекъ отъ грѣха отойдетъ и къ добродѣтели обратится... живо въ царствіе Божіе приведу!
Говорю такъ-то, а самъ думаю: „погоди, я и тебя улещу!“ Да смотрю, нахмурился владыка, грозенъ сталъ, да какъ крикнетъ:
— Смолкни!
Я и палъ на колѣни.
Бормочу:
— Простите... по глупости!
— Надо бы мнѣ тебя, — говоритъ владыка: — въ монастырь отправить за продерзость твою! Да на первый разъ прощаю. Гряди съ миромъ и живи просто, не мудрствуя лукаво. А ежели еще явишься... не помилую!
И даже ногою топнулъ:
— Слышишь?!Какъ я изъ залы выбрался — не помню!
Шель, шель по паркетамъ, опять руками взмахнулъ. Передъ глазами круги красные... А въ пріемной духовные окружили меня, смѣются, пальцами показываютъ.
— Вотъ, — говорятъ: — дьяконъ, который колоколь укралъ. Что, дьяконъ, владыка велѣлъ новый купить?
Не понимаю я ничего.
— Кого? — говорю.
— Колоколь-то?
Зло меня взяло, плюнулъ я, ушелъ.
А они и велѣдъ гогочуть!
Вышелъ я за врата дома архерейскаго и отъ досады шляпой ъдемъ хватилъ. Слышу, смѣется кто-то, надрывается. Вижу — Христофоръ... подходитъ, слезы на глазахъ отъ смѣха, спрашиваетъ:
— Правду говорятъ, отецъ дьяконъ, что ты колоколь укралъ? Взъярился я, какъ быкъ, и пошелъ на него войной. Онъ отъ меня бѣжитъ, самъ кричитъ:
— А когда въ попы посвятятъ?
Догналъ я его, подмялъ. И ужъ всю обиду мою ему высказалъ... до синяковъ! Передохнуть не далъ, во всѣ цвѣта раздѣлалъ. А люди кругомъ гогочуть! Тарантасы какіе-то остановились, телѣги съ известкой сгрудились... Наро-о-ду!! Розняли насъ. Стоимъ мы во всей красотѣ: онъ то сталъ не въ отца, а въ дѣдушку, на мнѣ подрясникъ разорванъ.
Улеглась моя обида... помирились мы.
Пошелъ онъ меня угощать.
Угощались мы вдвоемъ, потомъ и подводчика пригласили. Что же дальше было... скажу вамъ, не совру, хоть убейте, — не помню! Туманъ... и все какіе-то лики! И что за лики, не знаю. Явь ли, сонъ ли? Какъ-будто дрались гдѣ-то, что-то пѣли, куда-то бѣжали. Просыпаюсь я послѣ того:
Степь!
Лежу у дороги, кругомъ ни души... Что за страна? Голова, какъ барабанъ. Захожу въ деревню:
— Какая такая?
— Павловка.
— Какъ я сюда попалъ?
Смѣются:
— Вамъ лучше знать.
Стыдно мнѣ стало.
Полѣзъ въ карманъ, — денегъ пятакъ! Купилъ махорки, пошелъ. Думалъ-было къ духовнымъ зайти, да ужъ очень совѣстно... Дойду, думаю, домой, благо до прихода отсюда верстъ сорокъ, не больше. А тутъ дождь пошелъ, ненастье... Ну, вотъ и заночевалъ я тутъ...
Дьяконъ задумался и молчаливо принялся за чай.
— Какъ же вы однако, отецъ дьяконъ, въ степи-то очутились? — спросилъ я.
— Полагаю, что подводчикъ обронилъ.
— И не замѣтилъ?
— А какъ замѣтишь, когда въ головѣ туманъ?
И, прислушиваясь къ шуму вѣтра въ верхушкахъ елей, дьяконъ прихлебывалъ чай и говорилъ задумчиво и уныло:
— Яко Фараонъ въ морѣ Черномъ потопъ... И больше всего мнѣ дьяконицы совѣстно: какъ въ глаза ей взгляну? Да и это ничего! Пойметъ... умная она. Однако мнѣ теперь будетъ трудно...
— Что же, отецъ дьяконъ?
— Калоши отцу Панкратію подавать!

Чудеса моря.

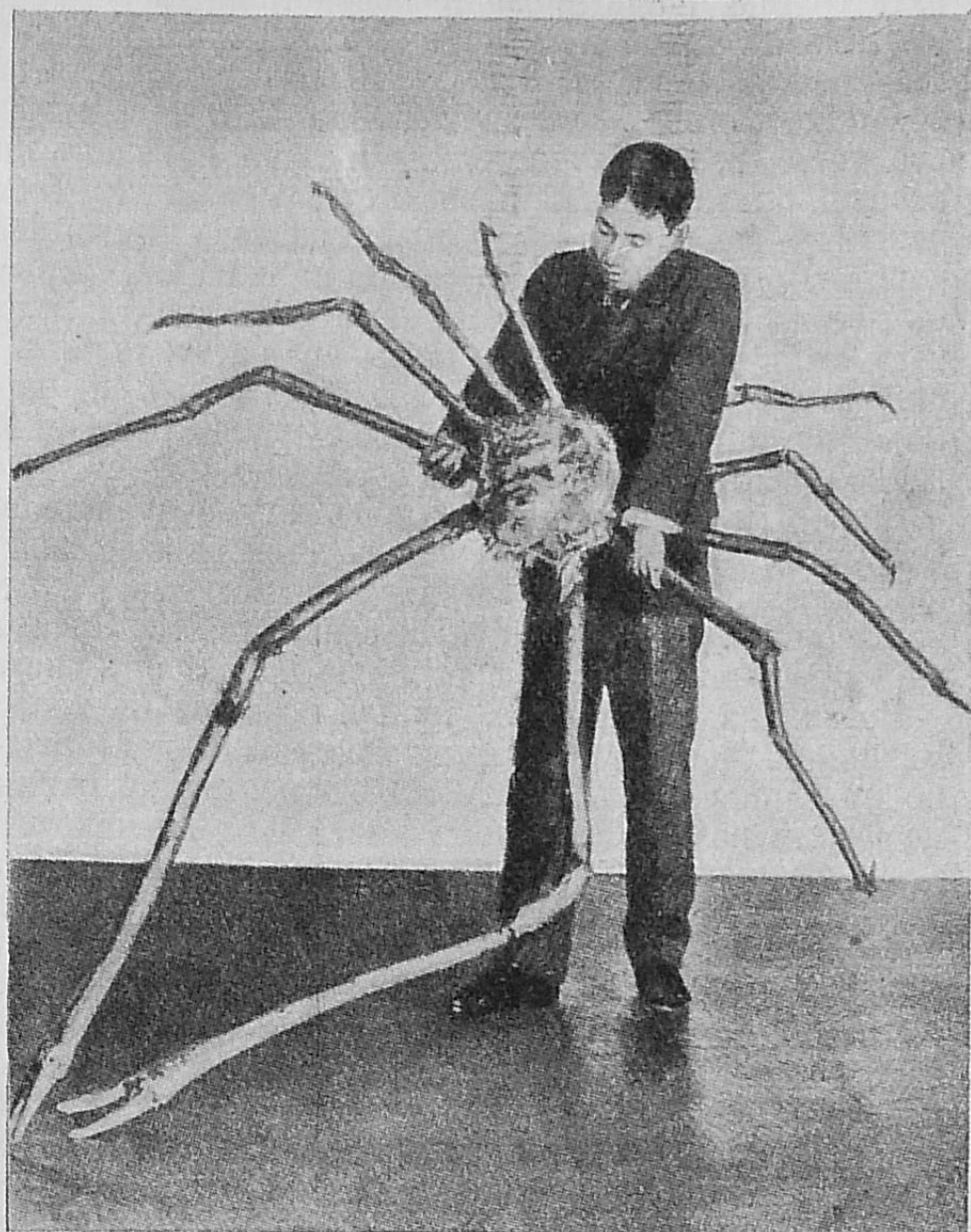
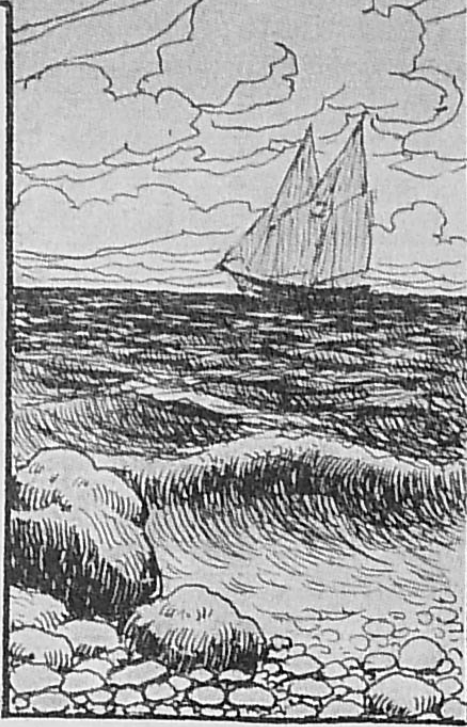
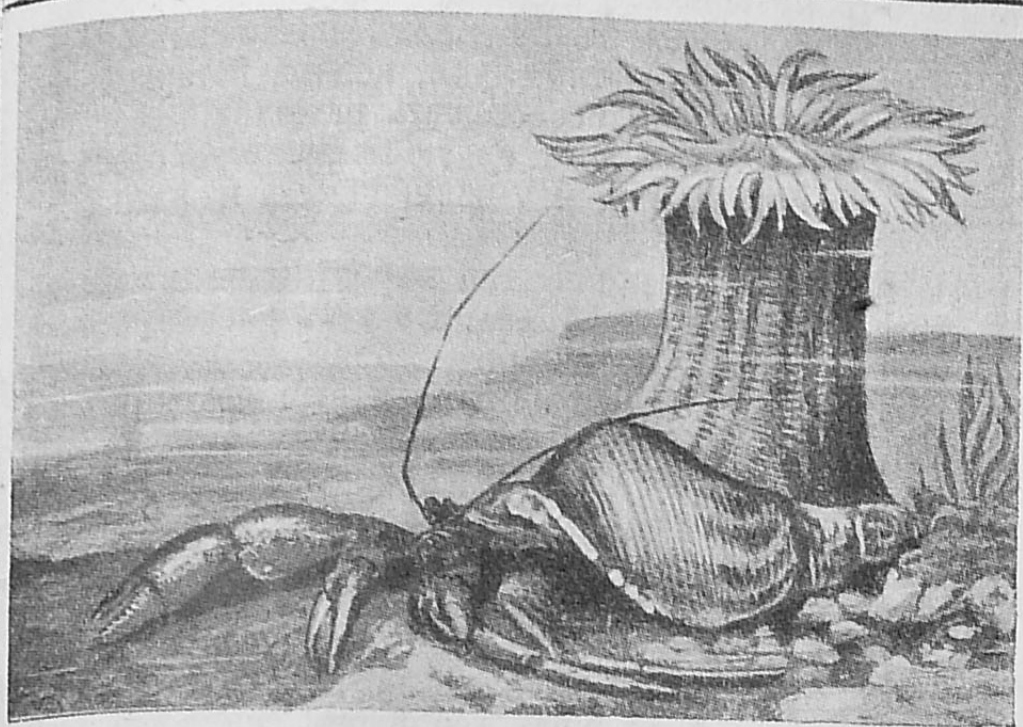
(Съ 8 рие. на стр. 777).

Трудно было бы просто только перечислить въ небольшой журнальной статьѣ всѣ чудеса, таящіяся въ нѣдрахъ океановъ. Приходится ограничиться выборомъ наудачу нѣсколькихъ особенно выдающихся примѣровъ. Мы остановимъ нашъ выборъ прежде всего на существахъ, обладающихъ способностью само-свѣченія.

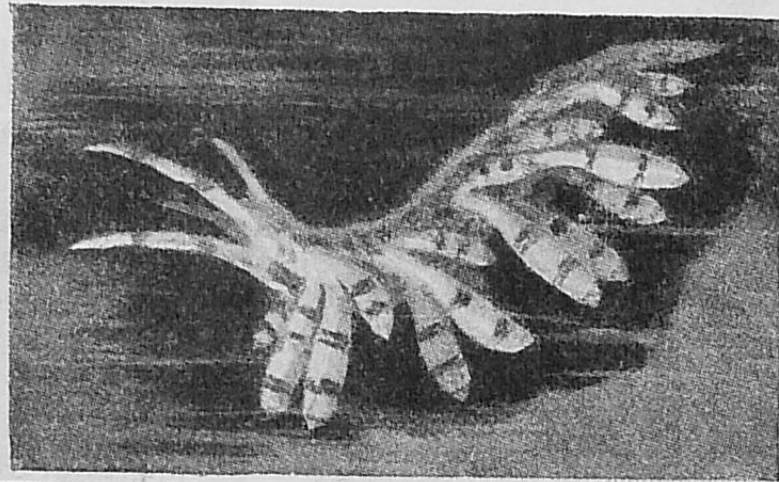
Любой морякъ, побывавшій въ теплыхъ краяхъ, видѣлъ свѣтя-

щееся, словно горящее море. Для того, чтобы полюбоваться этимъ удивительнымъ зрѣлищемъ, вовсе нѣтъ надобности забираться куда-нибудь въ дали океана: явленіе во всемъ его блескѣ можно наблюдать, напримѣръ, въ Средиземномъ морѣ, около Алжирскихъ береговъ. Вотъ какъ его описываетъ одинъ натуралистъ, наблюдавшій его около Алжира.

Этотъ наблюдатель прогуливался въ шлюпкѣ по морю около

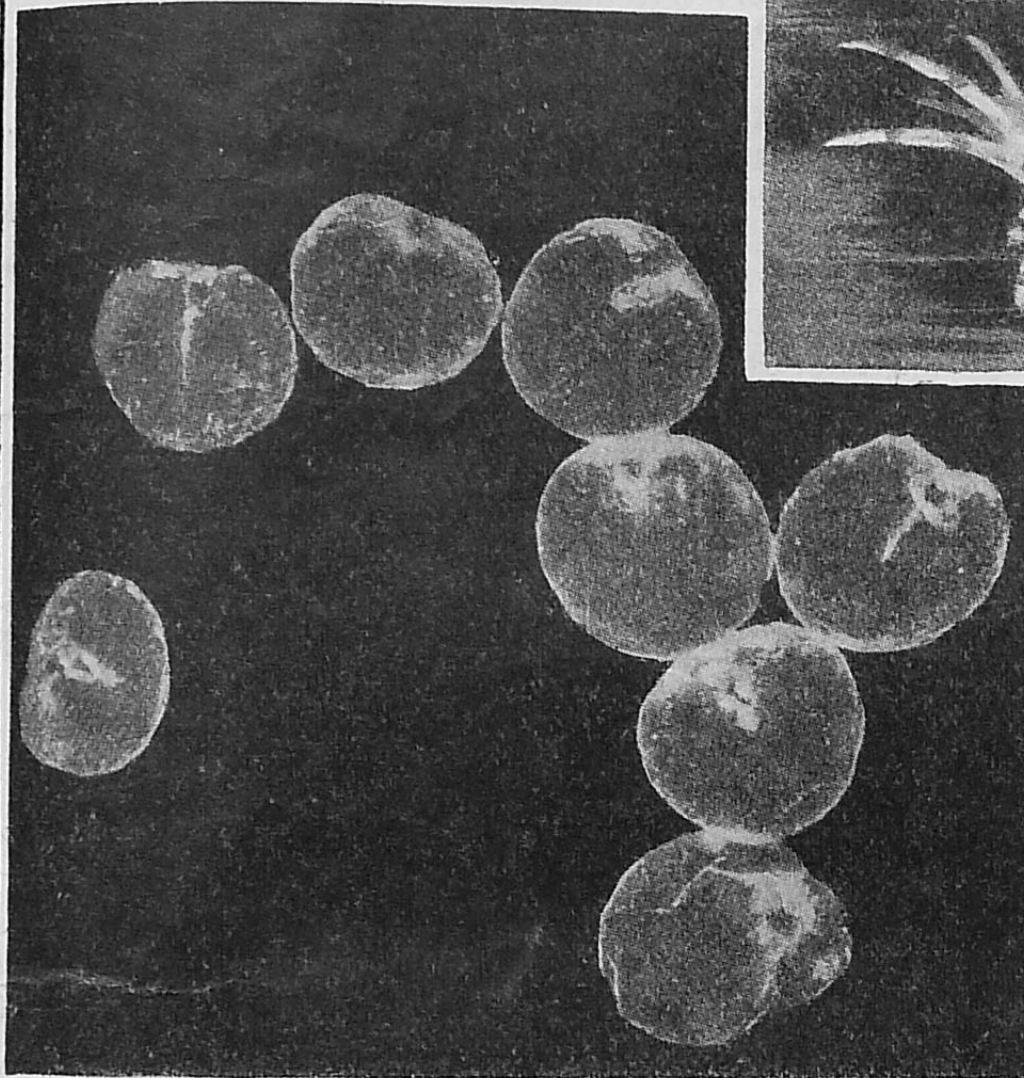

Сожительство рака-отшельника и актинии.

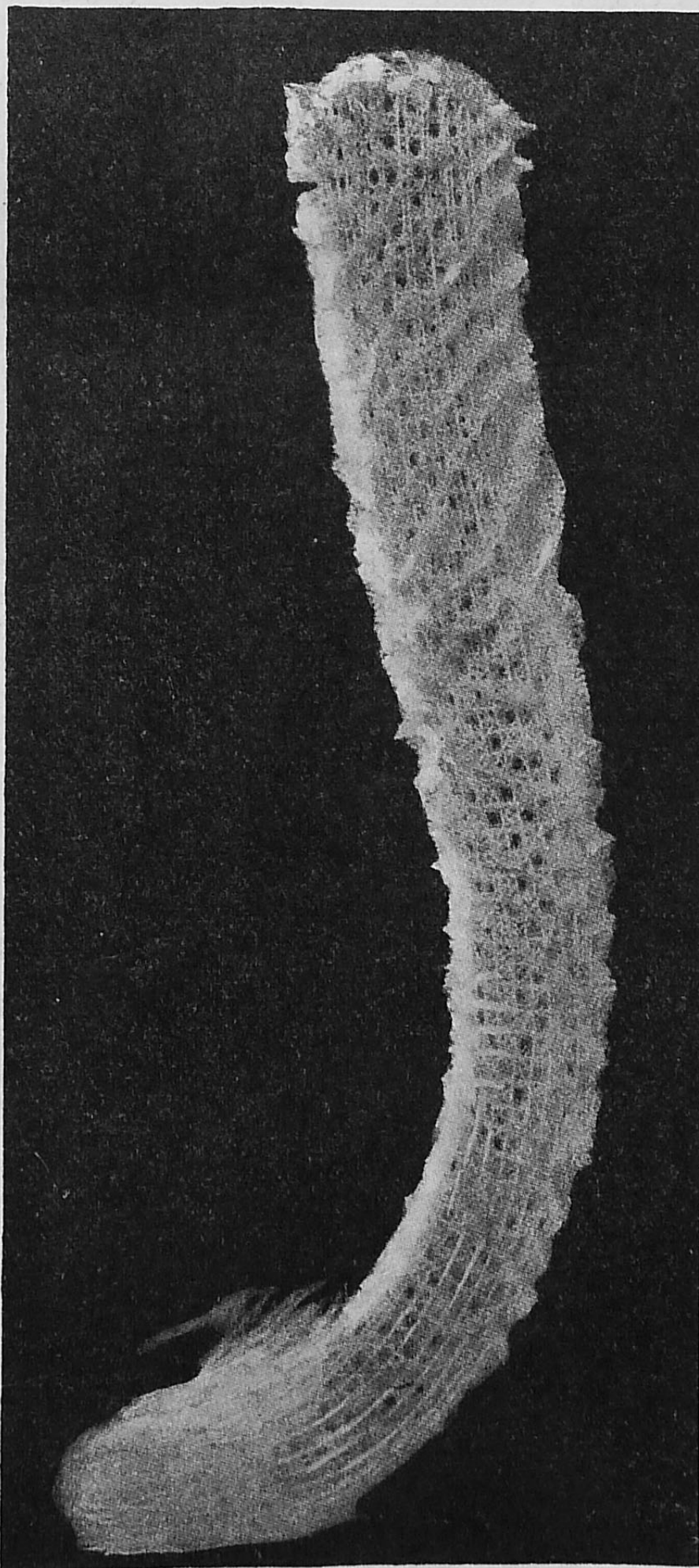

Морской слизнякъ, принимающій видъ растенія.

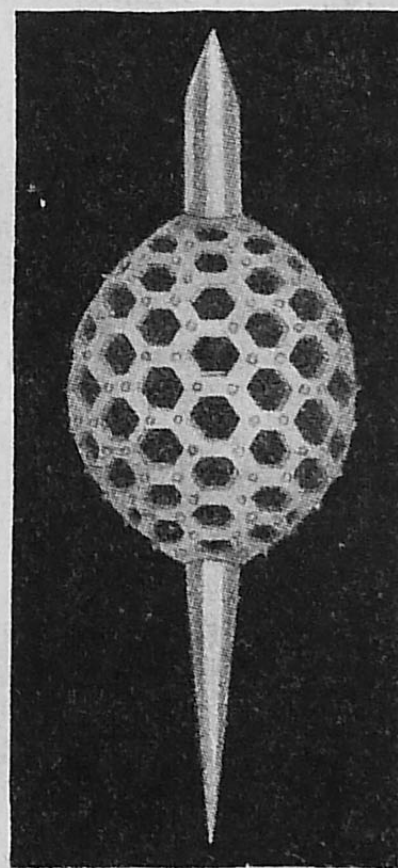
Японскій гигантскій крабъ—морской паукъ.

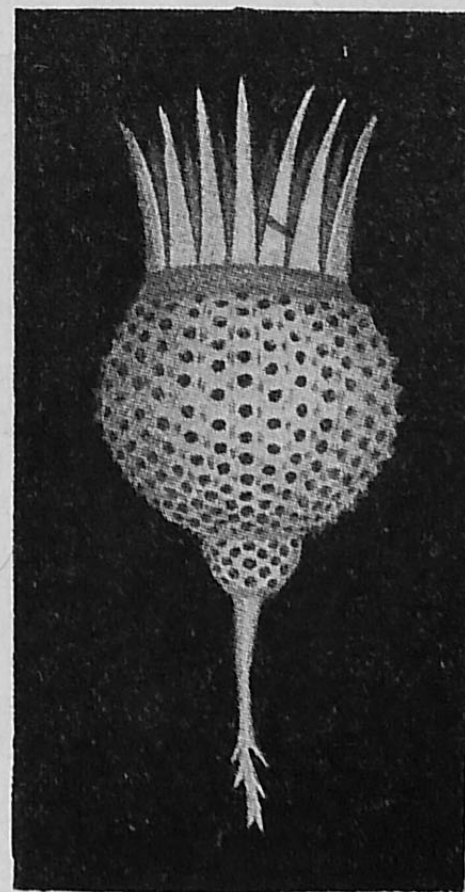
Животное, причиняющее свѣченіе моря—*Noctiluca miliaris*.

Стекловидная губка *Euplectella aspergillum*.

Радиоларія, сильно увеличенная.

Радиоларія, сильно увеличенная.

Рыба фахакъ, надувшаяся для самообороны.

Алжира. Дѣло было въ тихій весенній вечеръ. Скоро послѣ заката солнца, когда шлюпка повернула къ берегу, въ разныхъ мѣстахъ на тихой и спокойной морской водѣ стали вспыхивать голубоватые огоньки. Вспыхнетъ и потухнетъ, а спустя секунду вспыхнетъ огонекъ въ другомъ мѣстѣ. Эти вспышки становились все чаще, все многочисленнѣе и стали наконецъ придавать морю особый, оригинальный и восхитительный видъ. Теперь уже каждая разбивающаяся волна превращалась въ настоящій огненный дождь. Брызги воды, попадавшія на шлюпку, сверкали огоньками; съ веселья лились цѣлые каскады сверкающей воды. И по мѣрѣ того, какъ темнота усиливалась, съ наступленіемъ ночи явленіе становилось все болѣе и болѣе блестящимъ и чарующимъ. Все море, все его пространство, какое можно было окинуть глазомъ, горѣло этимъ фосфорическимъ свѣтомъ.

Какой же волшебникъ создаетъ эту очаровательную картину? Стоитъ взять нѣсколько капель этой свѣтоносной воды и одну изъ этихъ капель положить подъ микроскопъ, чтобы увидать этого волшебника. Это—крошечный слизнякъ, *Noctiluca miliaris*, который представленъ цѣлою группою на нашемъ рисункѣ.

Ноктилука — животное, принадлежащее къ классу инфузорій. Величина этого существа, малодоступнаго невооруженному глазу, не превышаетъ миллиметра. Тѣло ноктилуки очень напоминаетъ по формѣ почку. Въ одномъ мѣстѣ на тѣлѣ находится впадина, и здѣсь можно видѣть тонкій подвижной усикъ. Двигая имъ, какъ весломъ, животное перемѣщается. Тутъ же около этого усика находится отверстіе для приѣма пищи. Все животное представляетъ собою простой мѣшочекъ, наполненный той разновидностью протоплазмы (кѣлочнаго содержимаго), которая называется саркодою. Около усика и пищевого отверстія можно разсмотрѣть черезъ микроскопъ нѣсколько болѣе сгущенную массу саркоды, отъ которой идутъ во всѣ стороны и по всему тѣлу инфузоріи вѣтвистыя нити; по нимъ, по всей вѣроятности, и происходитъ движеніе питательныхъ веществъ, въ которыя превращается принятая пища.

Микроскопъ не далъ возможности открыть въ этомъ, столь упрощенномъ, организмѣ никакихъ слѣдовъ особаго органа, выдѣляющаго свѣтъ. Приходится думать, что свойствомъ свѣтлостности обладаетъ все тѣло ноктилуки, или, по крайней мѣрѣ, вся масса наполняющей его саркоды. Способность самосвѣченія ноктилуки была впервые распознана французскимъ врачомъ Гюрдрэ въ Гаврѣ. Ноктилуки въ бурную погоду опускаются подъ воду тѣмъ глубже, чѣмъ больше возмущена вода; онѣ вообще держатся на той глубинѣ, куда не доходитъ движеніе воды, гдѣ спокойно. Но въ тихую погоду инфузоріи охотно поднимаются на поверхность, обычно въ безчисленномъ количествѣ. Гдѣ ноктилука встрѣчается, тамъ она водится всегда въ несмѣтномъ числѣ. Днемъ ея свѣтъ, конечно, забивается солнечнымъ свѣтомъ; днемъ видно только, что морская вода превратилась въ какую-то кашу блѣдно-краснаго цвѣта; по этому окрашиванію моря сейчасъ же можно заключить о томъ, что въ томъ мѣстѣ водятся ноктилуки. Ночью же въ тихую погоду эти красныя днемъ волны загораются чуднымъ фосфорическимъ свѣтомъ.

Животныя-свѣтоносцы въ гораздо болѣе многочисленныхъ и разнообразныхъ формахъ встрѣчаются на значительной глубинѣ, чѣмъ на поверхности океана. Да это и понятно. Вода задерживаетъ, поглощаетъ свѣтъ, и солнечный лучъ, проникая въ ея толщу, мало-по-малу потухаетъ. На глубинѣ 300 сажень царитъ вѣчная, ненарушимая ночь. Между тѣмъ эти глубины и еще гораздо болѣе значительныя густо и разнообразно заселены. Тамъ вѣчная ночь, но не пустыня. И для тѣхъ, кто тамъ живетъ, необходимъ свѣтъ, чтобы распознавать свою добычу и своего врага. Поэтому-то въ глубокихъ слояхъ моря встрѣчается много породъ рыбъ, обладающихъ органами свѣченія. У однихъ эти органы на головѣ, у другихъ на бокахъ, на спинѣ, на хвостѣ; одни обладаютъ единственнымъ или двумя-тремя свѣточами, какъ локомотивы, другія сплошь ими усыяны. Эти свѣточки горятъ всеми цвѣтами радуги. У однихъ они постоянны, неугасимы; у другихъ, по произволу хозяина, вспыхиваютъ и потухаютъ. Назначеніе этихъ свѣточей часто остается непостижимымъ. Свѣточки на головѣ, на передней части тѣла еще понятны:—они освѣщаютъ путь, врага, добычу, встрѣчныя препятствія. Но зачѣмъ свѣточъ въ задней части тѣла, если его нѣтъ спереди? Загадка, которая пока еще не поддавалась разрѣшенію. А между тѣмъ не представляется возможности ближе изслѣдовать эти свѣтоносныя свойства существъ, обитающихъ на значительной глубинѣ, потому что, какъ только ихъ поднимаютъ изъ воды, поставятъ въ совершенно имъ несвойственныя условія обычнаго атмосфернаго давленія, ихъ свѣтоносность тотчасъ прекращается.

Свѣтоносность, конечно, особенное, разительное свойство морскихъ обитателей, но не менѣе, чѣмъ она, насъ поражаютъ и удивительное разнообразіе, причудливость и несравненное изящество ихъ формъ. Знаменитый нѣмецкій натуралистъ Геккель посвятилъ этому предмету превосходную, роскошно иллюстрированную, книгу, переведенную и на русскій языкъ („Kunstformen der Natur“, въ русск. переводѣ „Красота формъ въ природѣ“), въ которой художественныя чудеса природы собраны въ большомъ изобиліи.

Вотъ, напр., двѣ формы такъ называемыхъ радіоларій (см. рис.). Обѣ значительно увеличенныя, потому что большинство этихъ инфузорій не выходитъ изъ предѣловъ микроскопическихъ раз-

мѣровъ. Радіоларіи представляютъ собою комочки той же саркоды, изъ которой состоятъ и ноктилуки. Внутри этой массы можно разсмотрѣть какіе-то пузырьки, капельки, похожія на жиръ, и твердыя ядрышки, какія бывають во всѣхъ почти кѣлочкахъ. Снаружи часто виднѣются отростки, лучи, ножки, которыми животное прикрѣпляется. Главная особенность радіоларій состоитъ въ томъ, что они сооружаютъ себѣ твердую кремнистую оболочку, которая и отличается удивительнымъ изяществомъ и разнообразіемъ формъ.

Затѣмъ, какъ ни мало это покажется вѣроятнымъ, необычайная красоты формъ таятъ въ губкахъ. Но тутъ необходимо оговориться, что породы губокъ очень разнообразны. Есть, между прочимъ, два отряда губокъ, снабженныхъ известковыми и кремневыми основами своихъ тканей. Интересны уже сами по себѣ тѣ частички, изъ которыхъ состоятъ эти основы. Конечно, онѣ такъ миниатюрны, что ихъ можно видѣть во всей прелести только въ микроскопъ. Эти частички чаще всего имѣютъ видъ прелестныхъ якорьковъ, стрѣлочекъ, звѣздочекъ. Въ кремнистыхъ или стекловидныхъ губкахъ частички тканей обладаютъ особенно причудливыми формами—звѣздочекъ, елочекъ, булабочекъ и сплетеній стекловидныхъ палочекъ въ видѣ геометрическихъ фигурокъ, напр., октаэдровъ. Образцомъ изящнѣйшей кремневой губки можетъ служить *Euplectella aspergillum*, представляющая собою удивительное кружево изъ тончайшихъ стеклянныхъ нитей.

Чрезвычайно изящны также нѣкоторые морскіе слизняки. Представленный на рисункѣ слизнякъ относится къ числу мельчайшихъ изъ доступныхъ невооруженному глазу насельниковъ моря. Величина этого существа не превышаетъ полусантиметра. Этотъ слизнякъ совершенно прозраченъ и обладаетъ свѣтло-желтою окраскою, съ яркими оливково-зелеными полосками. Онъ живетъ на гладкихъ лужайкахъ морского дна, и его внѣшность до такой степени обманчива, что его гораздо охотнѣе примешь за растение, чѣмъ за животное.

Этотъ фактъ приспособленія своей внѣшности къ чужой, вѣроятно, въ интересахъ самозащиты, вводитъ насъ въ любопытную область тѣхъ безчисленныхъ приѣмовъ и уловокъ, которыя разработаны въ животномъ мірѣ, какъ средства борьбы за существованіе.

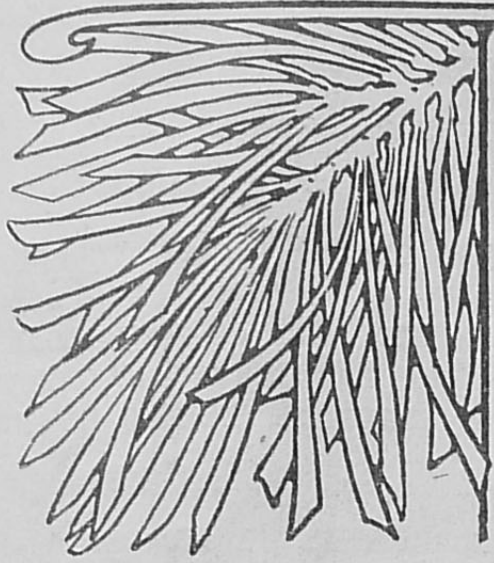
Вотъ, на примѣръ, ракъ-отшельникъ, и на его жилищѣ домъ-раковинѣ—существо изъ рода актиній, такъ называемый морской анемонъ. Казалось бы, что общаго между этими твореніями? А между тѣмъ между ними заключенъ прочный наступательный и оборонительный союзъ. Ракъ-отшельникъ страдаетъ очень печальнымъ тѣлеснымъ изъяномъ: скорлупа у него чрезвычайно нѣжная, почти не представляющая никакого сопротивленія при нападеніи. Это и побуждаетъ его, во-первыхъ, постоянно ютиться подъ защитою пустой раковины, а во-вторыхъ, въ качествѣ охраны держать около себя эту актинію. Эта изящная бабочка такъ постоянно и зиждется на кровлѣ его жилища-раковины. Вся верхушка морского анемона, какъ видно на рисункѣ, покрыта щупальцами, которыми онъ хватается добычу; эти щупальцы выдѣляютъ очень ѣдкій, жгучій сокъ; всякое живое существо, прикоснувшееся къ этимъ щупальцамъ, мгновенно отскакиваетъ и улепетываетъ безъ оглядки, а въ томъ числѣ и всѣ враги рака, такъ что актинія и является, какъ мы выразились, настоящею его охраною. Ракъ такъ хорошо сознаетъ роль и значеніе этого творенія въ своей жизни, что когда ему случается перемѣнить свою раковину, то онъ клешнями срѣзаетъ съ нея актинію и пересаживаетъ ее на новую раковину, избранную жильемъ. Нельзя сказать, чтобы и актинія не извлекала никакой пользы изъ этого сожительства съ обитателемъ раковины. Сама она—существо неподвижное и должна довольствоваться лишь тою добычею, которая къ ней приблизится. Вступивъ же въ союзъ съ отшельникомъ, она вмѣстѣ съ нимъ странствуетъ и пользуется гораздо болѣе широкимъ поприщемъ охоты.

Очень любопытенъ приѣмъ самообороны, примѣняемый рыбою фахакомъ (*Tetradon fabaca*), комическая физиономія которой представлена на нашемъ рисункѣ. Эта рыба водится по побережью сѣверной половины Африки и входитъ часто въ Ниль, гдѣ служитъ обычной игрушкой арабскихъ ребятишекъ—мячикомъ. Фахакъ снабженъ громаднымъ резервуаромъ, который тянется у него подъ грудью и чревомъ и можетъ быть плотно надутъ воздухомъ, заглатываемымъ рыбою. Она прибѣгаетъ къ этому приѣму при угрожающемъ нападеніи враговъ. Быстро надувшись, превратившись почти въ колобъ, фахакъ перевертывается на спину и спокойно колышется на волнахъ. На его кожѣ, крѣпко натянувшейся отъ растяженія заглоченнымъ воздухомъ, выступаютъ колючіе шипы, прикосновеніе къ которымъ живо обезкураживаетъ самыхъ настойчивыхъ и предприимчивыхъ враговъ. Если фахака вынуть изъ воды въ то время, какъ онъ еще не почувалъ никакой опасности и остается въ нормальномъ состояніи, то онъ тотчасъ начинаетъ испускать клокочущіе звуки, напоминающіе бульканье воды, входящей въ горлышко погруженной въ нее пустой склянны; это онъ „надувается“, прибѣгаетъ къ обычному приѣму обороны. Будучи пойманъ и надувшись, онъ уже такъ и не выпускаетъ воздуха изъ своего зоба до самой смерти, да и послѣ смерти остается надутымъ, какъ пузырь. Арабчата этими пузырями и играютъ, какъ мячиками.

Такое безобидное на видъ существо, какъ фахакъ, становится страшнымъ, прибѣгая къ своему средству самообороны. Но въ

морѣ мы видимъ и обратныя явленія: — существа, поразительно страшныя на видѣ, оказываются почти безгранично беззащитными. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить крабъ—„морской паукъ“, водящійся у береговъ Японіи. О его размѣрахъ и чудовищномъ видѣ легко судить по нашему рисунку, гдѣ онъ представленъ рядомъ съ человѣкомъ. Это злополучное чудище можетъ

двигаться только въ совершенно тихой, стоячей водѣ; тутъ его еще кое-какъ носить его длинныя лапы. Но при малѣйшемъ волненіи онъ становится вполне беззащитнымъ; легчайшее движеніе воды сбиваетъ его съ ногъ; онъ безпомощно машетъ ими, а вода несетъ его, какъ неодушевленный предметъ.

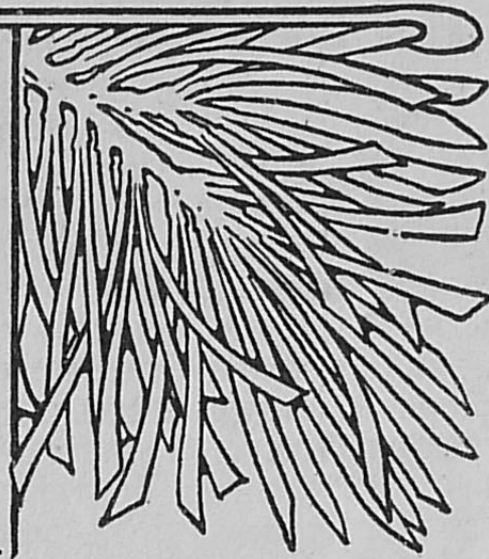

Сынъ Двѣнадцатаго года.

(Изъ мемуаровъ изгнанника).

Разсказъ. С. Свириденко.

Перепечатка воспрещается.

Я родился въ 1813 году. Надъ моею колыбелью смолкали послѣдніе раскаты отзвучавшихъ громовъ Отечественной войны; но въ ту пору я ихъ не слышалъ...

У меня было спокойное, счастливое дѣтство въ роскошномъ барскомъ имѣніи, гдѣ въ теченіе первыхъ восьми годовъ моей жизни безвыѣздно жила зиму и лѣто моя мать — молодая, красивая, рано овдовѣвшая женщина. Отца я никогда не видѣлъ: онъ былъ убитъ во время наполеоновскаго вторженія, незадолго до моего появленія на свѣтъ. О самой войнѣ я почти ничего не зналъ въ мои первые годы. Конечно, изъ тогдашнихъ разговоровъ окружающихъ я могъ узнать многое. Но въ маленькой, кудластой черной головкѣ веселаго карапуза, какимъ я былъ, не удерживались картины военныхъ бѣдствій, — да меня, вѣроятно, и старались оберегать отъ ужаса такихъ картинъ. Мнѣ война тогда рисовалась скорѣе чѣмъ-то привлекательнымъ: занимательнымъ временемъ, когда повсюду скачутъ на лошадяхъ красивые солдатики въ мундирахъ съ блестящими саблями, когда вездѣ бьютъ барабаны и играютъ трубы... Национальныя чувства въ то время вовсе не проявлялись. Я слышалъ много разъ, что врагами нашими были французы, но для меня слово „враги“ имѣло приблизительно такое же значеніе, какъ подраздѣленіе въ игрѣ: одни — „казаки“, другіе — „разбойники“... До восьмилѣтняго возраста простительно не быть освѣдомленнымъ о кровавой серьезности въ играхъ міровой исторіи. Патріотической вражды къ французамъ я не могъ ощущать уже потому, что самъ росъ наполовину французомъ. Французскій языкъ господствовалъ у насъ въ домѣ, какъ и во многихъ помѣщичьихъ семействахъ того времени. Даже камердинеръ покойнаго отца и старшая горничная — оба изъ крѣпостныхъ — могли почти гладко объясняться по-французски. У меня даже была бонна француженка, mademoiselle Suzanne, которую я называлъ „mademoiselle Zanne“ и очень любилъ.

Французомъ оказался и первый мой близкій пріятель — Поль, десятилѣтній сынъ французскаго коммерсанта въ Москвѣ, куда мать переѣхала со мною въ 1821 году.

Въ Москвѣ и случилось со мною то странное, о чемъ я хочу разсказать. Не знаю, какъ мнѣ слѣдуетъ назвать то, что было. Назвать событіемъ — дѣйствительнымъ, реальнымъ событіемъ — не рѣшаюсь. Но каждый разъ, какъ мнѣ говорятъ, что это былъ „просто сонъ“, — я невольно думаю, что такой сонъ былъ бы гораздо невѣроятнѣе дѣйствительности.

Какъ бы то ни было, это произошло ночью, весной 1821 года, вскорѣ послѣ нашего переѣзда въ Москву...

Какъ разъ въ предшествующее утро я познакомился съ маленькимъ Полемъ. Умнаго, веселаго мальчика привезли ко мнѣ, чтобы подбодрить меня, приунывашаго деревенскаго барчука, растерявашагося и скучавшаго въ непривычной городской обстановкѣ. Мы быстро сдружились, и я сталъ разсказывать Полю о милой деревнѣ, а также дѣлиться съ нимъ моими новыми горестями. Въ Москвѣ мы поселились въ огромномъ, неудобномъ старомъ домѣ. Безконечно пустая, еще неотдѣланная, зала въ два свѣта отдѣляла мою дѣтскую отъ маминой комнаты; и я жаловался, что иногда не могу позвать къ себѣ маму, которая, вдовомъ, стала часто уѣзжать въ гости по вечерамъ. Въ деревнѣ моя комната была рядомъ съ маминой... Теперь въ комнатѣ рядомъ съ моею жила mademoiselle Zanne; и хотя я любилъ ее, но это было не то, что мама...

— А моя мама умерла, когда я былъ совсѣмъ маленькимъ, — сказалъ Поль.

— Мой папа тоже умеръ, — замѣтилъ я.

Поль сталъ мнѣ разсказывать про своего отца, который его горячо любилъ и баловалъ...

— Когда я боюсь ночью, или у меня болитъ что-нибудь, — скажутъ онъ, между прочимъ: — я всегда зову его, черезъ всю квартиру: Père! Père!.. (Разговоръ нашъ происходилъ, конечно, по-французски).

— И твой папа всегда приходитъ?

— Всегда!.. Иногда онъ не сразу слышитъ черезъ другія комнаты; но я кричу еще и еще; въ концѣ концовъ онъ всегда приходитъ — въ синемъ халатѣ, съ лампой въ рукѣ, такой веселый и ласковый всегда...

Слова мальчика произвели на меня почему-то сильное впечатлѣніе. Въ глубинѣ своего осиротѣлаго сердечка я безсознательно позавидовалъ такому благополучію. Мнѣ яено представился этотъ веселый ласковый папа моего товарища, являвшійся среди ночи, какъ добрый волшебникъ, на зовъ, съ яркой, свѣтлой лампой въ рукѣ...

Потомъ мы стали играть съ Полемъ, и я позабылъ о нашемъ разговорѣ. Мальчика привели къ намъ на весь день; и подъ конецъ мы такъ расшалились, столько возились и бѣгали, что къ вечеру оба порядкомъ устали. Въ особенности я — почувствовалъ сразу какую-то неопредѣленную слабость и сонливость, такъ что бонна поспѣшила уложить меня въ постель.

Вопреки ожиданію, я долго не могъ заснуть; а послѣ того, какъ наконецъ заснулъ — вскорѣ очнулся, снова съ ощущеніемъ усталости и слабости. Я задремалъ опять и опять проснулся, при чемъ и сонъ мой былъ какой-то необычный. Иногда бываетъ странное состояніе (я зналъ когда-то научное слово, какимъ оно обозначается), гдѣ грезы смѣшиваются съ явью: мысли странно перемежаются и путаются, между воспоминаніями пережитаго дня всплываютъ обрывки напѣвовъ или строки заученныхъ стиховъ, мелькаютъ знакомыя и незнакомыя лица, собственные поступки и слова сплетаются съ чужими, — и слабѣющее сознаніе тщетно силится управлять этой духовной путаницей...

Въ такомъ состояніи находился я въ ту памятную ночь, то погружаясь въ дремоту, то снова приходя въ себя; я терялся между дѣйствительностью и сновидѣніями, въ которыхъ мои деревенскія воспоминанія смѣшивались съ событіями истекшаго дня, съ разсказами Поля, съ впечатлѣніями знакомыхъ дѣтскихъ книжекъ...

Внезапно, точно отъ толчка, я проснулся совсѣмъ, чувствуя тупую боль въ головѣ и страшную жажду. Я сталъ звать:

— Ma bonne! Mademoiselle Zanne!

Но отвѣта не было. Прокричавъ напрасно еще нѣсколько разъ, я рѣшилъ встать и пойти въ сосѣднюю комнату. Покосившись на запертыя двери и на успокоительныя лучи лампадки передъ образомъ, я живо пробѣжалъ босикомъ въ комнату бонны и приблизился къ ея постели. Но какъ же я испугался, когда увидѣлъ, что на постели никого нѣтъ!..

Какъ оказалось, француженка рѣшила воспользоваться отсутствіемъ моей матери; зная, что та вернется съ бала очень поздно, и привыкнувъ къ тому, что я никогда не зову по ночамъ, — добрѣйшая Zanne засидѣлась у столичныхъ знакомыхъ...

Боже, до чего я испугался! Вѣдь еще за минуту для меня было несомнѣннѣйшею истиной, что здѣсь, на этой постели, долженъ находиться живой, дышащій человѣкъ, любящій меня, заботящійся обо мнѣ. И вдругъ никого! Я оказывался одинъ въ этой комнатѣ, одинъ во всемъ флигелѣ, за громадной пустой залой!.. Въ первую минуту я отъ страха не могъ двинуться. Затѣмъ кинулся обратно въ дѣтскую...

Тутъ меня ожидалъ еще худшій испугъ. Мнѣ показалось, что лампадка тускло горитъ. Дрожа при мысли, что она можетъ погаснуть, я сталъ поправлять свѣтильню — и по неловкости дѣйствительно потушилъ ее. Темнота мгновенно окружила меня, — темнота, страшная для большинства дѣтей, а въ это мгновеніе вдвойнѣ ужасная для меня, такъ какъ я оказывался одинъ-одинешенекъ среди мрака.

Не помню, какъ я добрался до своей кровати. Попавъ наконецъ подъ одеяло, я присѣлъ на корточки, какъ перетрусившій звѣрекъ, и началъ громко кричать.

И тутъ случилось нѣчто странное. Я звалъ — но не mademoiselle Zanne и не маму... Я звалъ такъ, какъ маленькій Поль, разсказъ котораго врѣзался мнѣ въ голову:

— Père! Père!

Что я кричалъ по-французски, это было естественно,—я уже говорилъ, что мнѣ этотъ языкъ былъ привычнѣе русскаго. Но почему я звалъ отца, котораго никогда не видѣлъ и считалъ умершимъ (хотя смерть представлялась мнѣ въ ту пору чѣмъ-то въ родѣ далекаго путешествія)?.. Очевидно, это было вліяніе разговоровъ съ маленькимъ французомъ. Но страннѣе всего, что я рассчитывалъ быть услышаннымъ.

— Отецъ! Отецъ!

Я звалъ настойчиво; я ожидалъ, что тотъ, кого я зову, долженъ прійти, какъ только услышитъ меня... откуда?—надъ этимъ я не задумывался.

— Отецъ!.. отецъ!.. отецъ!..

Мой голосъ ослабѣлъ; я охрипъ, и все-таки я не переставалъ звать. Чѣмъ больше я звалъ, тѣмъ сильнѣе была увѣренность, что онъ придетъ. Я жадно прислушивался, не отворятся ли дверь, не скрипитъ ли полъ подъ мужскими шагами?.. И наконецъ—дѣйствительно послышались шаги. Они зазвучали не съ той стороны, откуда я ихъ ждалъ—не по коридору, но по залу,—по громадной пустой залу, гдѣ они отдавались гулко и странно. Это были увѣренные, быстрые, твердые шаги, стремительно приближавшіеся. „Найдетъ ли онъ дверь?“—озабоченно подумалъ я, вспомнивъ, что эта дверь, изъ залы въ дѣтскую, была заклеена и не отворялась. Еще разъ я закричалъ громко, изо всѣхъ силъ:

— Отецъ!

Онъ нашель дверь сразу. Я услышалъ, какъ онъ дернулъ за ручку. Бумага затрещала, разрываясь. Сильная рука дернула за дверь, еще разъ—и обѣ половинки отворились, гулко щелкнувъ. Слабый, едва замѣтный свѣтъ проникъ изъ залы въ комнату; я еле могъ различить невысокую фигуру, неподвижно остановившуюся на порогѣ. Но я уже зналъ, что это онъ; и послѣдніе остатки страха покинули меня, когда негромкій, ласково-серьезный голосъ отрывисто спросилъ:

— Où es-tu, petit?

Онъ произносилъ французскія слова иначе, чѣмъ мама и моя бонна. И эта манера произносить казалась мнѣ откуда-то знакомой.

— Здѣсь... я здѣсь, отецъ! — радостно отозвался я, приподнимаясь съ кровати.

Онъ быстро подошелъ на голосъ. Въ слѣдующее мгновенье небольшая, твердая и горячая рука легла на мое плечо.

— А, вотъ ты гдѣ, мой мальчикъ, — услышалъ я уже надъ собой его голосъ.—Ну, хорошо.

Было такъ темно, что я теперь не видѣлъ его. Но я обѣими руками уцѣпился за его рукавъ изъ толстаго сукна, какъ-будто слегка влажнаго, какъ это бываетъ отъ росы, — и потянулъ его къ себѣ. Онъ присѣлъ на край постели и наклонился надо мной. Его губы какъ-то сразу нашли мой лобъ, и онъ поцѣловалъ меня быстро и крѣпко, нѣсколько разъ подъ рядъ. Отъ этой ласки у меня захватило духъ, и горячая, острая радость сжала сердце; мнѣ хотѣлось разрыдаться, и мои губы уже тряслись, а глаза часто замигали въ темнотѣ—но онъ замѣтилъ это и быстро проговорилъ слегка дрогнувшимъ голосомъ, словно борясь съ собственнымъ волненіемъ:

— Ну, ладно, ладно; мальчики развѣ плачутъ?

Я удержался отъ слезъ и, совсѣмъ расхрабрившись, поцѣловалъ его самъ. Мои дрожащія губы почувствовали твердый бритый подбородокъ и край упругой, немного пухлой, щеки.

— Я не плачу! — сказалъ я съ гордостью девятилѣтняго мужчины.

— И отлично,—отрывисто проговорилъ онъ, при этомъ быстро и крѣпко погладивъ меня по головѣ. — А теперь скажи, что съ тобой случилось тогда, когда ты звалъ?

Я рассказалъ ему все — мое тревожное пробужденіе, исчезновеніе Заппе, мой испугъ. Когда я договорилъ, онъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы собираясь встать; но я храбро уцѣпился за него и торопливо попросилъ:

— Не уходи!

— Я хотѣлъ тебѣ принести напитокъ, — сказалъ онъ мягко: — вѣдь ты же пить хотѣлъ.

Я и позабылъ объ этомъ!.. Послѣ его словъ я притянулъ его руку къ своему лицу, прижался къ ней щекой и прошепталъ едва внятно — съ тою стыдливою робостью, какая часто овладѣваетъ дѣтьми, когда имъ приходится высказывать свои задушевные чувства:

— Я такъ радъ, что ты тутъ... такъ радъ, что мнѣ и пить перестало хотѣться!

Онъ потрепалъ меня по щекѣ. До сихъ поръ никто никогда не ласкалъ меня такимъ образомъ; а между тѣмъ мнѣ это грубоватое быстрое движеніе показалось знакомымъ и милымъ. И все въ немъ было мнѣ знакомо и мило, — въ этомъ полномъ, невысокомъ чловѣкѣ съ отрывисто-ласковымъ говоромъ, съ маленькими, сильными и горячими руками. Я продолжалъ не различать его въ темнотѣ, но это меня не смущало: мнѣ показалось, что я уже знаю и его бритое, нѣсколько пухлое лицо, и коротко остриженную голову, и каждую складку его толстаго суконнаго сюртука... Это былъ отецъ,—конечно же, я зналъ его.

Но онъ вдругъ спросилъ:

— Я и не знаю, мальчуганъ... какіе у тебя волосы?

— Черные, — отвѣтилъ я весело.

— А глаза?

— Сѣрые.

— Значить, и волосы и глаза мои, — произнесъ онъ вполголоса, точно про себя.

Я не утерпѣлъ и замѣтилъ:

— Вѣдь у мамы тоже сѣрые глаза!

— У твоей мамы? — переспросилъ онъ быстро.

— Ну, да.

— Сѣрые глаза?—произнесъ онъ въ раздумьѣ.

Я засмѣялся и спросилъ:

— Развѣ ты не зналъ этого?

— Сѣрые глаза... — повторилъ онъ тише. Потомъ, совершенно другимъ тономъ, тономъ приказанія, обратился ко мнѣ:—Расскажи мнѣ, какая твоя мама на видѣ. Я много лѣтъ ее не видѣлъ.

Медленно, съ ребяческою серьезностью, я сталъ описывать наружность матери, добросовѣстно стараясь ничего не пропустить:

— Мама высокая, красивая, она носитъ большіе каблукі. У нея бѣлыя-бѣлыя руки и много колець на правой рукѣ. И голубыя сережки въ ушахъ. А возлѣ уха на шеѣ—большая темная родинка. Я цѣлую маму въ эту родинку... Волосы у нея каштановые, длинныя-длинныя... Спереди она еще привязываетъ букли, —но ея волосы я больше люблю. Мама очень хорошо поетъ, у нея голосъ звонкій, точно колокольчикъ.

Мой собесѣдникъ слушалъ внимательно, слегка наклонившись ко мнѣ. Раза два онъ слегка двинулся—точно собираясь прервать меня вопросомъ или возраженіемъ... Когда я кончилъ, онъ долго молчалъ, потомъ проронилъ медленно, словно про себя:

— Такъ вотъ что...

Потомъ онъ вдругъ быстро заговорилъ, и мнѣ показалось, что его голосъ слегка дрожитъ:

— Слушай, мальчикъ. Ты не помнишь... не было у тебя... не видѣлъ ты раньше—когда ты былъ совсѣмъ маленькимъ,—красивую добрую даму... тетю, добрую тетю: маленькую, худенькую, съ свѣтлыми волосами... съ волосами, похожими на золото... и съ большими-большими черными глазами? Не помнишь?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я удивленно.

— Подумай хорошенько, вспомни!.. — настойчиво прошепталъ онъ:—красивая, добрая тетя съ золотыми волосами... съ черными глазами...

— Не знаю...

— У нея еще было голубое платье съ чернымъ бархатнымъ поясомъ...

— Ахъ!—воскликнулъ я, вдругъ вспоминая:—эта тетя нарисована у мамы въ комнатѣ.

— Нарисована?

— Да. У мамы, на стѣнѣ, въ круглой золотой рамкѣ. У нея добрые черные глаза... да, да—и золотые волосы. И голубое платье съ чернымъ поясомъ; а въ рукахъ цвѣты... Только я никогда не видѣлъ ея на самомъ дѣлѣ. Она умерла. Мама говоритъ, что это моя крестная, что я долженъ любить ее и молиться за нее Богу.

Опять наступило молчаніе. Нѣсколько мгновений спустя, тихій серьезный голосъ произнесъ надо мной въ темнотѣ:

— Да, мой мальчикъ, ты долженъ любить ее и молиться и за нее.

— Я молюсь каждый вечеръ,—сказалъ я:—за маму, за папу и за нее.

— И за папу? — переспросилъ онъ ласково.

— Конечно! — нѣсколько обиженно отвѣтилъ я, подумавъ, что онъ сомнѣвается.—Мама меня такъ научила.

— Ну, хорошо, хорошо... ты славный мальчикъ.

Онъ опять потрепалъ меня по головѣ.

— Что, мама не укладываетъ тебя спать по вечерамъ?—спросилъ онъ, немного погодя.

— Конечно, нѣтъ!—рѣшительно отвѣтилъ я:—вѣдь я же большой.

— Ахъ, да, правда,—усмѣхнулся онъ.

— Теперь мама приходитъ ко мнѣ только прощаться по вечерамъ...—пояснилъ я:—а раньше она долго сидѣла и иногда рассказывала сказки...

— А хочешь, я расскажу тебѣ сказку?

Кому-нибудь другому я, разумѣется, отвѣтилъ бы, что сказки любятъ только маленькія дѣти, но тутъ я радостно воскликнулъ:

— Расскажи, расскажи!

Снова помолчавъ немного, онъ произнесъ:

— Я расскажу тебѣ сказку *О чловѣкѣ, которому служили бури*.

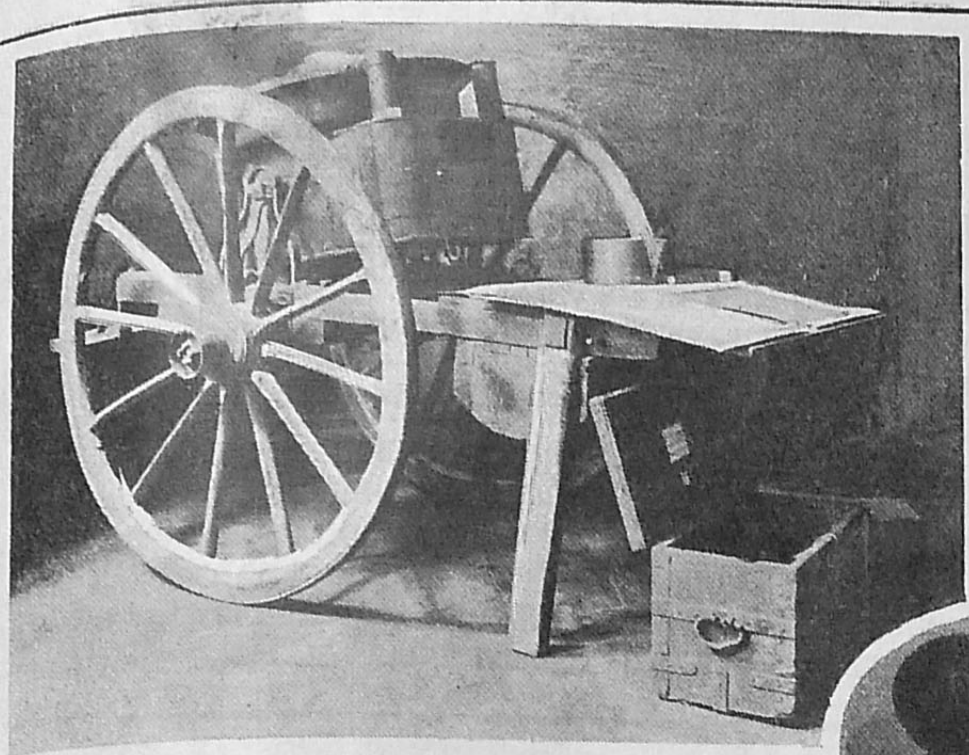
— Это страшная сказка?—съ любопытствомъ спросилъ я.

— А ты боишься?

— Я ничего не боюсь, когда ты тутъ!.. Только дай мнѣ руку.—Я крѣпко забралъ эту руку обѣими своими ручонками, притянулъ ее на изголовье и прижался къ ней щекой. — Ну, рассказывай.

Не думаю, чтобы я въ ту ночь могъ запомнить въ точности слова сказки; но я передамъ ее такъ, какъ она запечатлѣлась въ моемъ сознаніи навсегда...

(Продолженіе слѣдуетъ).

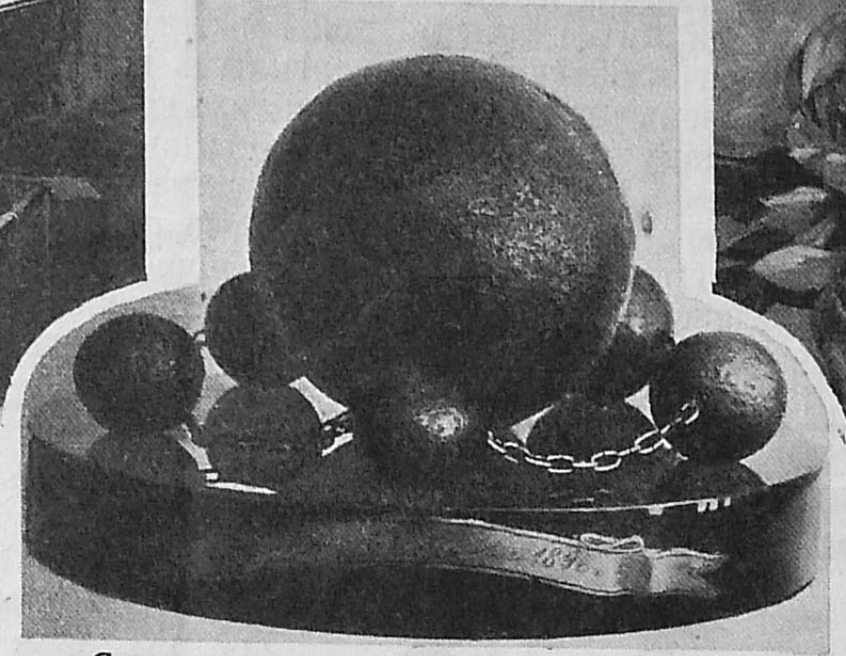

Походная кухня Наполеона.

1812

Маска Наполеона.

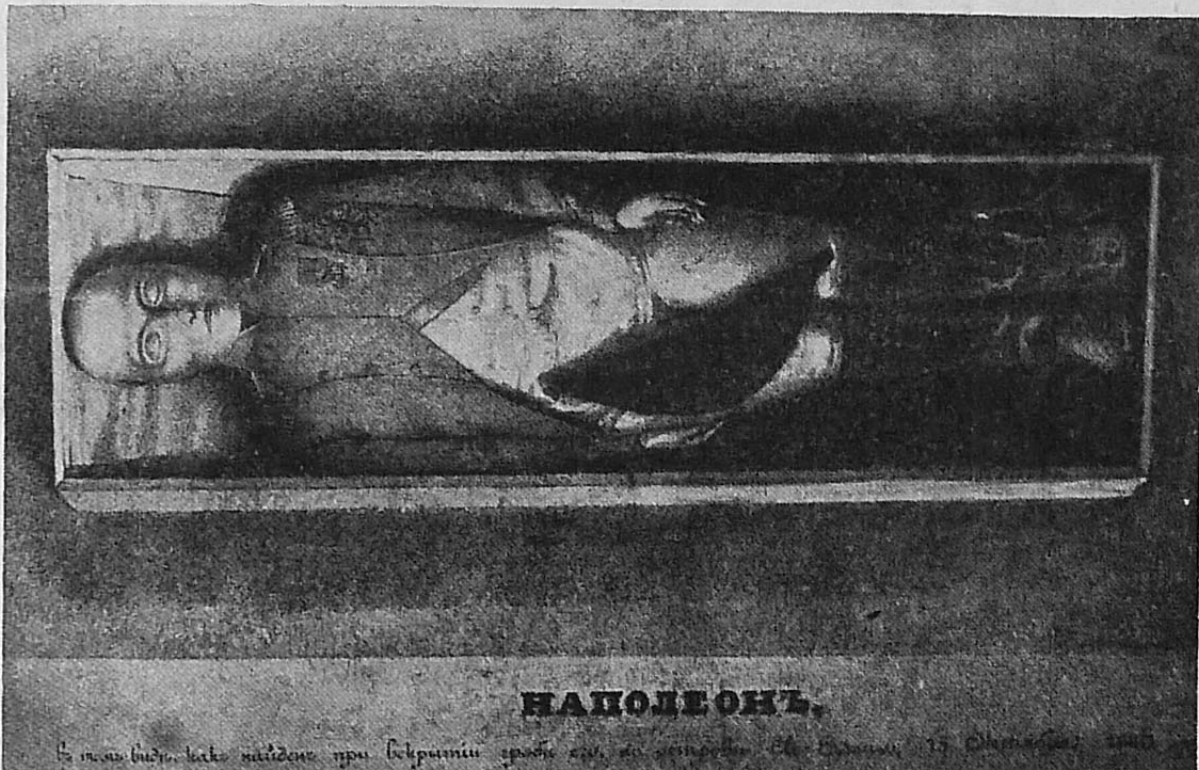
Ядро и пули съ Бородинского поля.

Походная кровать Наполеона.

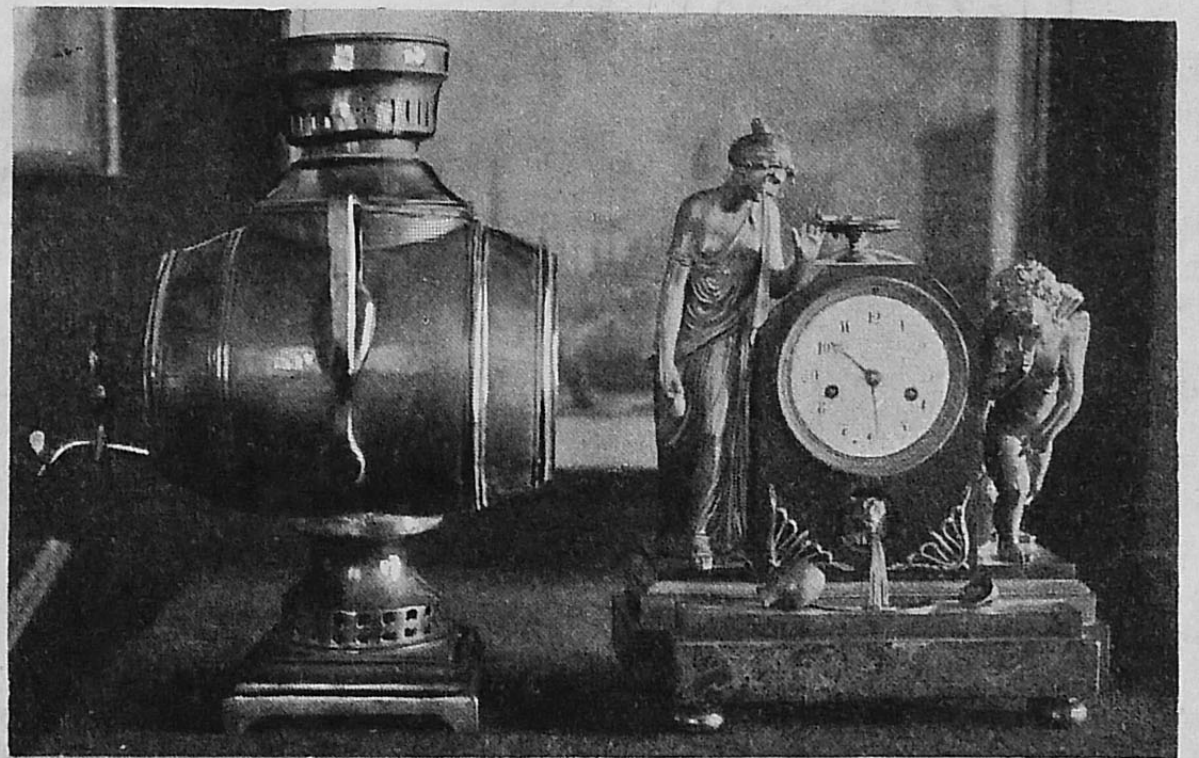

Походная кровать Императора Александра I.

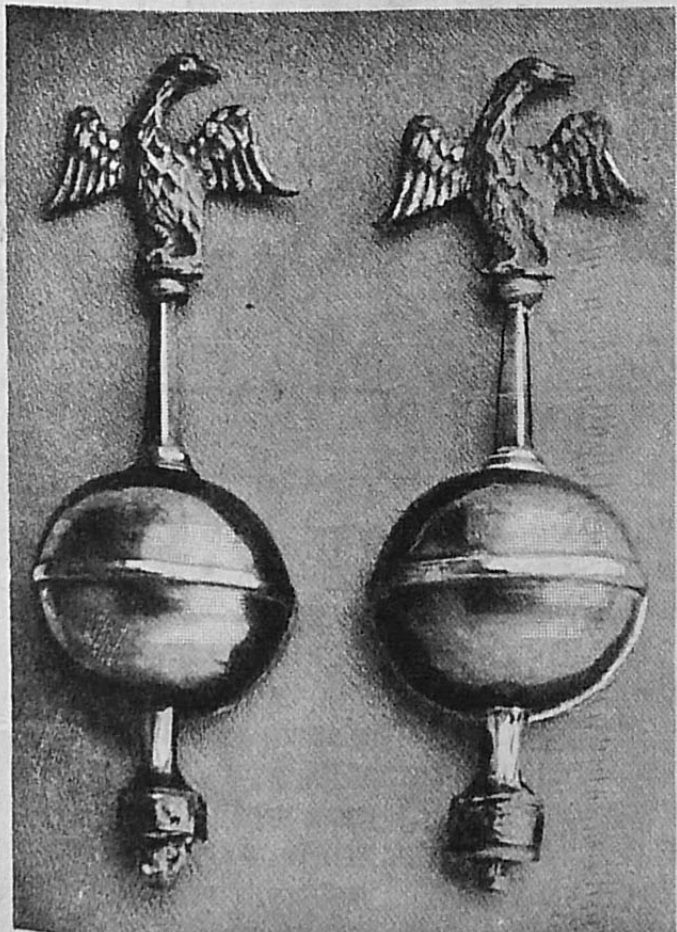

НАПОЛЕОНЪ.

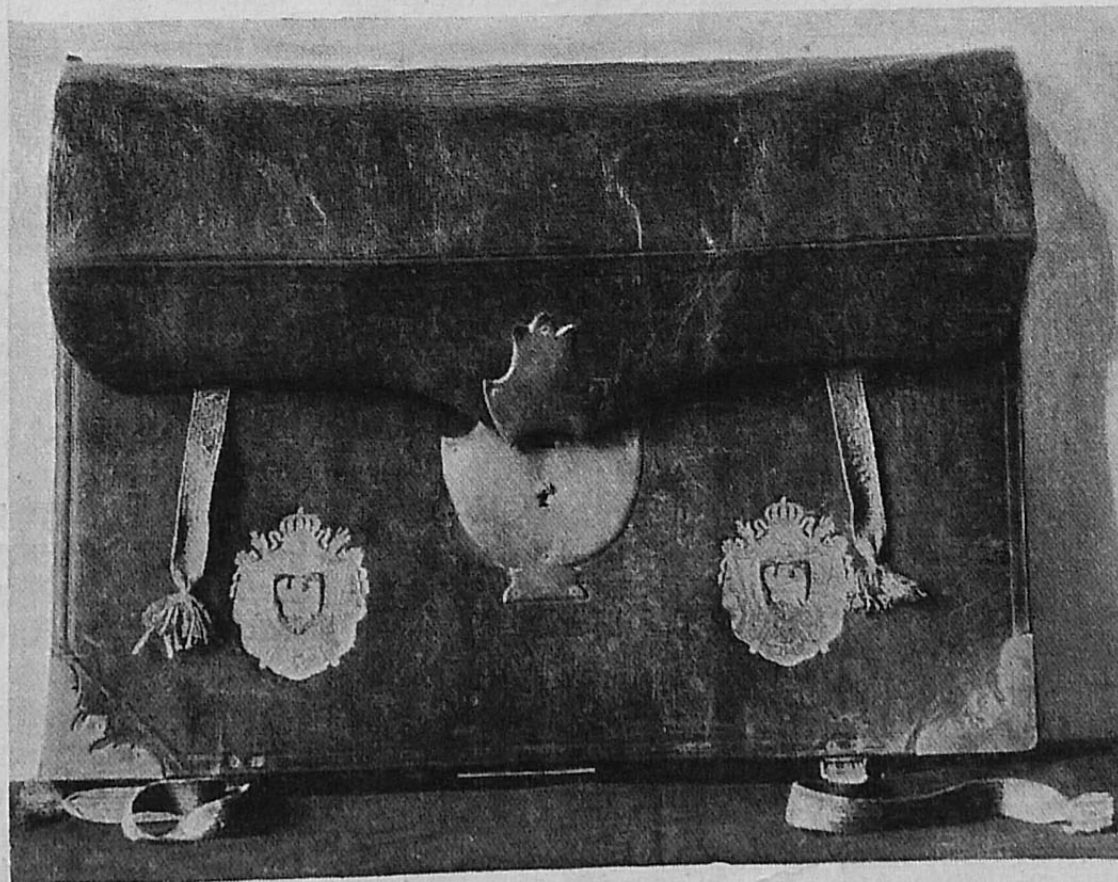
Наполеонъ, въ томъ видѣ, какъ найденъ при вскрытiи гроба его, на островѣ Св. Елены, 13 октября 1840 г.

Самоваръ и часы Кутузова.

Орлы съ французскихъ значковъ, отобранныхъ при переправѣ черезъ Березину.

Портфель Наполеона.

Парадный мундиръ л.-гв. артиллерійской бригады, принадлежавшій Александру I.

Выставка въ память Отечественной войны 1812 г. въ Москвѣ.

Начало балканской драмы.

(Политическое обозрѣніе).

Въ ту минуту, когда пишутся эти строки, четыре маленькихъ балканскихъ государства заключили между собою союзъ и произвели общую мобилизацію, а въ ту минуту, когда эти же самыя строки попадутъ на глаза читателю, быть-можетъ. Балканскій полуостровъ будетъ уже со всѣхъ концовъ охваченъ огнемъ и орошенъ цѣлыми морями крови. Событія идутъ такъ быстро и такъ неожиданно развертываются въ міровыя драмы. Еще вчера, казалось, такъ легко было предотвратить кровавую развязку балканскаго спора. Какія ультимативныя требованія ставятъ Турціи поднявшія противъ нея оружія маленькія христіанскія державы? Онѣ требуютъ только одного—коренной реформы въ управленіи

обязательствъ ни Европа не принудила ее къ ихъ исполненію. Въ теченіе 30 съ лишнимъ лѣтъ все оставалось по-старому. Выработанный при свиданіи императоровъ планъ дальнѣйшаго расширенія правъ европейской жандармеріи въ христіанскихъ провинціяхъ Турціи былъ отложенъ въ виду установленія турецкой конституціи, провозгласившей гражданское полноправіе покоренныхъ народностей. Положившись на либеральные посулы турецкихъ конституціоналистовъ, Европа вызвала своихъ офицеровъ изъ христіанскихъ вилайетовъ, но разразившіяся велѣдъ за этимъ, массовыя избіенія армянъ, сербовъ и македонцевъ заставили убѣдиться, что и послѣ провозглашенія конституціи турки не измѣнили своихъ порядковъ. Кровавыя побоища никакъ не отозвались въ сердца европейской дипломатіи, они не заставили ее хотя бы даже возстановить только-что отмѣненныя мѣры международ-

Карта Балканскаго полуострова.

европейскими вилайетами, которая поставила бы въ предѣлы терпимаго для ихъ единокровныхъ братьевъ въ Македоніи и старой Сербіи жизнь подъ властью азіатскаго государства, гарантировать личную безопасность и человѣческія права христіанскимъ подданнымъ Турціи и сдѣлать навсегда невозможными повторенія дикихъ массовыхъ избіеній въ родѣ тѣхъ, что произошли въ Кочанахъ. Но вѣдъ объ этомъ же должна была заботиться и стараться сама Турція, если бы она представляла собою культурное европейское государство, объ этомъ наконецъ обязаны заботиться и великія державы Европы, которыя не имѣютъ права передъ лицомъ цивилизаціи терпѣть въ своей семьѣ азіатскаго сочлена и попустительства его изувѣрствамъ на территоріи Европы. Однакоже въ теченіе 32 лѣтъ существованія Берлинскаго трактата, обязавшаго Турцію произвести обѣщанныя реформы, ни сама Турція не осуществила своихъ

наго контроля за пріемами турецкой администраціи. Дипломатія боялась оскорбить національное самолюбіе турокъ малѣйшимъ намекомъ на какое-либо вмѣшательство въ ихъ „внутреннія дѣла“, но любуясь славянская кровь кочанскихъ жертвъ заставила громко и властно заговорить родную кровь во всѣхъ славянскихъ сердцахъ Сербіи, Болгаріи и Черногоріи. По всѣмъ славянскимъ землямъ раздалась возгласы ужаса и твердое, непреклонное требованіе автономнаго самоуправленія христіанскихъ областей Турціи. Или реформа, или война—эта альтернатива становилась совершенно ясной каждому, кто только умѣетъ понимать и чувствовать настроеніе народовъ. Неизбѣжность того или иного исхода не подлежала никакому сомнѣнію. Русское общество надѣялось, что дипломатія успѣетъ предотвратить близко надвинувшуюся опасность войны настоятельнымъ проведеніемъ реформъ, надѣялось съ тѣмъ большимъ правомъ,

что именно въ самый рѣшительный моментъ назрѣвавшего кризиса русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Сазоновъ, предпринялъ поѣздку за границу и велъ конфиденціальныя переговоры съ лордомъ Греемъ въ замкѣ Бальмораль. Если бы державы тройственного согласія дружнымъ дипломатическимъ натискомъ взяли съ Турціи обязательство немедленно ввести автономное управление въ христіанскихъ вилайетахъ и гарантировали ополчившимся славянамъ осуществленіе автономіи, тогда бы даже такое вѣсковое обѣщаніе реформъ могло предотвратить войну. Но вялая, лишенная инициативы, европейская дипломатія пропустила моментъ для властнаго посредническаго вмѣшательства и своею пассивностью развязала руки активнымъ дѣятелямъ Балканъ, толкнула ихъ на войну своею бездѣятельностью. Народамъ, государствамъ и всему человѣчеству приходится иногда дорого оплачивать неспособность лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ дипломатическихъ корпусовъ. Ихъ ошибки и промахи искупаются морями крови и неисчислимыми жертвами цѣлыхъ поколѣній. Напряженное ожиданіе всего міра было обмануто. Когда общество прочитало въ официальныхъ телеграммахъ изъ Бальморалья вмѣсто ожидаемаго совмѣстнаго выступленія по балканскому вопросу формальныя сообщенія о Персіи, когда оно увидѣло, что ничего не сдѣлано въ смыслѣ реформъ,—оно сразу почувствовало близость войны, неминуемой кровавой развязки. Славянскіе народы, доведенные до отчаянія, на одну чашку вѣсовъ бросаютъ свой мечъ, а на другую — все свое будущее. Они понимаютъ страшный рискъ войны съ турками при незащищенномъ отъ Австріи тылѣ, но не видятъ никакого иного исхода. Теперь главная трудность заключается въ томъ, чтобы локализовать войну. Судя по назначенію короля румынскаго Карла фельдмаршаломъ русской арміи, — назначенію, которое было бы невысказаннымъ, если бы предводимая русскимъ фельдмаршаломъ румынская армія ринулась въ тылъ на Болгарію, нейтралитетъ Румыніи можно считать обезпеченнымъ. Австрія, повидимому, тоже не рассчитываетъ занять Бѣлградъ тотчасъ же по уходѣ сербскихъ войскъ на южную границу, предполагая вознаграждать себя за скромность при раздѣлѣ добычи по окончаніи войны. Она не рискуетъ заходить слишкомъ далеко безъ поддержки Германіи, которая не чувствуетъ себя совершенно свободной до подгоняемаго къ веснѣ окончанія первой части судостроительной программы. Вѣроятно, по этимъ соображеніямъ вѣнскія газеты пронизируютъ надъ со-

впавшею съ балканскими событіями мобилизаціею призванныхъ къ участію въ маневрахъ корпусовъ Варшавскаго округа и отлагаютъ полный платежъ по балканскому счету на неопредѣленное время. Пока Австрія не двинетъ своихъ войскъ для занятія Сербіи или Новобазарскаго санджака, нейтралитетъ Россіи тоже можетъ считаться совершенно обезпеченнымъ. Для борьбы съ Турціей ея непосредственная поддержка славянскимъ народамъ не нужна. Рожденные и вскормленные ея покровительствомъ, они успѣли подрасти, стали на свои ноги и готовы помѣряться силами съ вѣсковымъ угнетателемъ. Сейчасъ на ихъ сторонѣ много шансовъ на успѣхъ. Никогда еще всѣ христіанскіе народы Турціи не выступали противъ нея въ общемъ союзѣ: они или героически боролись въ одиночку, или даже вступали въ междоусобіе другъ съ другомъ, на радость общему врагу. Теперь они дѣйствуютъ всѣ вмѣстѣ и въ общей сложности могутъ выставить около 700 — 800 тысячъ борцовъ, не считая поддержки повстанцевъ. Турція хотя и располагаетъ на бумагѣ почти полуторамилліонной арміей (считая вмѣстѣ съ запасными), но добрая половина ея находится въ отдаленныхъ азіатскихъ провинціяхъ, лишенныхъ желѣзныхъ дорогъ, значительная часть пришта къ защитѣ береговъ отъ итальянскаго флота, тысячь триста стоитъ на русской и персидской границахъ и т. д. Въ случаѣ замедленія мобилизаціи, ея армія можетъ оказаться на театрѣ войны малочисленнымъ соединеннымъ силамъ балканской коализаціи. При такихъ условіяхъ бурный натискъ воодушевленныхъ славянскихъ армій можетъ ниспровергнуть всякія защитныя преграды на небольшомъ двухверстномъ

разстояніи между болгарской границей и стѣнами Царьграда и закончить рискованную войну быстрой блестящей побѣдой.

Выставка въ память Отечественной войны.

(Съ 10 рис. на стр. 781).

Столѣтняя годовщина Отечественной войны вызвала у насъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній объ этой славной эпохѣ. И еще въ началѣ текущаго юбилейнаго года возникла мысль объ устройствѣ особаго „Музея 1812 года“—для того, чтобы закрѣпить и систематизировать всѣ эти воспоминанія, въ большинствѣ случаевъ мимолетныя и обреченныя на забвеніе...

Особый комитетъ, организованный для собиранія матеріаловъ для названнаго Музея, успѣлъ отыскать весьма много всевозможныхъ историческихъ реликвій — и въ настоящее время въ Москвѣ открыта интереснѣйшая выставка, гдѣ собраны всѣ эти реликвіи. Выставка эта такимъ образомъ является какъ бы прообразомъ будущаго Музея. Она преслѣдуетъ двѣ цѣли: познакомить общество съ тѣми результатами, которые достигнуты комитетомъ по сбору матеріаловъ, и дать по возможности наглядное представленіе о великой эпопее, начавшейся на берегахъ Нѣмана и завершившейся въ Парижѣ.

Все то, что относится къ эпохѣ двѣнадцатаго года, имѣетъ для насъ высокій интересъ и окружено ореоломъ величавой поэзіи. Все—даже мелочи тогдашней обиходной обстановки, которая говоритъ намъ, какъ жили современники Отечественной войны и на поляхъ брани и у себя дома... И обозрѣвая выставку, мы живо представляемъ себѣ эту отошедшую въ преданіе жизнь.

Выставка расположена въ девяти отдѣльныхъ залахъ. Пять изъ нихъ посвящены военнымъ реликвіямъ, остальные четыре—реликвіямъ иного характера. Количество собранныхъ здѣсь предметовъ громадно, и для полнаго знакомства съ выставкой требуется немало времени.

Мы послѣдовательно пройдемъ залу Императора Александра I, залу героевъ Отечественной войны, залу „Бородинскую“; далѣе слѣдуютъ залы: Москвы въ эпоху войнъ 1812—1815 гг., отступленія французовъ, французской арміи, императора Наполеона, войнъ 1813—1815 гг. и наконецъ послѣдняя зала—юбилейная, въ которой собраны предметы знаній, торговли и промышленности, посвященные столѣтнему юбилею великой войны.

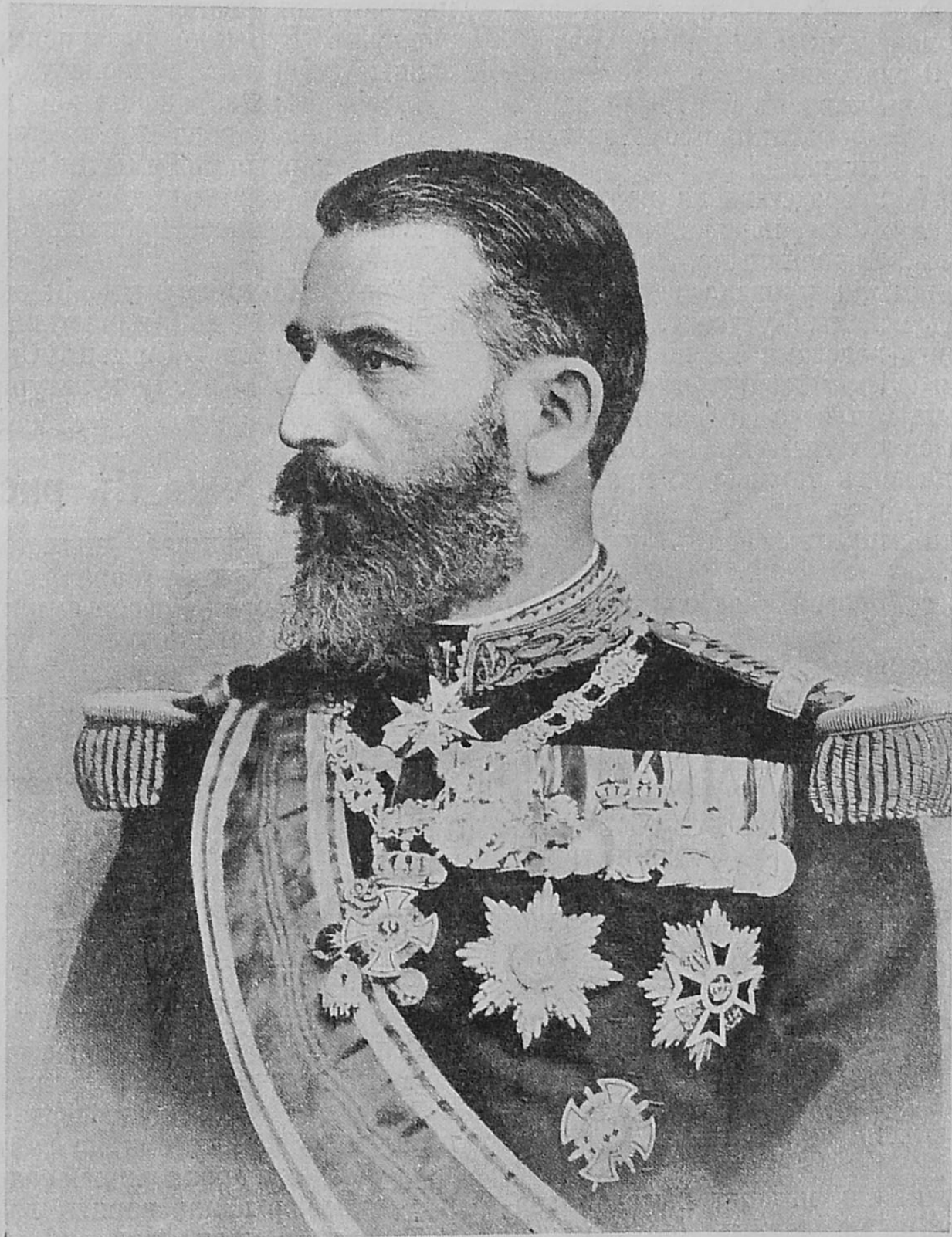
Мы послѣдовательно пройдемъ залу Императора Александра I, залу героевъ Отечественной войны, залу „Бородинскую“; далѣе слѣдуютъ залы: Москвы въ эпоху войнъ 1812—1815 гг., отступленія французовъ, французской арміи, императора Наполеона, войнъ 1813—1815 гг. и наконецъ послѣдняя зала—юбилейная, въ которой собраны предметы знаній, торговли и промышленности, посвященные столѣтнему юбилею великой войны.

Много вниманія на выставкѣ Музеѣ удѣлено личностямъ Императора Александра I и Наполеона Бонапарта. Цѣлый рядъ портретовъ, бюстовъ и миниатюръ воспроизводитъ прекрасный и загадочный образъ Александра въ разныя эпохи его жизни, начиная съ дѣтства. Здѣсь же — въ залѣ Императора Александра I—помѣщены портреты его матери, императрицы Маріи Ѳеодоровны, и супруги, императрицы Елисаветы Алексѣевны. Затѣмъ въ упомянутой залѣ собраны нѣкоторые предметы, принадлежавшіе лично Александру и служившіе ему въ частной жизни.

Александръ не любилъ позировать художникамъ, но тѣмъ не менѣе портретовъ его сохранилось очень много. Знаменитѣйшіе портретисты того времени—Лампи, Виже-Лебрёнъ, Боровиковскій, Сентъ-Обенъ, Щукінъ, Волковъ и другіе оставили потомству превосходныя изображенія Александра. Но самыя вѣрныя воспроизведенія его чертъ (профильныя) слѣдуетъ искать, какъ говорятъ, въ медаляхъ. И на описываемой выставкѣ мы находимъ множество медалей съ портретомъ Александра. Имѣются здѣсь далѣе и скульптурныя его изображенія работы Мартоса, Орловскаго, Торвальдсена и другихъ.

Изъ предметовъ, лично принадлежавшихъ Александру, обращаютъ на себя вниманіе мебель изъ его кабинета, письменныя принадлежности съ его рабочаго стола, его шпаги, зрительныя трубы, а также мундиръ (парадный), которой носилъ императоръ Александръ, и его походная кровать.

Въ наполеоновской залѣ возстаетъ предъ нами, также въ портретахъ и кое-какихъ обиходныхъ предметахъ, личность велича-

Его Величество король румынскій Карль I, назначенный фельдмаршаломъ російской арміи.

ваго врага Александра, Наполеона Бонапарта. Здѣсь лежитъ на національномъ французскомъ флагѣ бронзовая посмертная маска Наполеона. Въ другихъ залахъ находимъ отдѣльно — портфель Наполеона, его сердоликовую печать, кошелечекъ, вышитый Гортензіей, волосы его, отрѣзанные послѣ его кончины маршаломъ Кольдомъ и т. п. Большой интересъ представляютъ походная кухня Наполеона, захваченная казаками Орлова-Давыдова, и походная кроваль его, взятая русскими при переправѣ черезъ Березину. Кровать отличается прекрасной работой и рѣдкой комфортабельностью, говорящей объ избалованности „корейканскаго капрала“: на ней положены три необыкновенно мягкихъ перины, шелковые валики и подушки и шелковые „подзоры“ съ карма-нами. Мы встрѣчаемъ на выставкѣ также и сани, въ которыхъ ѣхалъ Наполеонъ изъ Сморгони, покинувъ свою бѣдствующую армию на произволъ судьбы. Жуткое впечатлѣніе производятъ изображение смертныхъ останковъ Наполеона въ томъ видѣ, въ какомъ они оказались въ 1840 году, когда прахъ его былъ увезенъ съ острова св. Елены въ Европу.

Множество французскихъ знаменъ и значковъ, отобранныхъ нами у французовъ во время великаго бѣгства ихъ изъ Россіи, наполняютъ залу „Отступление французовъ“. 105 орловъ и знаменъ были взяты тогда русскими войсками и свыше 800 орудій. Карты, планы и картины сраженій знакомятъ насъ съ этой эпохой. Какъ большая рѣдкость, здѣсь выставленъ парковый зарядный французскій ящикъ. Всѣ эти ящики были или сожжены при Березинѣ, или сгнили, брошенные въ пути.

Великая трагедія Бородинскаго боя представлена картинами, картами и фотографіями Бородинскаго поля, портретами героевъ Бородинскаго сраженія (Тучковыхъ, Коновницына, Барклая де-Толли, Багратиона и др.). Много вниманія удѣлено здѣсь и знаменитому полководцу бородинскихъ войскъ, Кутузову. Кромѣ его портретовъ (одинъ изъ нихъ вышитъ волосами на шелку), находимъ здѣсь вещи, принадлежавшія фельдмаршалу: георгиевскую ленту, печати, документы и письма Кутузова и разныхъ лицъ къ Кутузову и наконецъ часы и самоваръ Кутузова. Съ часами этими нынче незадолго до бородинскихъ торжествъ произошло странное событіе: они стали вдругъ бить послѣ вѣкового промежутка времени, удививъ и почти испугавъ своимъ неожиданнымъ боемъ всѣхъ окружающихъ.

Имѣется здѣсь и боевая память о Бородинѣ — ядра и пули, поднятыя съ Бородинскаго поля.

Остальные залы описываемой выставки даютъ нѣкоторое понятіе о старой Москвѣ (о которой мы уже говорили въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ) и о томъ, какъ отразился юбилей Отечественной войны на современной промышленности и обиходной жизни.

Въ общемъ, будущій „Музей Двѣнадцатаго года“ обеспеченъ множествомъ интересныхъ реликвій. Мысль о созданіи такого музея слѣдуетъ признать очень удачной: онъ будетъ постоянно будить въ русскихъ людяхъ память о великой эпохѣ и возстановлять предъ нами грандіозные образы и картины минувшаго, у котораго можно многому поучиться въ наше время.

Король румынскій Карль I, фельдмаршалъ русской арміи. (Портр. на стр. 783).

Король Румыніи Карль I, получившій недавно высокое званіе фельдмаршала русской арміи, не чуждъ былъ нашей арміи и ранѣе: онъ сражался во главѣ своихъ румынъ, бокъ-о-бокъ съ русскими войсками, какъ нашъ союзникъ на войнѣ 1877—78 г. г.

Король Карль I родился въ 1839 году въ г. Зигмарингѣ. Сынъ князя Карла-Антоня Гогенцоллернскаго, онъ прошелъ военную прусскую службу и участвовалъ въ 1864 году въ датской войнѣ. Получивъ, кромѣ военнаго образованія, блестящее общее образованіе (онъ слушалъ лекціи въ Боннскомъ университетѣ), будущій румынскій король еще въ молодые годы отличался всѣми качествами, необходимыми для правителя: широкимъ кругозоромъ, образованностью и рѣдкой энергіей. И судьба дѣйствительно опредѣлила ему высокую роль коронованнаго властелина. Въ 1866 году онъ былъ избранъ по плебисциту наследственнымъ княземъ румынскимъ. Въ маѣ 1866 года онъ вступилъ въ Бухарестъ и присягнулъ румынской конституціи.

На первыхъ порахъ княженіе Карла румынскаго было сопряжено съ немалыми трудностями. Въ странѣ существовала яростная борьба партій: „бояре“ враждовали съ „либералами“, и молодому правителю приходилось проявлять много такта и ума, чтобы вносить необходимое для блага страны успокоеніе въ враждебные лагери междуусобствующихъ румынъ. Въ концѣ концовъ общій разладъ въ странѣ, обостренный экономическимъ крахомъ и симпатіями румынъ къ французамъ, которыхъ громили тогда (война 1870—71 г. г.) Гогенцоллерны, вызвалъ серьезное возстаніе румынъ противъ своего князя, такъ что Карль I даже сложилъ власть.

Эго было 22 марта 1871 года. Но потомъ румыны стали просить Карла снова принять власть, и послѣдній, — правда, весьма неохотно, — согласился на это.

Дальнѣйшее правленіе Карла румынскаго знаменуетъ собою рядъ значительныхъ успѣховъ во внутреннемъ развитіи страны и въ завоеваніи ею виднаго внѣшняго положенія. Турецкая война 1877 года, въ которой Карль I принималъ дѣятельное личное участіе, сражаясь подъ Плевной, и успѣхъ, достигнутый славянами въ этой войнѣ, повлекли за собою превращеніе румынскаго княжества въ королевство. 22 мая 1877 года Карль объявилъ Румынію независимой. Берлинскій конгрессъ послѣ войны утвердилъ румынскую независимость, а въ 1881 году Румынія была объявлена королевствомъ.

Правленіе короля Карла принесло странѣ много добра. Появились первыя въ Румыніи желѣзныя дороги, возникла внѣшняя торговля и окрѣпла торговля внутренняя. Король упорядочилъ финансы, народное просвѣщеніе и все внутреннее хозяйство въ странѣ.

Король Карль румынскій состоитъ въ бракѣ съ принцессой Елисаветой Видской, извѣстной писательницей.

Ея псевдонимъ — Кармень Сильва, равно какъ и ея произведенія, извѣстны всему культурному міру.

Къ рисункамъ.

Шумное, искристое, пѣнистое шампанское олицетворено въ картинѣ А. Баллэ въ образѣ красивой и изящной молодой женщины. Брызжущая весельемъ и молодымъ задоромъ, она способна такъ же, какъ и кипучее вино, опьянить своихъ собесѣдниковъ и такъ же заставить ихъ дѣлать веселыя и смѣшныя глупости.

Рисунокъ С. Плошинскаго иллюстрируетъ извѣстное стихотвореніе А. Фета „Мелодія“:

«Сіяла ночь. Луной былъ полонъ садъ. Лежали
Луны у нашихъ ногъ въ гостиной безъ огней.
Рояль былъ весь раскрытъ, и струны въ немъ дрожали,
Какъ и сердца у насъ за пѣсней твоей...
Ты пѣла до зари, въ слезахъ изнемогая,
Что ты — одна любовь, что нѣтъ любви иной...
И какъ хотѣлось жить, чтобъ, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой»...

Колоритный жанръ — пейзажъ Е. Столицы „Рѣка потемнѣла“ полонъ элегическаго, задумчиваго настроенія. Медленно ползетъ вечерняя тѣнь, раскидывая по всей землѣ темное покрывало — и въ ней потемнѣла свѣтлая и беззаботная рѣка. Конченъ трудовой день, пронизанный солнечными лучами. Солнце погасло — и усталые рыбаки варятъ въ надвигающейся темнотѣ ужинъ и думаютъ о прожитомъ днѣ и отошедшемъ свѣтѣ...

Картина П. Гурдо „Въ тысячномъ году по Р. X.“ воспроизводитъ одно изъ мрачныхъ видѣній прошлаго. 1000-й годъ ожидался въ Европѣ съ ужасомъ: въ этомъ году ждали конца міра и Страшнаго Суда. Люди жили тогда словно въ какомъ-то кошмарѣ — томились предчувствіями несказанныхъ ужасовъ, всенародно каялись въ грѣхахъ, бичевали себя, бродили, какъ тѣни, въ разорванныхъ одеждахъ. Богатые люди отдавали свое имущество бѣднякамъ, братались съ нищими. Всюду совершались богослуженія съ страстными мольбами прощенія и помилованія. Картина Гурдо изображаетъ одно изъ такихъ общественныхъ богослуженій, совершаемое епископомъ съ поднятіемъ раки святого. Торжественная процессія величественныхъ князей церкви, стройный хоръ пѣвчихъ, блестящія ризы странно сочетаются съ рублищемъ безумствующихъ людей, съ криками отчаянія, съ сценами неопишуемаго ужаса и отчаянія...

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1912 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ дост. въ СПБ. 6 р. 50 к., съ дост. 7 р. 50 к.; съ перес. по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Тайна. Разказъ Н. Олигера. (Окончаніе). — На Двѣнадцатый годъ. (Къ столѣтнему юбилею Отечественной войны). Стихотвореніе Кн. Маріи Трубецкой. — Экзамень. Разказъ С. Гусева-Оренбургскаго. — Чудеса моря. — Сынъ Двѣнадцатаго года (Изъ мемуаровъ румынскій Карль I, фельдмаршалъ русской арміи. — Къ рисункамъ. — Объявленія.

РИСУНКИ: Шампанское. — „Сіяла ночь, луной былъ полонъ садъ“. — Рѣка потемнѣла. — Въ тысячномъ году по Р. X. — Чудеса моря (8 рис.). — Выставка въ память Отечественной войны 1812 г. въ Москвѣ (10 рис.). — Карта Балканскаго полуострова. — Его Величество король румынскій Карль I.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 16.

Бѣглый взглядъ на лѣто.

Для каждаго человѣка, зависящаго отъ своего заработка, отпускъ представляет собою сущность лѣтняго времени. Хотя бы все лѣто стояла великолѣпная погода, все-таки мы можем пользоваться его прелестями въ большинствѣ случаевъ только весьма короткое время тогда, когда мы удаляемся отъ всѣхъ обязанностей, связанныхъ съ нашими занятіями и когда мы можемъ заняться исключительно собой. Это свободное время вообще посвящаютъ отдыху или путешествію. Въ большинствѣ случаевъ, однако, преслѣдуются одновременно обѣ цѣли— „путешествіе для отдыха“.

Цѣль, называемую „отдыхомъ“, можно было бы удачнѣе обозначить словомъ „подкрѣпленіе здоровья“, такъ какъ на самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ рѣчь идетъ о томъ, чтобы опять повысить жизненную энергію ослабленнаго организма и вооружить его противъ предстоящей зимы и тѣхъ общественныхъ и служебныхъ занятій, которыя насъ тогда ожидаютъ. Глубокая вѣра въ цѣлебную силу природы основана на убѣжденіи, что возможно вознаградить организмъ за всѣ тѣ потери, которыя онъ понесъ въ теченіе года или болѣе продолжительнаго періода времени. Нѣтъ сомнѣнія, что пребываніе на дачѣ при хорошемъ

питаніи, спокойствіи и свѣжемъ воздухѣ—весьма цѣлесообразно, но результаты такого отдыха, при недостаточной продолжительности его, могутъ быть лишь преходящими. И дѣйствительно, прежде ощущаемое чувство утомленія и истощенія при возвращеніи къ

прежнимъ обстоятельствамъ и привычной дѣятельности появляется вновь. Это весьма естественное явленіе напоминаетъ о томъ, что запасъ нашихъ силъ истощается и что поэтому необходимо примѣнять специальное питательное вещество, чтобы сохранить, упрочить и по возможности увеличить запасъ накопленныхъ лѣтомъ силъ. Подобнаго рода веществомъ, укрѣпляющимъ нервы, является Санатогенъ Бауэра. Вслѣдствіе примѣненія этого средства нервная система освѣжается и становится болѣе исправной, организмъ снабжается запасомъ свѣжихъ силъ, кровь освѣжается и функции отдѣльныхъ органовъ регулируются. Въ виду удобоваримости Санатогена Бауэра, многія лица, страдающія ослабленіемъ желудка и разстройствомъ органовъ пищеваренія, принимаютъ его вмѣстѣ съ ежедневной пищей, а потому каждому, кому

Санатогенъ Бауэра еще неизвѣстенъ, рекомендуется испробовать это средство. Подробное описаніе способа употребленія помѣщено при коробкахъ, находящихся въ продажѣ вездѣ въ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ. Настоящія коробки только съ красной бандеролью.

МОЯ МАТЬ БЫЛА СТРАДАЛИЦЕЙ.

Этотъ даровой совѣтъ излѣчилъ ее. Моя мать просила меня напечатать въ газетахъ объ этомъ даровомъ совѣтѣ, который такъ быстро избавилъ ее отъ страданій. Она ужасно страдала цѣлые годы, и ничто не могло избавить ее отъ страданій. Доктора находили у нея подагру, невралгію и невритъ. Головные боли были ужасны. Облегченіе получилось моментальное, и теперь моя мать считаетъ себя совершенно здоровой.

Я приведу совѣтъ въ точности, какъ я самъ вырѣзалъ его изъ газеты: „Войдите въ ближайшую аптеку и возьмите 60 гранъ Кефалдоль-Сторъ въ таблеткахъ“. Моя мать приняла нѣсколько и избавилась отъ страданій. Остатокъ мы отдали сосѣду, страдавшему ревматизмомъ. Нѣсколько таблетокъ вылѣчили его. М. М.

НЕВРАСТЕНІЯ. Неврастенія является очень частой болѣзью, нервныя же расстройства, которыя ее сопровождаютъ, своимъ источникомъ имѣютъ самоотравленіе организма, зависящее отъ всасыванія токсиновъ, образовавшихся въ кишкахъ вслѣдствіе продолжительнаго застоя кала. Поэтому всѣ неврастенники обыкновенно страдаютъ запоромъ. Всѣ врачи-специалисты по нервнымъ болѣзнямъ единогласно совѣтуютъ систематическое примѣненіе **CASCARINE LEP-RINCE** въ количествѣ одной или двухъ пилюль въ день. Требовать только настоящихъ.

ЛЮБИ-

мое мыло всѣхъ дамъ — единственно — дѣйствительное
МЫЛО „КОНЕКЪ“

изъ ялока лилии, **БЕРГМАНА и КО., РАДЕБЕЙЛЬ-ДРЕЗДЕНЪ**, такъ какъ отъ его употребленія получается нѣжное, чистое лицо, розоватый, юношески-свѣжій видъ, мягкая, какъ бархатъ, кожа и ослѣпительно-прекрасный цвѣтъ лица.
Цѣна 50 коп. за кусокъ можно получать вездѣ.
Требуйте только красную упаковку.

Главный складъ для Россійской Имперіи
КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ, С.-Петербургъ,
Малая Конюшенная № 10.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

для всѣхъ.

не требуется никакихъ знаній.

ПРОСТѢЙШІЕ САМОУЧИТЕЛИ:

1. Устр. ДОЛГОВѢЧ. ЭЛЕКТР. ОСВѢЩ. безъ машинъ, для спаленъ, убор., кладов. и пр. Выс. за 60 к.; съ нал. пл. 75 к.
 2. Изгот. ЭЛЕКТР. АККУМУЛЯТОРОВЪ карм. и перен. для освѣщ., автом., велосип. и пр. Выс. за 50 к.; съ нал. пл. 65 к.
 3. Изгот. СУХИХЪ БАТАРЕЕКЪ для карм. фонар. Изгот. обход. 3—5 к., возобн. 2—3 к. Выс. за 40 к.; съ нал. пл. 55 к.
 4. Установ. ТЕЛЕФОНОВЪ и ЭЛЕКТРИЧ. ЗВОНКОВЪ, сигнализ. отъ воровъ, пожара и пр. Выс. за 60 к.; съ нал. пл. 75 к.
 5. Устр. ЛѢЧЕБНАГО ЭЛЕКТР. АППАРАТА. Обход. въ 5—7 разъ дешевле покупки. Выс. за 50 к.; съ нал. пл. 65 к.
 6. ГАЛЬВАНОПЛАСТИКА, никкел., золот., серебр., омѣдненіе растен., пасѣк. и пр. Выс. за 1 р. 10 к.; съ нал. пл. 1 р. 25 к.
- Всѣ 6 книгъ высыл. за 3 р. 10 к.; съ наложен. платеж. 3 р. 25 к.
Проспекты высыл. **бесплатно.**
Адр.: Техн. М. А. БОГОЛЪПОВУ, Москва, Бол. Козихинскій пер., д. 4—65. 37355

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ

предлагаемъ изъ нашего склада граммофоны, фотоаппараты, кинематографы, велосипеды, автомобили, аппараты для бритья и всѣ новинки заграничнаго рынка. Цѣны обозначены въ рубл., съ уплат. пошлониной и пересылкой. Требуйте специальные новейшіе каталоги бесплатно. 37318 2-1

Многочисленные благодарств. отзывы.
Павель Эрфуртъ и К^о, Берлинъ W. 50.
Pragerstr., 22.

Paul Erfurth & Co, Berlin W. 50. Pragerstr., 22

СЕРЬЕЗНОЕ ДОБРОСОВѢСТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

ОБРАТИТЕ НА НЕГО ВНИМАНИЕ!

ЕСЛИ ВАШЪ

ЖЕЛУДОКЪ

плохо варить, если Вы страдаете катарромъ, ЗАПОРАМИ, геморроемъ, вздутиемъ живота, тошнотой, изжогой, ГОЛОВН. БОЛЯМИ, если Вашъ организмъ истощенъ, разслабленъ, и Вы вслѣдствіе этого удручены, подавлены, я предлагаю Вамъ испытать

за мой счетъ

пакетъ драгоцѣннаго средства, которое быстро избавитъ Васъ отъ страданій. Я долго работалъ надъ этими вопросами и предлагаю свой трудъ страдающимъ. Сообщите мнѣ открыткой Вашъ адресъ и я немедленно вышлю Вамъ свое средство для леченія бесплатно.

Д-ръ мед. Антонъ Мейеръ, химич. лаб., С.-Петерб., Екатерин. кан., 29/17.

„GILLETTE“

(ЖИЛЛЕТЪ)

38051 26-15

БРИТВЕННЫЙ АППАРАТЪ

съ СОГНУТЫМЪ лезвиемъ

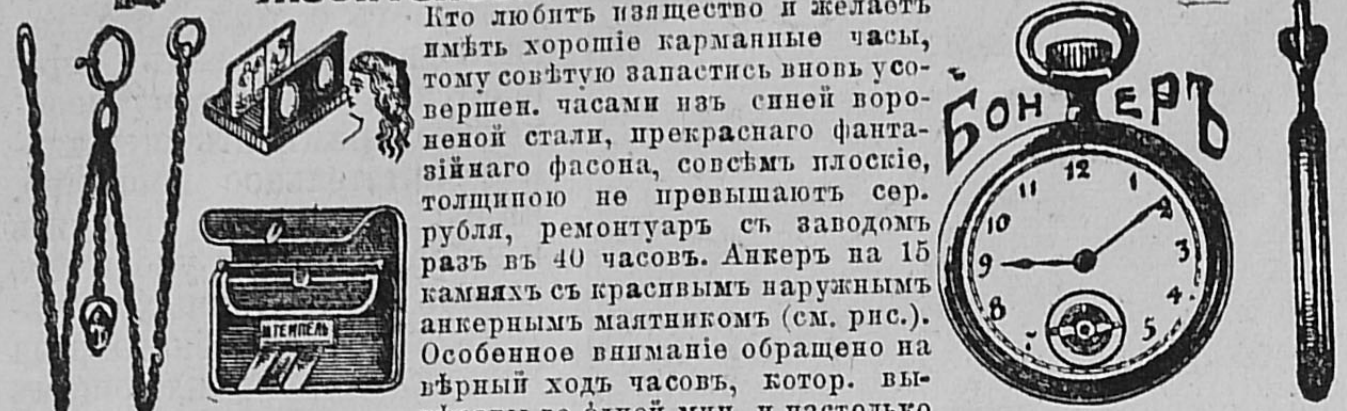
НЕ НАДО ПРАВИТЬ И ТОЧИТЬ!

Льготные заочн. курсы бухгалтерии.

Курсы сущ. с 1890 г. Удостоены высш. наград.

Входят все отрасли счетоводства. Полное банковое, дробн: прост., десят., коммерч., арием., корреспонд., каллиграфия (исправлен. почерка). Гарант. за успех. Подготовки не треб. Выдается аттестат бухгалтера. Курсы проход. от 2-х до 4-х мѣс. Конспекты и требуйте бесплатно. Адр.: Полтава, Заочн. курсы: Коммерческое образование, Гоголев. 34.

Любительские часы „БОНЕРЪ“.

Кто любит изящество и желает иметь хорошие карманные часы, тому советую запастись вновь усовершен. часами изъ синей вороненой стали, прекраснаго фантазийнаго фасона, совсем плоскіе, толщиной не превышаютъ сѣр. рубли, ремонтуаръ съ заводомъ разъ въ 40 часовъ. Анкеръ на 15 камняхъ съ красивымъ наружнымъ анкернымъ маятникомъ (см. рис.).

Особенное вниманіе обращено на вѣрный ходъ часовъ, котор. вывѣрены до одной мин. и настолько прочны, что фабрика выдаетъ гарант. на 5 лѣтъ. Цѣна только 3 р. 50 к. Желая распространить эти замѣчательные часы, я въ видѣ преміи прилагаю къ каждому часу БЕСПЛАТНО 17 предметовъ, полезн. для каждого, а именно: 1) Цѣпь изъ настоящаго америк. золота 2-хъ рядная. 2) Брелокъ-кинематографъ съ видами интересн. женщинъ. 3) Замшевый кошелекъ для часовъ. 4—7) Карман. кожан. несессеръ съ 4-ми необход. предм. 8) Предохранитель часовъ отъ воровъ. 9) НОВОСТЬ! Карм. стереоскопъ ПЛАСТОГРАФЪ (см. рис.). 10—15) 6 худож. исп. картинъ къ стереоскопу. 16) Карманный никельн. письменный приборъ, состоящій изъ нѣсколькихъ предметовъ. 17) Новомодн. кожан. портмонэ заграничн. съ 6-ю отдѣл., очень плоское и удобное для ношенія въ карманѣ. Всего только за 3 р. 50 к. 2 часовъ съ прилож. 6 р. 50 к. Гарнитуръ съ часами и предметами высшаго качества 4 р. 25 к. 2 гарнит. 8 р. Такие же дамск. гарнит. 3 р. 95 к. Высылаются нал. платеж. безъ задатка. Пересылка 40 к., въ Сибирь 75 к. Адресов.: Т-во „АККУРАТНОСТЬ“ ВАРШАВА, Отд. 13.

Исходатайствование привилегій (патентовъ) на ИЗОБРѢТЕНІЯ утверждение фабричныхъ рисунковъ и моделей, торговыхъ знаковъ и этикетовъ, во всѣхъ государствахъ.

Инж. Д. М. ЛЕВЕНШТЕЙНЪ, СПБ., Невскій, 65—Д. Тел. 48—94.

Фирма существ. с 1901 года.

ПРОТИВЪ ОЖИРѢНІЯ МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ

МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ
ПО РЕЦЕПТУ ПРОФЕССОРА ДОКТОРА ФОНЪ-БАШЪ
МЕДИЦИНЫ РИТТЕРА

ГОСПОДСТВУЮТЪ ВЪ МІРѢ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ ПРИ ПОКУПКѢ ПРОСИТЬ ОБРАЩАТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНІЕ НА ИМЯ БАША

МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ ПРЕВОСХОДЯТЪ ЦѢЛЕСОБРАЗНОЮ ДОЗИРОВКОЮ ВСѢ РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ДЛЯ ПОДОБНЫХЪ ЦѢЛЕЙ ПРЕПАРАТЫ.

Бюсто-развиватель „Экзуберъ“

Въ нѣсколько дней вы не узнаете вашего бюста. Замѣчательное открытіе парижанки, г-жи ЕЛЕНЫ ДЮРУА. Три парижскихъ врача отзываются объ изобрѣтеніи г-жи Дюруа съ большою похвалой и удостовѣряютъ, что оно даетъ превосходные результаты.

Надо отдать справедливость французской расѣ: она въ высокой степени обладаетъ творческимъ гениемъ и изобрѣтательностью. Каждый день приноситъ намъ новыя доказательства ея разносторонности. По видимому этимъ драгоценнымъ качествомъ, свойственнымъ французской націи, обладаетъ и ея представительница, Елена Дюруа, сдѣлавшая замѣчательное открытіе, которое, хоть и не можетъ сравниться по значенію съ великими научными открытіями, все же вызоветъ сенсацию среди женщинъ всего міра. Въ этомъ нѣтъ никакого преувеличенія, ибо г-жѣ Дюруа удалось найти наконецъ вѣрный способъ—котораго несли такъ долго и напрасно—превращать плоскую, едва намѣченную грудь въ полную и округленную и впадой, отвисшей груди возвращать ея первоначальную упругость. Свой методъ она назвала „Экзуберомъ“.

принимать внутрь, а между тѣмъ со дня на день вы видите, какъ бюстъ вашъ развивается, становится упругимъ, вы радостно изумлены такимъ неожиданнымъ превращеніемъ, которое вскорѣ будетъ замѣчено и всеми окружающими васъ.

Мой „Бюсто-развиватель Экзуберъ“ одобренъ тремя выдающимися парижскими врачами: д-рами **Ченнальди, Трифоновымъ и Дюшъ**, писавшими мнѣ свое восхищеніе моимъ методомъ. Эти врачи рекомендуютъ его всѣмъ своимъ пациентамъ и выражаютъ желаніе, чтобы каждая женщина имѣла возможность пользоваться имъ.

Но предоставимъ слово самой г-жѣ Еленѣ ДЮРУА.

„Понимая я въ правѣ громко провозгласить: **нѣтъ болѣе неграціозныхъ женщинъ, нѣтъ плоскогрудыхъ, нѣтъ костлявыхъ плечъ, нѣтъ вялыхъ и отвисшихъ грудей!** Въ нѣсколько дней мое открытіе можетъ сдѣлать чудо: дать каждой примѣнившей его полную, округленную, упругую и гармонически развитую грудь, красивой формы шею и изумительныя плечи. Мой методъ, который тысячи признательныхъ клиентокъ называютъ прямо таки чудотворнымъ, не имѣетъ ничего общаго со всѣми примѣнившимися до него. Онъ не заставляетъ васъ ничего

стигнуть желанной полноты и упругости груди,—съ приложеніемъ собственной моей фотографіи. Чтобы получить ихъ, вамъ достаточно вырѣзать прилагаемый внизу купонъ, вложить его въ закрытое письмо съ 10 копеечной маркой или же наклеить на открытку съ 4 копеечной маркой, и адресовать: **Madame Hélène Duroy, Division 701 C. 112. Chaussée d'Antin Paris.** Не откладывайте въ долгій ящикъ. Пишите сегодня же, ибо съ сожалѣніемъ я могу предоставить эту льготу только читательницамъ лишь въ теченіе недѣли со дня появленія этой публикаціи.

КУПОНЪ № 701 С.

даетъ право получить бесплатно свѣдѣнія о способѣ развитія и укрѣпленія груди.

ИМЯ:.....

АДРЕСЪ:.....

ГОРОДЪ:.....

ОШЕЛОМЛЯЮЩЕЕ ОТКРЫТІЕ!

ПРОИСХОЖДЕНІЕ РЕВМАТИЧЕСКИХЪ СТРАДАНІЙ НАКОНЕЦЪ ПОНЯТО.

КАЖДЫЙ СТРАДАЮЩІЙ МОЖЕТЪ ПОЛУЧИТЬ БЫСТРОЕ И ПОЛНОЕ ИСЦѢЛЕНІЕ.

Вы можете получить описаніе этого удивительнаго открытія **БЕСПЛАТНО.**

Ни одна болѣзнь не собираетъ такой обильной жатвы среди людей, какъ ревматизмъ. Ревматизмъ не разбираетъ ни пола, ни возраста ему не страшны ни высокое положеніе, ни имущественное благосостояніе. Онъ поражаетъ всѣ связки, всѣ суставы человѣческаго тѣла и постепенно разрушаетъ ихъ, уродуя члены и держа свою жертву въ постоянныхъ оковахъ нестерпимыхъ пытокъ.

Здоровые пищеварительные органы выделяютъ щелочные элементы, которые уничтожаютъ мочевую кислоту, выделяемую почками. Но когда пищеварительные органы не здоровы, они не выделяютъ въ достаточной степени этихъ щелочныхъ элементовъ. Въ результатѣ образуются въ организмѣ скопленія мочевой кислоты, которой почки не могутъ переработать. Мочевая кислота разсизается обратно кровью по всему организму, отлагаясь тамъ и сямъ, въ связкахъ, въ видѣ мелкихъ песчаныхъ частицъ. Эти частицы проникаютъ въ мускулы и при каждомъ движеніи тѣла производятъ боли, которыя мы называемъ ревматизмомъ. Часто скопленія въ связкахъ бывають такъ велики, что отъ этого образуются узлы. Зараженная кровь воспаляетъ нѣжныя ткани сердца и чувствительныя перепонки его клапановъ. Клапаны слабѣютъ, правильность ихъ дѣятельности нарушается, сердце бьется неправильно и, наконецъ, останавливается!

Торопитесь, дорогой читатель, не ждите, чтобы болѣзнь глубоко вкоренилась въ Вашъ организмъ, торопитесь узнать, какъ остановить ее, можете быть завтра будетъ поздно. Вы можете узнать это бесплатно. Новая удивительная книга приготовлена для читающихъ это объявленіе, она объяснитъ ему причины и лѣченіе одной изъ ужаснѣйшихъ болѣзней. Она укажетъ на средство и методъ лѣченія, примѣняя которые Вы можете изгнать болѣзнь изъ Вашего организма въ короткое время, дома, спокойно, въ своей комнатѣ.

Если Вы желаете получить бесплатный экземпляръ этой удивительной книги, напишите на открытомъ письмѣ: «Прошу выслать мнѣ Вашу книгу о ревматизмѣ». Напишите отчетливо и точно Ваше имя и адресъ и пришлите открытое или закрытое письмо, какъ Вамъ будетъ удобнѣе, по адресу:

ВИЛЬЯМЪ Г. ВОЛЛАНСТОНЪ, отд. 4. А. В. С.-Петербургъ, Невскій, 18, кв. 48.

№ 29. Thüringisches
Technikum Ilmenau
 Машиностроение и электротехника.
 Отделения для инженеров, техников
 и мастеров. 10-10
 36058
 Дир. проф. Шмидт.

Требуйте **ПАПИРОСЫ**
 всюду
ВЪ ПОРТЬ-СИГАРАХЪ 25 шт. — 15 к.
 Картонаж. Фабр.

„ПРОГРЕССЪ“
 СПБ., Вас. Остр., Средн. пр., № 72.
 Самая гигиеническая и удобная упаковка.
 Все большія Таб. Фабр. имѣютъ таковыя
 въ продажѣ. 4-4

СПѢШНО ПРОДАЮТСЯ
 по небывало дешевой цѣнѣ
 художеств. откр. письма изъ заграницы,
 работы, копии Третьяк. Дрезден. галл. Па-
 риж. Салона, пейзажи, ландшафты, любов-
 ные, а также копии картинъ аном. худож.
 Верещагина изъ Отечества. Войны 1812 г.
 Ассортиментъ въ 100 шт. всего 95 к., 300 шт.
 2 р. 50 к.; за пересылку отъ 100 шт. 35 к.,
 отъ 300 шт. 65 к. Высылаются съ налож. плат.
 Адресовать: М. П. Кацу, Готд., № 8. гор. Лодзь.

Торг. Домъ Льва Рубашкина Лодзь, Н. М.
 высыл. почтой съ налож. плат.
 безъ кастюмъ и куртку за 5 р. 50 к.
 задатка.
 1) 4 1/4 арш. шерст. „Трико“ 2-ой ширины,
 прочн. и элегантн. выдѣлки, на полн.
 мужск. костюмъ и 2) готов. 2-хъ борти
 вѣзан. куртка, необходим. кажд. для зимы,
 по указан. мѣр. За пересыл. костюма и
 куртки причит. 55 к. въ Сибирь 95 к.
 При заказѣ 3-хъ и болѣе паръ пересылка
 наша. Безъ риска, за непонрав. товаръ
 возвращ. деньги сполна. 3725

ВОЛШЕБСТВО И ЛЮБОВЬ
 Эта замѣч. книга отдаетъ въ Ваши руки
ПОБѢДУ ВЪ ЛЮБВИ. Отнынѣ Вы не будете
 знать неудачъ и отказовъ въ любви. Не-
 покора. сердце склонится предъ Вашей
 волей. Путь къ счастью и богатству въ
 Вашихъ рукахъ. Остал. только огранич.
 кол. этой книги.

ИСКУССТВО НРАВИТЬСЯ
 Для того, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни,
 надо умѣть держать себя въ обществѣ,
 умѣть нравиться, говорить, развлечь и за-
 явить цѣлое общество и так обр. сосре-
 доточ. на себѣ общее вниманіе. Книга
 необход. каждому, стремящ. къ успѣху
 и богатству. Въ отд. к. кн. ст. 1 р. 50 к.
 съ нал. пл. Обѣ книги 2 р. 35 к. съ н. пл.
 Книгоизд. „С О Ю З Б“,
 Ивановская, 3—3. СПБ. 4-1
 37289

СПИРТОВЫЯ ГОРѢЛКИ
АМОРЬ
 MODÈLE DE LUXE
 ДАЮТЪ ПРИЯТНЫЙ
 БѢЛЫЙ СИЛЬНЫЙ
 СВѢТЪ.
 ПОДХОДЯТЪ
 КО ВСѢМЪ
 И МѢЮЩИМСЯ
 ЛАМПАМЪ.
 НЕ ТРЕБУЮТЪ
 УХОДА
БЕЗОПАСНЫ
 ГОРЯТЪ БЕЗЪ КО-
 ПОТИ И БЕЗЪ
 ЗАПАХА. 37321

Сила свѣта.	Стоимость горѣлн.	ЦѢНА
60 свѣч.	1 1/2 к. въ часъ	Р. 3.40
30 "	3/4 " " "	" 3.—

ОТДѢЛЪ ТЕХНИЧЕСК. ПРИМѢНЕНІЯ СПИРТА
 ПРИ РОССИИСК. ОБЩ. ВИНКУР. ЗАВОДЧИКОВЪ
 ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОДОВАЯ 52
 ОТДѢЛЕНІЯ:
 МОСКВА, Мясницкая, д. 22.
 САРАТОВЪ, Московская, 61.
 ОДЕССА, Ришельевская, 17.
 СЕВАСТОПОЛЬ, Нахимовскій пр., 14
 РИГА, Большая Грѣшная, 25.
 КАЗАНЬ, Воскресенская, 7.
 ВИЛЬНО, Георгіевскій пр., 27.
 СИМФЕРОПОЛЬ, Пушкінская, 19.

Карболинеумъ Загран. марки **„СУКЦЕССЪ“.**
 Научно и долготѣн. опытами на практикѣ общепри-
 знанъ незавѣим. препарат. для предохраненія дерева
 отъ гніенія, уничтоженія древеснаго грибка и т. д.
„ФРУКТИЛЬ - СУКЦЕССЪ“.
 Средство для лѣченія плодовыхъ деревьевъ и для истре-
 бленія всѣхъ ихъ вредителей и паразитовъ всякаго рода.
 Проспекты съ отзывами бесплатно. 37343
 ХИМ. ФАБР. **Ад. ГАУФФЕ** Преем. **Либава.**

КРУПНѢЙШЕЕ
 въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе
 портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.
 Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполнен-
 ный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; аква-
 релию 10×12 вер.—4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ
 волосъ, глазъ и проч. Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки
 портретъ на эмали брошь или булавку для галстука. Заказы съ оригиналами высе-
 лаются черезъ 15 дней налож. платежомъ. Адресовать только въ
 Главную контору художественнаго ателье **А. М. Х.-Дроздова**, Невскій проспектъ, 67—7,
 С.-Петербургъ. Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г. 37197 (3)
 Подробный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

ВСЯКАЯ ДАМА
 можетъ имѣть
ИДЕАЛЬНЫЙ БЮСТЬ.

Если Вы желаете познакомиться съ на-
 шимъ замѣчательнымъ средствомъ и
 узнать все подробности объ немъ, то
 потребуйте нашу красиво иллюстриро-
 ванную книжку „**БЕЛЛА-ФОРМА**“,
 прилагая 14 коп. марками на почтов.
 расходы и мы Вамъ вышлемъ такую
СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.
 Адресовать: С.-Петербургъ, Гл. почтамтъ,
 почт. ящикъ 105. Литр. Н. 8.
БЕЛЛА-ФОРМА и К^о.

РОСКОШНЫЙ БЮСТЬ.
 Каждая изъ Васъ, уважаемая читательница,
 можетъ развить свой бюстъ, увели-
 чить его или же изъ влаго сдѣлать
 упругимъ и гармонически-разви-
 тымъ благодаря моему новому способу,
 методу Гренье. Я счастлива, что имѣю
 возможность, безъ пригнѣнія запрещен-
 ныхъ внутреннихъ средствъ, одѣлать
 женщинамъ дать, а дру-
 гимъ, независимо отъ воз-
 раста, вернуть и восстано-
 вить упругость и красоту формъ, отсутствіе
 или увяданіе которыхъ приводитъ въ уни-
 ніе, разрушаетъ планы и часто дѣлаетъ
 женщину несчастной. Если природа не на-
 дѣлила Васъ роскошными формами, если
 Вашъ бюстъ малъ, опущенъ или вялый,
 то обратитесь ко мнѣ, и
 Ваша мечта сбудется. Мой
 способъ настолько простъ,
 что Вы можете пользоваться имъ тай-
 но, безъ посторонней помощи, такъ
 что Ваши знакомые и близкіе, не по-
 дозрѣвая причины, уже черезъ корот-
 кое время будутъ поражены перемѣной,
 происшедшей въ Вашей фи-
 гурѣ. Пишите мнѣ сего-
 дня же, и Вы будете мнѣ
 такъ же благодарны, какъ и тысячи дру-
 гихъ женщинъ, обращавшихся ко мнѣ въ
 Нью-Йоркѣ, Парижѣ и Россіи.
 Напр., пишутъ мнѣ:
 Г-жа В. Ч., Орель. ...Очень Вамъ бла-
 годарна за Вашъ присланный мнѣ методъ.
 Чего я желала, того, благодаря Вашему
 изобрѣтенію, добила. Я имѣю теперь
 хорошую фигуру. Еще разъ Вамъ сердеч-
 ное спасибо. Письмо можете напечатать,
 но только безъ моего адреса.
 Г-жа М., Симбирскъ. ...За методъ шлю
 Вамъ глубокую благодарность. Это пре-
 взошло мои ожиданія. Результатъ бле-
 стящій.
 Г-жа З., Ив.-Вознесенскъ. ...Теперь я
 убѣдилась, что мой бюстъ принялъ ту
 форму, о которой я давно мечтала. При-
 ношу Вамъ мою искреннюю благодарность
 за Ваше доброе и хорошее ко мнѣ рас-
 положеніе...
 и тысячи дамъ высказываются въ этомъ
 же родѣ.
 Превосходное дѣйствіе моего привлеги-
 рованнаго метода засвидѣтельствовано
 нотаріальными документами, сходные же
 лишь по названію способы или средства,
 появившіеся во Франціи и Россіи, не бо-
 лѣе, какъ неудачныя подражанія, противъ
 которыхъ я искренне предостерегаю.
 Итакъ, пишите мнѣ какъ другу, и я не-
 медленно отвѣчу Вамъ въ закрытомъ кон-
 вертѣ, безъ обозначенія моего имени,
 чтобы сохранить Вашу переписку со мною
 въ секретѣ. Мои проспекты выдаются
 бесплатно, а высылаются за 3 марки по
 7 коп.

ЖАННА ГРЕНЬЕ,
 Москва, Петровка,
 д. „Якорь“,
 кв. 49, отд. 226.
 Для интересующихся методомъ особая
 приемная, открытая ежедневно, кромѣ
 праздниковъ, отъ 10 ч. утра до 6 ч. веч.
 Телефонъ 272-96. 37291

№ 4771. Eau de Cologne

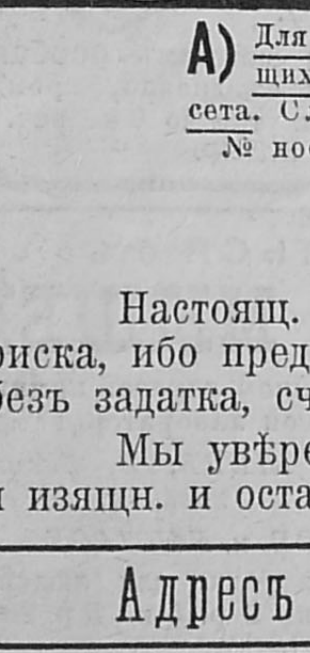
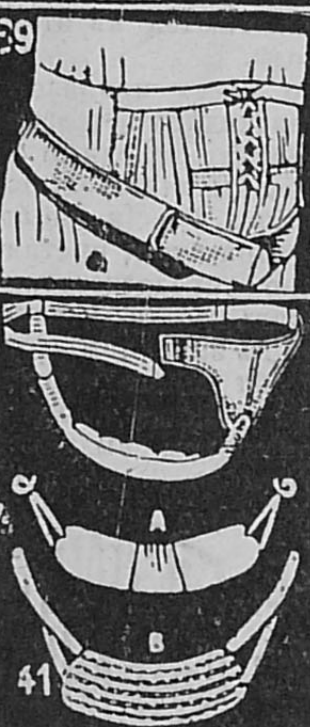
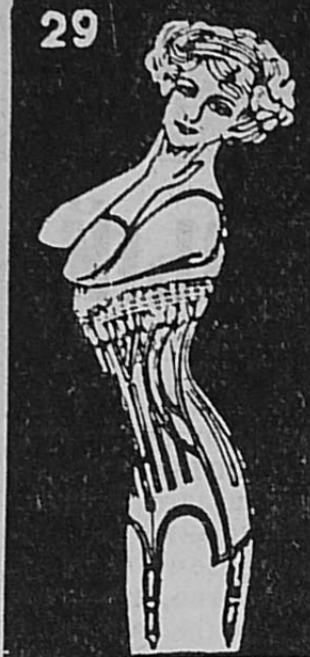
Въ качествѣ духовъ для
 НОСОВЫХЪ ПЛАТКОВЪ

единственно изысканнымъ о-де-колономъ является
„4771“ на сине-золотистомъ ярлыкъ. — Тонкій аро-
 матъ. — Никогда не приторенъ. — Распро-
 страняетъ приятное, въ высшей степени прелестное
 благоуханіе. — Во всякое время чрезвычайно ожи-
 вляющаго и освѣжающаго дѣйствія на лицо и кожу.

Слѣдуетъ употреблять однако исключительно марку
„4771“ на сине-золотистомъ ярлыкъ, никогда не
 другого воспроизведенія, другого о-де-ко-
 лона. — **„4771“** даетъ полную гарантію за дѣйстви-
 тельную чистоту о-де-колона. — Ди-
 стиллированъ по древнѣйшему собственному
 оригиналь-рецепту только изъ неподдѣльныхъ,
 наилучшихъ и отборнѣйшихъ основныхъ
 веществъ.

Цѣна флакона:
 60 коп., 1 руб.,
 1 руб. 50 коп.

ИЗБАВИТЬСЯ ОТЪ
КРЫСЪ и МЫШЕЙ
 можно только бактериальной зароды химико-
 бактериологической лабораторіи
Б. ГУРЕВИЧА. КИЕВЪ, Б. Василь-
 ковская, 10.
ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ и БЫСТРОЕ
 массовое истреб., безвредн. для людей и
 домашн. живот. Пор. въ 2 р. 5 к., 5 р. 20 к.
 37257 (съ перес.) 8-2

Едиственная въ Россійской Имперіи фабрика патентов. безвредн. Антикорсетовъ „ГИГИЕНА“, Варшава.

Сущест. съ 1894 г. Награждена на Россійск. и загр. выст. золот. и серебр. медалями и похв. лист. Тысячи благодарств. отзывовъ отъ нашихъ почт. постоян. клиентокъ. Наши издѣлія признаны многими проф. и врач. за невліяющія вредно на здоровье, а также специалистами и дамами изъ высш. слоевъ общества — практичными и образующ. изящн. фигуру, а потому вполне добросовѣстно можемъ рекомендовать наши Антикорсеты для ношенія весь день (даже физич. трудящ.), всѣмъ безъ исключ. дамамъ, заботящимся о своемъ здоровьи, дѣтямъ и даже страдающимъ. Цѣны крайнія (фабричныя).

Настоящимъ доводимъ до свѣдѣнія почт. заказч., что мы открыли отдѣлъ специально для изготовки фасоновъ обыкн. корсетовъ, отвѣчающ. послѣдному слову моды, и изготовляемъ таковыя заочно по мѣркѣ. Фасоны и ихъ преимущества, матеріалъ и цѣны см. ниже подъ „Наши корсеты“.

10. Набедриникъ фас. „Патти“ (Passe-corset) служитъ для сформированія бедеръ и живота; снабженъ въ талии резин. поясомъ, а также 2 пар. гигиен. подв.; застежка пугов.; сзади стлг. какъ корсетъ. Цѣна 4 р. 50 к. Шелковый 7 р. 50 к.

20. Платинумъ антикорсетъ фас. „Сирена“ лишень вслѣ. тверд. част., котор. замѣн. мягк. нелом. платинками (плетен. въ родѣ волосеницы); снабж. пуговичн. констр., какъ обыкн. лифъ, матеріалъ мягкій и очень прочн., можетъ быть стираемъ, какъ обыкнов. бѣлье, при чемъ платинки легко выним. и вставл. Антикорс. не требуетъ никакой починки, ибо въ крайн. случаѣ кажд. женщина можетъ сама почин.

Ластикъ бѣлый, кремъ и экрю 5 р. 25 к.
Батистъ-муаръ кремъ, розов., голуб. и экрю 6 р. 75 к.
Батистъ французскій бѣлый и чернйй 7 р. 50 к.
Тюлевый двойной кремъ и бѣлый 7 р. 50 к.
Батистъ шелковый узорчатый 10 руб.

Для беремен. и кормилицъ на 1 руб. дороже.
Къ сему фасону необходима 1 пара подвязокъ (см. ниже *).

21. Платин. Антикорс. фас. „Венера“ спереди ровень (devant droit) приспособл. для дамъ, имѣющ. больш. бедра и животъ. Матеріалъ, цвѣта и отличія тѣ же, какъ фас. № 20. Цѣны: ластикъ 6 р. 50 к., батистъ-муаръ 8 руб., батистъ франц. 9 руб., батистъ шелк. узорч. 11 р. 50 к., за приспособл. для кормил. на 50 коп. дороже.
Къ сему фасону необходимы 2 пары подвязокъ (см. ниже*).

22. Плат. Антикорс. фас. „Диана“ для страд. бол. почекъ по сист. проф. Зондеррегена. Отличія его тѣ же, какъ у фас. № 20, но подъ корсет. находит. резиновый поясъ для регулir., поддерживающій почки. Батистъ француз. во всѣхъ цвѣтахъ вмѣстѣ съ 2 п. подв. 13 р. 75 к. Батистъ шелк. 17 р. 50 к.

23. Платин. Антикорс. фас. „Лина“ начин. лишъ подъ грудью, дѣлаетъ талию гибкой и стягив. бока и животъ; конструкция пуговичная; стирается какъ обыкнов. бѣлье; очень легко и удобенъ, снабженъ 2 п. подв. Сатинъ въ узорахъ (цв. экрю) 6 р. 50 к., батистъ франц. во вс. цвѣт. 8 руб., батистъ шелк. 11 руб.

24. Фас. „Marseille“ снабж. прямой планш. спереди, а по бокамъ 2 рез. поясами для изящн. образов. талии, бедеръ и живота и 1 п. подв. Drille въ цвѣт. кремъ и экрю 7 руб. Drille франц. во вс. цвѣт. 10 руб. Тюл. двойн.—бѣл. и кремъ 9 р. 75 к. Кутиль-батистъ во вс. цвѣт. 11 р. 50 к.

25. Платин. Антикорс. съ брюшн. пояс. фас. „Прогрессъ“. Въ виду того, что дамы, нужд. въ брюшн. пояс., не могутъ одновременно носить корсета, онѣ отказ. отъ употр. столь нужн. для здоровья предм., исключ. не желая портить фиг.; дамы же, носящ. уже пояса (имѣющ. больш. и вислч. животы, беременныя и т. п.), не могутъ одѣть корсета. Обративъ на это вним., намъ удалось состав. Антикорс. вмѣстѣ съ брюшн. пояс. фас. „Прогрессъ“. Важныя его преимущ., что легкія, сердце и желудокъ соверш. свобод., а потому Антикорсетъ фас. „Прогрессъ“ реком. даже страд. одышкой, бол. сердца и блуждающ. почкой. Изготовл. изъ прочной ажурн. матер. цв. экрю съ 2 пар. подвязокъ 10 руб., шелков. 18 руб.

26. Новѣйш. фас. корсета „Annette“ изготовл. по новѣйш. парижск. модел.; изъ нижн. части корсета выход. изгот. изъ матер. 2 пояса, легко регулирующ. при помощи пружекъ, а потому стягив. животъ; въ корс. и пояса вставл. амер. резин. нелом. пластинки Drille съ 2 п. подв. въ цвѣт.: бѣл., кремъ, экрю и сѣрый 9 р. 50 к. Drille франц. во вс. цвѣт. 11 р. 50 к.

*) Гигиен. подв. глад. бум. шир. 75 коп.; шелк. шир. 1 р. 50 к.

27. Корс. фас. „Le Neos“ добав. къ № 28 } изгот. по сист. Франца Гленарда. Этотъ брюшн. поясъ изготвл. изъ нов. эласт. ткани, толщ. котор. снизу вверхъ уменьш., такъ что 3 ея состава легко узнатъ; закрыв. спереди на планш., сзади же регулir. по усмотр. Реком., какъ противод. бол. желудка, кишекъ, въ особен. же бол. такъ назыв. „Eutéroptose“, такъ какъ не дави не измѣн. полож. внутр. Необход. при употр. разн. рода спорта (сохран. отъ устал.), особен. при больш. переход. и предохран. отъ ожир. здоров. при ежедневи. употр. Необход. послѣ родовъ. (Корсетъ безъ пояса не высыл.). Корсетъ „Le Neos“ подход. къ кажд. фиг.; поддерж. и оставл. всѣ внутр. на ихъ должн. мѣстѣ, въ то время, какъ всѣ нынѣ корсеты толкаютъ внутренности внизъ.
Цѣна пояса 7 р. 25 к.; пояса съ корсетомъ 15 р. 75 к.

29. Новѣйш. модель корс. фас. „Stella“ см. ниже подъ „Наши корсеты“.

30. Корсетъ фас. „Rosa“ съ коротк. низ.; шить клинообр.; вставл. платинки; снабж. 1 п. подв. Drille въ цвѣт.: бѣлый, сѣрый, кремъ, экрю и розовый 5 р. 75 к. Батистъ франц. во вс. цвѣт. 7 р. 75 к.

31. Плат. корс. фас. „Mary“ отличія фас. № 23, но снабж. планш. и не для стирки. Цѣны и матер. какъ при фас. № 23.

32. Послѣднее слово моды! Корс. фас. „Mignon“ см. ниже подъ „Наши корсеты“.

35. Нагрудникъ фас. „Марыля“ изъ дв. тюли и тесем., безъ тверд. част.; застежк. пуговичн. Спина соед. съ нагрудн. подъ мышк. при пом. резинокъ. Тюлев. бѣл., кремъ съ бат. тесемк. 3 р. 75 к., тюл. съ шелк. тес. 5 р. 50 к.

39. Брюш. поясъ фас. „Лейденъ“; бока резин., лучш. свет.; практ. для нужд. въ пояс., снабж. 1 п. подв.; сатин. 5 р. 75 к.

41. Період. поясъ (мѣлчн. бинтъ) съ подушк., поглощающ. нечистоту; необходимъ для гигиены и здоровья женщинъ. Цѣна пояса съ 12 под. А (вѣстирающ.) 2 р. 50 к. или 4 под. В (стирающ.) 2 р. 20 к. Дуж. запасн. под. А—1 р. 30 к. и под. В за пар. 75 коп. (безъ пояса выс. не меньше 3 дюж. А или 3 п. В).

„Наши корсеты“.

Обращаемъ вниманіе нашихъ почт. заказчицъ, что наши обыкн. корсеты изготвл. въ новѣйшихъ фасонахъ по послѣднимъ парижской и брюссельской модамъ и отличаются: практичностью матеріаловъ, изяществомъ отдѣлки, прочностью, амер. резин. нелом. и невысох., замѣляющ. китовый усъ, и фабричными цѣнами. Можемъ увѣрить, что рекомендуемые нами всѣ 5 фасоновъ обыкн. корсетовъ отвѣчаютъ 3 основамъ: прочность, практичность и изящество. Мы не сомнѣваемся, что наши почтен. заказчицы и въ этой новой отрасли одарятъ насъ своимъ благоскл. вниманіемъ и удостоятъ насъ своими почтен. заказами.

- 29. Корсетъ фас. „Stella“
- 32. Корсетъ фас. „Mignon“
- 53. Корсетъ фас. „Margueritte“
- 54. Корсетъ фас. „Lucie“
- 55. Корсетъ фас. „Hilde“

5 новѣйшихъ фасоновъ съ длинными передами, обхватывающими бедра и животъ; шиты клинообразно разнообразно; вмѣсто китоваго уса вставлены легкія амер. резинов. нелом. и невысох. пластинки. Снабжены 2 пар. подв.
Drille к. въ цвѣт.: кремъ, экрю, сѣрый, бѣлый и розовый 8 р. 50 к. Drille фр. во вс. цвѣт. 10 р. 50 к. Сатинъ франц. въ узор. во вс. цв. 12 руб. Кутиль-бат. фр. во вс. цв. 14 р. Батистъ фр. шелк. въ узорахъ 17 р. 50 к.

Мѣрку для поясовъ достат. указ. объемъ живота въ полнѣйш. мѣстѣ; мѣра вокругъ на рубашкѣ.
Мѣрку для анти- и корсетовъ подать однимъ изъ нижеуказан. способовъ А, В или С.

- А)** Для заказчицъ, знающихъ № своего корсета. Слѣдуетъ указать № носимаго корсета.
- В)** Для незнающ. № носимаго корсета. Слѣд. указ. размѣръ одной полов. корсета, разлож. его на столѣ, измѣр. грудь, талию и бедра.
- С)** Для неимѣющ. корс. или неупотр. такового. Слѣдуетъ указ. мѣрки, будучи одѣтой въ лифъ, въ верхк., сант. или тесьмою, измѣр. вокругъ: 1) полн. окружн. груди со спиною подъ мышк., измѣр. на сам. груд.; 2) объемъ талии; 3) объемъ бедеръ и 4) выс. бочка до талии, нигдѣ не убавляя не прибавляя; 5) длина планшетки.

Просимъ почтенныхъ заказчицъ при заказѣ непременно сообщить намъ, по какому способу мѣрка снята: А, В или С.

Настоящ. иллюстр. объявл. даемъ возм. всѣмъ безъ искл. дамамъ во всей Имперіи заказать наши издѣлія заочно безъ всякаго риска, ибо предметъ, по какому бы то ни было поводу неподходящій, переимѣняемъ за нашъ счетъ. Заказы высылаемъ налож. платеж. безъ задатка, считая за перес. 50 коп. и 75 коп. въ Азіат. Росс.; при заказѣ 3 или болѣе предм. перес. за нашъ счетъ.

Мы увѣрены, что всѣ наши заказчицы, по разсмотрѣніи работы и изготовки высыл. нами предмет., найдутъ наши издѣлія практичн. и изящн. и остан. удовлетв. во всѣхъ отношеніяхъ.

Адресъ для писемъ: Антикорсетъ „ГИГИЕНА“, Варшава, Лин. Сенаторская, 32. Адресъ для телеграммъ: ПЛАТИНУМЪ Варшава.

Много денег зарабатывать может всякий плескун и вездѣ, научившись выдѣлывать мыло и лампадное масло въ какихъ угодно пропорц., безъ обзавед. и устр., только по моему руковод. и рец. дент. Товаръ обход. на 50% дешевле. Выст. нагр. и медали на русск. и иностр. выставк. Треб. также агенты для продажи мыла и масла моего завода. Подр. просп.-книжку высыл. за 1 семикоп. мар. Адресъ: Одесса, № 49, мыловаренный заводъ Х. Когона. 3733 4-1

ГОТОВЫЙ КОСТЮМЪ за 4 р.

95 к. высылаю по почтѣ, нал. плат. безъ задат. готов. костюмъ, односторонн. или 2-сторонн., состоящ. изъ пидж. (на хор. подклад.), жил. и брюкъ, сшит. по послѣдн. модѣ изъ хор., прочн., шерст. матер., англ. шевіота, во всѣхъ цвѣт., модн. рис. Лучш. сор. 6 р. 75 к., въ слѣд. разм.: 46, 48, 50, 52, 54 и т. п. Пер. 75 к., въ Азіат. Рос. 1 р. 35 к. При заказѣ 3-хъ и болѣе костюмовъ пер. за счетъ фирмы. Безъ риска. Не понрав. примемъ обратно. Адресовать: Лодзь, 10. Торг. фирмѣ „Фабрикантъ“ почт. ящ. 562. 37331

„PILULES MARBOR“
(ПИЛЮЛИ МАРБОРЪ)

Эти пилюли благотворно отражаются на здоровьи, онѣ не имѣютъ себѣ соперниковъ для развитія, укрѣпленія, придавая соразмѣрность, граціозную полноту, въ то же время не утощая талии. Флаконъ съ наставлен. 3 р. 50 к. фран. „PILULES MARBOR“ 5, Passage Verdeau, 5, 10-2 Paris. 37257

Депю въ С.-Петербургѣ, Аптека В. Бюлеръ, 49, Невскій пр.; въ Москвѣ — аптека Брунсъ, Маросейка; въ Кіевѣ, аптека Юротатъ; Тифлисѣ — Парфюм. магаз. I. Б. Сегаль; въ Вильнѣ и Одессѣ, Гаваннал, 9.

УЗНАЙТЕ ВАШЕ БУДУЩЕЕ!

Позвольте мнѣ послать Вамъ пробное опредѣленіе Вашего характера. **СОВЕРШЕННО БЕСПЛАТНО.**

Хотите узнать событія, касающіяся Вашей жизни? Это принесетъ Вамъ больше счастья, успѣха, довольства и удовлетворенія. Хотите узнать о Вашихъ друзьяхъ, врагахъ, сердечныхъ дѣлахъ, перемѣнахъ, случайностяхъ, сильныхъ и слабыхъ сторонахъ Вашего характера, угрожающихъ опасностяхъ и о многихъ другихъ вещахъ, скрытыхъ отъ Васъ? Если хотите, то сообщите мнѣ Ваше имя, адресъ, укажите число, мѣсяцъ и годъ Вашего рожденія, женаты ли Вы или одиноки. Тогда я вышлю Вамъ очеркъ Вашей жизни, который объяснитъ Вамъ, почему тысячи людей обращаются ко мнѣ за совѣтами и наставленіями. Пришлите мнѣ 2 семикопеечныя марки на покрытие расходовъ по пересылкѣ бесплатнаго опредѣленія Вашего характера. Адресъ: Д-ру Джону Аллену Клевланду — С.-Петербургъ, Невскій пр., 40. Отд. 8. А. В. Не откладывайте, пишите сегодня же. Вы будете поражены и удивлены!

СКАВУЛИНЪ

одобряютъ врачи благодаря его выдающимся качествамъ: нѣжному дѣйствию, не причиняющему боли, регулированію отправленій кишечнаго тракта и общедоступной цѣнѣ. Скавулинъ продается въ видѣ пилюль безъ запаха и вкуса. Важная перемѣна. Количество пилюль въ коробкахъ „Скавулинъ“ значительно увеличено безъ повышения цѣны.

ДО УПОТРЕБЛЕНІЯ.

ПОСЛѢ УПОТРЕБЛЕНІЯ.

Такою поразительную перемѣну производитъ

КОЛА-ДУЛЬЦЪ

Лучшее въ природѣ питательное вещество для мозга и нервовъ.

Настроеніе, мышленіе, дѣятельность, какъ и всякое движеніе, зависятъ отъ мозга. Усталость, унылость, изнуреніе, истощеніе, ослабленіе нервовъ и общая слабость тѣла суть примѣты недостатка жизненной силы. Если Вы желаете чувствовать себя всегда бодримъ, со складнымъ умомъ и хорошей памятью, если желаете испытывать труды и занятія, какъ удовольствіе, то принимайте КОЛА-ДУЛЬЦЪ. Это — естественное питаніе для нервовъ и мозга, которое вмѣстѣ съ тѣмъ поправляетъ и молодитъ кровь и такимъ образомъ, даря силой, вліяетъ благотворно на всѣ органы тѣла.

КОЛА-ДУЛЬЦЪ даритъ жизнерадостію и трудовой силой, а равно и ощущеніемъ молодости съ ея энергіей, этой лучшей гарантіей успѣха и счастья. Принимайте КОЛА-ДУЛЬЦЪ нѣкоторое время ежедневно и она укрѣпитъ Ваши нервы, всякое изнеможеніе исчезнетъ и подъ ея вліяніемъ Вы исполнитесь силой и жизнерадостію. Кола рекомендуется медицинскими авторитетами всего міра и примѣняется въ больницахъ и санаторіяхъ.

Требуйте КОЛА-ДУЛЬЦЪ бесплатно.

Теперь предоставляемъ Вамъ возможность подкрѣпить Ваши нервы. Напишите намъ открытое письмо съ Вашимъ точнымъ адресомъ и мы Вамъ немедленно вышлемъ **БЕСПЛАТНО** и со сполна **УПЛОЧЕННОЙ ПЕРЕСЫЛКОЙ** количество Кола-Дульцъ, достаточное для того, чтобы принести Вамъ облегченіе и дать возможность оцѣнить ея удивительное дѣйствіе. Если Вамъ угодно, то можете заказать и больше, но пишите непременно сейчасъ же, чтобы не забыть.

Акц. Общ.: „Всеобщая Фабрика Химическихъ Продуктовъ, въ Будапештѣ“. Представительство для Россіи: А. Герингъ, Варшава, Новый Свѣтъ, № 52 отдѣл.—242.

ДАРОМЪ!

Прейсь-кур. стереоскоповъ, картинъ, открыт. и новостей. Треб. агентъ.—Варшава, Вержбовал, 2.—Генер. аг. Акц. О-ва „Н. П. Г.“ 5-1 Вац. Ян. Двержавски. 37344

ПОДГОТОВКА КЪ НѢМЕЦКИМЪ ЭКЗАМЕНАМЪ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

Начальные и высш. курсы. МАРИЯ ЗАМУЛОНЪ. Берлинъ W. Schönbeger Ufer, 36-a I. pt. Приемн. час.: вторникъ, среда, четвергъ. 4-3 пятница отъ 12—1 ч. дня. 37191

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семки мар. Адресъ: Кіевъ, ред. газ. „Народная Кошбика“, отд. 3. 37258

ФОТОГРАФ. снимки парижск. красавицъ для любителей интереси. каталоги, содерж. около 150 разн. серій и другихъ новостей съ ихъ подробн. описан. высыл. въ закр. пакетъ по получ. 2x7 к. марокъ. Адр.: М. Липмановичъ, Лодзь, ком. ящ. 526. А. 37333

УЧИТЕСЬ

ведению всѣхъ судебныхъ и другихъ дѣлъ и составленію всевозможныхъ бумагъ. Проспекты высылаемъ бесплатно. Изд. А. ПАЛУБА, Сѣдлецъ. 22/50. 1-6

СПБ., Морская, 23. А. СКРОНЬ.
ДЕПО дерев. вещей и аппаратовъ для выжиганія, терракота, металл-пластикъ, тарсо, батикъ, краски и всѣхъ принадлежи. для художниковъ и для работы гвоздями.

БУХГАЛТЕРІЯ ЗАОЧНО

съ безплатными приложениями. Программа, пробная лекція Б. Е. З. П. Л. Т. Н. О. Адрес: книгоиздательство „Кругъ Самообразования“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 92—30. (5) 37079

Еще небывало! КАРАКУЛЕВАЯ ШАПКА

изъ искусств. вышатаго сорта чернаго или темно-сѣраго каракуля, на черной чистощелковой атласной подкладкѣ. При заказахъ указать объемъ головы. Высыл. налож. платежомъ, безъ задатка. За пересылку и упаковку въ ящикъ присчит. 55 к., въ Сибирь 95 к. При заказѣ 3-хъ шапокъ пересылка за нашъ счетъ. За непонравившіяся возвр. деньги сполна. Адрес.: г. Лодзь, Е. 82, въ складъ „Лодзинскій Экспортъ“.

200 рублей

въ мѣсяцъ можетъ заработать каждый, не бросая своего обыкновеннаго занятія, принявъ наше агентство. Капитала не требуется, занятіе приличное. Объявленія высылаемъ бесплатно. Адресовать: Банкирскому Дому М. ГИБСЪ и К^о, Варшава, Центральная, 238.

БРЕЗЕНТНАЯ ФАБРИКА ТВО НАФТА

С. ПЕТЕРБУРГЪ. Владимирск. пр. 10. Тел. 421-29. ТРЕБУЙТЕ ПРЕЙСЪ КУР.

Конторскую Скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самыя дурныя почеркъ. За 5 семки марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса, Професс. Каллиграфіи Адольфа КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19.

УНИЧОЖАЕТЪ МОЗОЛИ СЪ КОРНЕМЪ.
МОЗОЛИН 35к.
РЕЙНГЕРЦЪ
ОСТЕРЕГ. ПОДДѢЛ. ПРОД. ВЕЗДѢ
ФАБР. СПБ. 10 РОЖДЕСТВ. 24.

Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris.

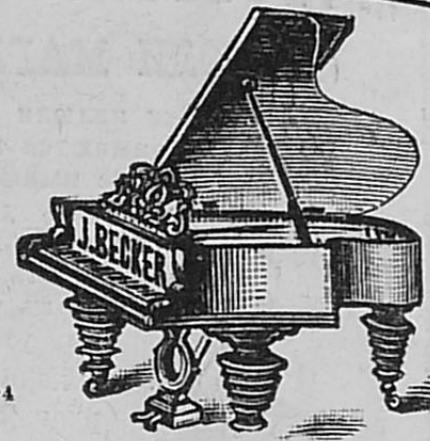
Ваите Бенгуэ
ПОДАГРЫ-РЕВМАТИЗМА
Цѣна: 1р.20к. НЕВРАЛЬГІИ Цѣна: 1р.20к.
Депо во всѣхъ аптекахъ.

КТО НЕ ИСПЫТАЛЪ

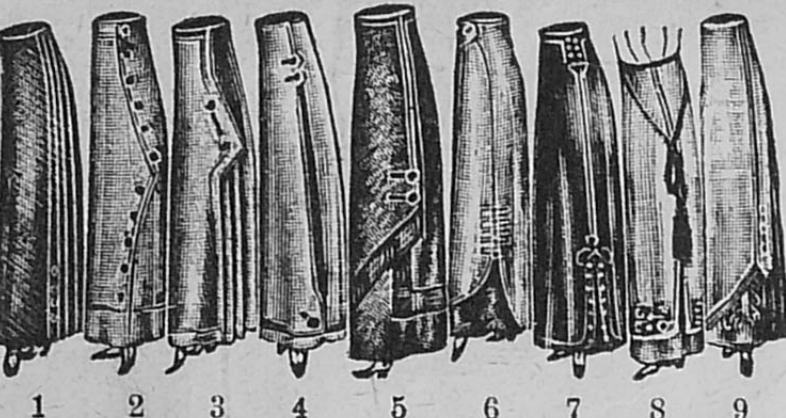

тяжесть разлуки съ любимымъ человѣкомъ, съ которымъ, быть-можетъ, не суждено уже свидѣться во вѣки? Чего бы Вы не дали за то, чтобы послѣ разлуки снова услышать дорогой и милый голосъ, или же дать Вашему другу возможность на чужбинѣ услышать Вашъ голосъ? Кому, наконецъ, не интересно услышать свой собственный голосъ такимъ, какимъ онъ былъ раньше? Все это вполне достижимо при помощи воспринимавшей граммофонной пластинки. Если раньше для записи звуковъ требовались дорогостоящія машины, то теперь это общедоступно. Стоитъ Вамъ только выписать отъ насъ новозобрѣтенный аппаратъ „Перфектъ“ и Вы можете получать пластинки **СОБСТВЕННЫХЪ НАПѢВОВЪ**, воспроизводящія Вашъ голосъ или же голоса Вашихъ родныхъ, друзей, близкихъ и знакомыхъ. Для воспріятія новаго напѣва употребленная пластинка подвергается легкой шлифовкѣ, что можетъ быть повторено до 50 разъ. „ПЕРФЕКТЪ“ — последнее слово техники въ области граммофонной промышленности. Въ цѣляхъ широкаго распространенія аппаратъ „Перфектъ“ съ прилож. 2-хъ воспринимавшихъ пластинокъ и пренарата для шлифовки высылаемъ нами за 10 р. Пересылка и пошлина за нашъ счетъ. За упаковку присчитывается 1 руб.
Иллюстрированный каталогъ граммофоновъ, швейныхъ машинъ, велосипедовъ, кинематографическихъ аппаратовъ и проч. высылаемъ бесплатно по требованію.
Съ заказами можно по-русски обращаться по адресу: Международный Экспортъ Х. Финкельштейнъ Германия, Берлинъ, ул. Канта 120/1. Exporthaus H. Finkelstein, Berlin, Kantstrasse 120/1. 37252 2-2

РОЯЛИ И ПИАНО
Я. БЕККЕРЪ
С.-Петербургъ, Морская, 35
Каталогъ № 21 по востребованію.

МОСКВА — ПРОВИНЦІЯ

Последнія модели 1912/1913 года. Всѣ получаемые нами заказы исполняются въ собствен. мастерскихъ строго согласно указаннымъ въ письмахъ размѣровъ. Благодаря кройкѣ лучшихъ спеціальныхъ (премированныхъ) закройщицъ, наши дамскіе наряды сидятъ на фигурѣ идеально, съ особымъ чисто парижскимъ шикомъ и изяществомъ, которыхъ не всегда достигаютъ Ваши мѣстныя портнихи.

ВЕРХНІЯ ЮБКИ	№№ фасоновъ								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Изъ мягкаго шерстян. трико въ измят. англійск. полоску, въ средне и темно-сѣр. цвѣтахъ (сезонныхъ)	4 85	4 95	5 25	—	—	—	—	—	—
Изъ чистого шерстян. матер., вышатаго качества, плотной лучшей доброты	5 25	5 50	5 75	5 45	6 90	9 90	8 75	11 —	7 50
Изъ тонкаго сукна чистой шерсти, плотной доброты	7 50	7 50	7 50	8 50	9 —	12 —	10 25	12 50	10 50
Изъ гладкаго шевіота	8 50	8 50	8 75	9 —	9 50	12 —	11 50	13 50	10 25
Изъ шевіота „диагональ“, чистой шерсти	5 25	5 25	5 50	6 35	6 75	—	—	—	—
Изъ заграничн. шелъ. вельветина	7 50	7 50	7 50	8 50	9 —	—	9 50	—	8 50
Мѣрка юбки: длина переда отъ пояса, длина бока, зада, ширина талиі, и объема. Цвѣта юбокъ: изъ шерстян. матер., сукна, вельветина и шевіота только въ черн. и синемъ, изъ трико въ сѣрыхъ тонахъ.	—	—	—	—	—	—	17 —	17 50	12 25

Верхнія юбки № 1 и 3 отдѣл. пугов., бока въ складку, № 2 фасонъ въ два шва, № 4 и 5 красиво отдѣл. шелков. модн. тесьмой, № 6 нарядная юбка, отдѣл. шелков. вельветномъ, № 7 отдѣл. аграфами и шелков. тесьмой, № 8 и 9 богато отдѣл. роскошн. вышивк. шелкомъ (№ 8 съ шелков. кушакомъ).

№ 10. Изящное платье „реформа“ изъ плотной чисто шерстян. матеріи, въ цвѣтахъ: черн., син. и коричн., отдѣл. шелк. тесьмой, незамѣнимо для дома, службы и дороги. 9 р. 75 к. То же съ рукавами. 11 р. 75 к.
Такой же фасонъ изъ шерстян. трико въ темно-сѣр. и средне-сѣр. цвѣтахъ, англійскаго жанра, безъ рукавовъ. 7 р. 50 к. То же съ рукавами. 9 руб.
№ 11. Нарядный капотъ фас. „Гейша“ изъ тонкаго бумажнаго муслина, отдѣл. гладью пугов. и кистями. 3 р. 90 к. То же изъ шелковист. ткани „тонкина“, отдѣл. шелков. сатиномъ. 5 р. 75 к.
То же изъ пушистой мягкой теплой бумажн. фланели, въ красив. новыхъ рисункахъ. 6 руб.
Такой же фасонъ изъ чисто шерстян. турецк. плажка-шали въ роскошныхъ восточн. рис. съ оригинальной красивой каймой, богато отдѣл. бархатомъ и шелк. кистями и пугов. 11 р. 50 к.
Мѣрка для платья и капота: длина отъ плеча до пола, объемъ бедеръ и груди. Капота и платья длин. болѣе 145 см., а юбки 105 см. будутъ стоить нѣсколько дороже.
Настоящимъ ручаемся, что высланныя нами готовыя вещи по качеству матеріала, работы и изяществу покроя будутъ выше Вашихъ ожиданій и значительно превышаютъ назначенную имъ цѣну, и гарантируемъ, что если таковыя по мнѣнію заказчика не отвѣчаютъ своей стоимости, то безпрекословно принимаемъ ихъ назадъ и уплачен. деньги возвращаемъ обратно полностью. Высылаемъ нал. жен. платеж. безъ задатка. Магазины дамскихъ нарядовъ ПАВЕЛЬ ОБОИМОВЪ и К^о, Москва, Тверская-Ямская, № 30. 37320

ГРАММОФОНЪ АМУРЬ 375 р.

ИЗБѢГАЙТЕ СКУЧНЫХЪ ВЕЧЕРОВЪ.

Никакая опера или театр не могутъ доставить Вамъ такого широкаго ансамбля извѣстныхъ артистовъ, какъ граммофонъ „АМУРЬ“, — это самое лучшее развлеченіе дома въ долгіе осенніе вечера.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСѢХЪ лучшихъ музыкальныхъ и граммофон. магазинахъ наши новые усовершенствованные граммофоны „АМУРЬ-ГРАНДЪ“.

При покупкѣ граммофона и пластинокъ **ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ** и обращайтесь вниманіе на марку: „ПИШУЩІЙ АМУРЬ“.

Каталоги по требованію высылаются бесплатно.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА для РОССІИ:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп., № 45.
СОБСТВЕННЫЯ ОТДѢЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ:
ВАРШАВА, ТИФЛИСЬ, РИГА,
Новый Свѣтъ, 30. Головинскій пр., 9. Александровская, 33.

ОБЩЕСТВО ГРАММОФОНЪ СЪ ОГР. ОТВ.
Пишущій Амурь